

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
Кафедра государственного управления

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАЛОГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Материалы научного круглого стола

Минск, 15 октября 2024 г.

Научное электронное издание

Минск, БГУ, 2024

ISBN 978-985-881-710-7

© БГУ, 2024

УДК 347.73(476)(06)
ББК 67.402.23(4Бел)я431

Редакционная коллегия:

кандидат юридических наук, доцент *А. В. Шидловский* (гл. ред.);
кандидат политических наук, доцент *В. С. Михайловский*;
кандидат юридических наук, доцент *А. А. Пилипенко*

Рецензенты:

доктор юридических наук, профессор *В. С. Каменков*;
кандидат юридических наук, доцент *Т. С. Масловская*

Проблемы и перспективы правового регулирования налоговых отношений в Республике Беларусь на современном этапе [Электронный ресурс] : материалы науч. круглого стола, Минск, 15 окт. 2024 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: А. В. Шидловский (гл. ред.), В. С. Михайловский, А. А. Пилипенко. – Минск : БГУ, 2024. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – ISBN 978-985-881-710-7.

Представлены доклады ученых и молодых исследователей, посвященные различным аспектам развития налоговых отношений в Республике Беларусь. Рассмотрены современные проблемы развития налогового права, а также определены пути совершенствования действующего законодательства.

Минимальные системные требования:

PC, Pentium 4 или выше; RAM 1 Гб; Windows XP/7/10;
Adobe Acrobat.

Оригинал-макет подготовлен в программе Microsoft Word

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *В. С. Михайловский*

Подписано к использованию 02.12.2024. Объем 1,11 МБ

Белорусский государственный университет.
Управление редакционно-издательской работы.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.
Телефон: (017) 259-70-70.
email: urir@bsu.by
<http://elib.bsu.by>

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Валюшко-Орса Н.В.</i> Основные направления создания цифрового пространства Евразийского экономического союза	4
<i>Василевич Г.А.</i> Об экономичности (эффективности) регулирования общественных отношений	8
<i>Василевич С.Г.</i> Кризисные ситуации как явление	13
<i>Василевич С.Г.</i> О некоторых аспектах регулирования денежных отношений	17
<i>Кавалей З.О.</i> Актуальные вопросы подоходного налогообложения на современном этапе социально-экономического развития Республики Беларусь.....	22
<i>Карамышев А.В.</i> Типичное и особенное в процессуальной регламентации судебных публично-административных споров	25
<i>Краснобаева Л.А.</i> О реализации публично-правовых отношений в системе государственного управления	31
<i>Лопуть Н.А.</i> Некоторые аспекты обеспечения эффективности использования бюджетных средств на государственные закупки	38
<i>Малаховский А.Р.</i> К вопросу о мониторинге в налоговой сфере	42
<i>Михайловский В.С.</i> Источники идеологии белорусского государства	49
<i>Пилипенко А.А.</i> Отдельные проблемы длительности взаимодействия налогоплательщиков и контролирующих органов	52
<i>Пилипенко А.А.</i> Отдельные проблемы определения налоговой базы при выявлении схем дробления бизнеса	61
<i>Пилипенко Ар.А.</i> Теоретико-прикладные аспекты соотношения банковской тайны и налогового контроля	69
<i>Протасовицкий С.П.</i> Налоговые отношения в свете неоклассической теории финансов	77
<i>Скобелев В.П.</i> Допустимо ли признавать ответчика (должника) плательщиком государственной пошлины, если судебное постановление вынесено не в его пользу, а истец (взыскатель) от уплаты государственной пошлины освобожден?	83
<i>Соловьев А.А.</i> Отдельные аспекты проведения встречных проверок в рамках налогового контроля	93
<i>Толочко О.Н.</i> Правовые проблемы развития рынка зеленого финансирования энергетических проектов	97
<i>Хаванова И.А.</i> Приостановление действия международных налоговых договоров: правовые модели Российской Федерации и Республики Беларусь.....	104
<i>Хашковский Н.В.</i> Ограничения и налогообложение в сделках, совершаемых физическими лицами с цифровыми активами	108
<i>Хотько О.А.</i> К вопросу формирования системы источников транспортного права как фактора стабилизации транспортной политики	112
<i>Шевко Н.М.</i> Риски, связанные с управлением искусственным интеллектом: взгляд со стороны	119

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОЗДАНИЯ ЦИФРОВОГО ПРОСТРАНСТВА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Н. В. Валюшко-Орса

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, 220030, г. Минск, Беларусь,
natallia_v@inbox.ru*

В статье рассматриваются основные направления создания цифрового пространства Евразийского экономического союза. Делается вывод о том, что дальнейшее развитие цифрового пространства Евразийского экономического союза позволит расширить возможности государств-членов Евразийского экономического союза не только в рамках единого рынка Евразийского экономического союза, но и на внешних рынках.

Ключевые слова: цифровое пространство; Евразийский экономический союз; экономическая интеграция; единый рынок; цифровизация.

THE MAIN DIRECTIONS OF CREATING THE DIGITAL SPACE OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

N. V. Valiushko-Orsa

*Belarusian State University, Leningradskaya st. 8, 220030,
Minsk, Belarus, natallia_v@inbox.ru*

The article discusses the main directions of creating the digital space of the Eurasian Economic Union. It is concluded that the further development of the digital space of the Eurasian Economic Union will expand the capabilities of the member states of the Eurasian Economic Union not only within the single market of the Eurasian Economic Union, but also in external markets.

Keywords: digital space; Eurasian Economic Union; economic integration; single market; digitalization.

На современном этапе уровень развития цифровых технологий играет определяющую роль в конкурентоспособности как отдельных стран, так и интеграционных объединений [1].

Создание и развитие цифрового пространства в рамках Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) является весьма важным и значимым для функционирования единого рынка, в рамках которого функ-

ционируют такие свободы как свобода движения товаров, свобода оказания (предоставления) услуг, свобода движения капитала и свобода движения рабочей силы. Кроме того, формирование цифрового пространства является необходимой составляющей не только в процессе интеграции государств-членов ЕАЭС между собой, но и при их включении в широкомасштабные процессы глобальной цифровой трансформации [2].

В качестве основных направлений создания цифрового пространства ЕАЭС можно выделить следующие:

- обеспечение усиления процессов экономической интеграции и международного сотрудничества;
- создание благоприятной среды для внедрения региональных цифровых инициатив;
- создание общей цифровой инфраструктуры и цифровых платформ;
- цифровизация ведущих экономических отраслей экономики и региональных рынков [1].

Согласно Декларации о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках ЕАЭС до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь» задачами развития экономических интеграционных процессов в рамках ЕАЭС до 2030 года являются:

- обеспечение общего рынка ЕАЭС ключевыми товарами и ресурсами и его эффективное функционирование путем: полного устранения барьеров и максимального сокращения изъятий и ограничений для свободного передвижения товаров, услуг, капитала и рабочей силы на внутреннем рынке ЕАЭС; обеспечение доступности продовольствия для населения государств-членов ЕАЭС; развития торгово-экономических связей между производителями и потребителями продукции агропромышленного комплекса в рамках ЕАЭС и др.;
- формирование общего транспортно-логистического пространства путем: задействования потенциала отношений с международными организациями и международными институтами развития в целях развития транспортно-логистического потенциала государств-членов ЕАЭС; повышения транспортной связанности государств-членов ЕАЭС с активно развивающимися рынками третьих стран и др.;
- формирование общего финансового рынка путем: обеспечения недискриминационного доступа на финансовые рынки государств-членов ЕАЭС; развития использования национальных валют государств-членов ЕАЭС при осуществлении трансграничных расчетов во взаимной торговле и др.;
- развитие экономического сотрудничества в сферах, имеющих интеграционный потенциал путем: развития рынка услуг в сферах, способствующих формированию инновационной экономики, в соответствии с

планами по либерализации; предоставления комфортных тарифов на услуги сотовой связи в международном роуминге на территориях государств-членов ЕАЭС и др.;

– функционирование ЕАЭС как полюса экономического притяжения на международной арене путем: активного развития взаимовыгодных отношений ЕАЭС с заинтересованными международными интеграционными объединениями и организациями, а также странами, стремящимися к равноправному и конструктивному партнерству; продолжения работы по формированию преференциальных торговых режимов с заинтересованными странами и региональными объединениями и др. [3]

Следует отметить, что в целях создания благоприятной среды для внедрения региональных цифровых инициатив, необходимо разработать общую надлежащую нормативно-правовую базу, создать государственно-частное партнерство для реализации приоритетных инициатив, развивать диалог между всеми заинтересованными сторонами, продвигать лучшие цифровые практики и решения [1].

Важно обратить внимание на то, что переход к цифровой экономике рассматривается ЕАЭС в качестве ключевой движущей силы экономического роста. За последние годы в государствах-членах ЕАЭС имеется прогресс по многим направлениям цифрового развития внешних границ. Кроме того, речь также идет о постепенном введении в действие интегрированной системы управления внешними границами [1].

В настоящее время активно развивается цифровое взаимодействие с таможенными органами, в рамках которого автоматизированная система «Электронная перевозка» выступает информационно-телекоммуникационным, техническим и технологическим интегратором при осуществлении таможенных операций [4].

Весьма значимым для формирования цифрового пространства ЕАЭС является обеспечение наличия различного рода образовательных программ развития цифровой грамотности населения [1].

В целом, дальнейшее развитие цифрового пространства ЕАЭС позволит расширить возможности государств-членов ЕАЭС, повысить конкурентоспособность субъектов хозяйствования не только в рамках единого рынка ЕАЭС, но и на внешних рынках, что является весьма важным для дальнейшего экономического развития ЕАЭС.

Библиографические ссылки

1. Цифровая повестка Евразийского экономического союза до 2025 года: перспективы и рекомендации [Электронный ресурс] // URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/413921522436739705/pdf/EAEU-Overview-Full-RUS-Final.pdf> (дата обращения: 06.10.2024).

2. Общие подходы к формированию цифрового пространства Евразийского экономического союза в перспективе до 2030 года [Электронный ресурс] // URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/8cf/Obshchie-podkhody-k-formirovaniyu-TSP-.pdf>. (дата обращения 06.10.2024).

3. Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках ЕАЭС до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь» [Электронный ресурс] // URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01443175/ms_26122023 (дата обращения 06.10.2024).

4. В ЕАЭС введут единый контроль автотранспорта на внешних границах [Электронный ресурс] // URL: <https://eec.eaeunion.org/news/speech/v-eaes-vvedut-edinyy-kontrol-avtotransporta-na-vneshnikh-granitsakh/> (дата обращения 06.10.2024).

ОБ ЭКОНОМИЧНОСТИ (ЭФФЕКТИВНОСТИ) РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Г. А. Василевич

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, 220030, г. Минск, Беларусь, gregory5581@yandex.by*

В статье анализируется ситуация, связанная с необходимостью повышения эффективности правового регулирования общественных отношений. Высказываются оценки и суждения автора по данной проблематике.

Ключевые слова: право; закон; эффективность правового регулирования.

ON THE ECONOMY (EFFICIENCY) OF REGULATION OF SOCIAL RELATIONS

G. A. Vasilevich

*Belarusian State University, Leningradskaya st. 8, 220030,
Minsk, Belarus, gregory5581@yandex.by*

The article analyzes the situation associated with the need to improve the effectiveness of legal regulation of social relations. The author's estimations and judgments on this problematic are expressed.

Keywords: law; law; effectiveness of legal regulation.

В литературе обычно «измеряют» эффективность права, предлагают свои «рецепты» применительно к действующим правовым актам, меньше уделяя внимание тому, насколько сами акты являются оптимальными, соответствуют тем целям, которые зафиксированы в Конституции. Поэтому не вполне можем согласиться с распространенной в литературе точкой зрения, в соответствии с которой под реализацией права понимают осуществление правовых предписаний и иных положений в правомерном поведении граждан, их организаций, органов государства. Такой подход не акцентирует внимание на ориентирах, которыми следует руководствоваться нормотворческим и правоприменительным органам при осуществлении своей деятельности, а также гражданам, общественным формированиям.

Использование формулы, согласно которой эффективность права представляет собой соотношение между фактически достигнутым ре-

зультатом и той целью, которая ставилась при принятии нормативного правового акта, является неприемлемым. Затрагивая проблему целей правового регулирования, отметим, что они не могут быть результатом субъективного усмотрения. Цели должны быть обусловлены объективными потребностями общественного развития. Это же касается и налогообложения. Оно должно иметь стимулирующую роль. Оптимизация налогообложения является одной из важнейших задач для обеспечения эффективного развития экономики.

В современный период всякая деятельность должна быть ориентирована на современную Конституцию, ее нормы и принципы. Пока Конституция отвечает вектору цивилизованного развития, ею необходимо руководствоваться. И лишь при утрате такой роли встает вопрос о ее замене новым Основным Законом, что и произошло в 1994 году. Последующая модернизация конституционного текста была обусловлена изменениями в общественном развитии, возникшими вызовами и угрозами и необходимостью на них адекватно отреагировать. Поэтому реализация права означает претворение в жизнь конституционных норм и принципов как общеобязательных правил поведения. С учетом содержания конституционных принципов и норм можно оценить, насколько оптимально определены цели в актах текущего законодательства. Под призмой такого соответствия следует оценивать эффективность правового регулирования.

Если проанализировать Конституцию Республики Беларусь (далее – Конституция), то можно найти закрепленные в ней принципы правового демократического государства. Их реализация – важнейшее условие разумного правового регулирования, т.е. такого правового воздействия на общественные отношения, которое способствует прогрессивному развитию общества в силу учета объективно складывающихся закономерностей.

Одним из таких принципов является принцип экономичности регулирования общественных отношений. Наиболее очевидным примером будет ссылка на ст. 99 Конституции. В ней предусмотрен запрет на внесение в Парламент законопроектов, следствием принятия которых может быть сокращение государственных доходов, создание или увеличение государственных расходов при наличии заключения Правительства. Однако, на наш взгляд, это лишь тот «минимум», к которому должны стремиться субъекты, участвующие в законотворческом процессе: сохранить существующий баланс доходов и расходов на том уровне, на котором он находится до принятия соответствующего закона. Основой экономики является идея об эффективности, предполагающая, что все лучшее – это то, что уменьшает затраты при неизменном количестве дохода. В зако-

нодательстве следует стремиться к более эффективному результату, обеспечивающему сочетание экономической выгоды и развитие прав и свобод граждан с учетом приемлемых лучших мировых стандартов. Стратегически важной с точки зрения экономичности правового регулирования является ст. 59 Конституции, согласно которой государственные органы, должностные и иные лица, которым доверено исполнение государственных функций, обязаны в пределах своих полномочий принимать необходимые меры для осуществления и защиты прав и свобод личности, обеспечивать такой порядок, при котором они реализуются в полном объеме. По существу, речь идет о праве граждан на хорошее управление. Сошлемся еще на ст. 13 Конституции. В ней закреплено регулирование экономической деятельности в интересах человека и общества, координация государственной и частной экономической деятельности в социальных целях. Жаль, что из данной статьи исключение положение о том, что государство содействует развитию кооперации. Ведь кооперационные связи как внутри государства, так и за его пределами важны для социально-экономической сферы.

Правы те ученые, которые утверждают, что право является прямой или косвенной причиной изменений в экономике, и, наоборот, экономика является прямой или косвенной причиной изменений в праве. В литературе справедливо отмечается о том, что принимаемые государством законы и конкретные судебные решения влияют на экономику. Об этом люди знали давно. То, что уровень экономического развития страны воздействует на ее правовую систему, стало понятно еще в XIX веке. Однако тот факт, что и сама правовая система, и отдельные юридические принципы, и судебные решения, и решения людей обращаться в суд, и многие другие моменты функционирования права имеют четкие экономические объяснения, стало очевидным в результате исследований экономистов и правоведов последних нескольких десятилетий.

Сложность заключается в том, что правовая норма имеет скрытую цену. Особенно когда это касается очень «тонких» правовых материй, например, таких как демократия, разделение властей, свободы и т.п.

Более успешно можно провести экономический анализ преступности. Здесь надо учитывать ряд исходных начал: уровень преступности, личность преступника, санкции, судебная практика, рецидив, расходы по содержанию в местах лишения свободы, состояние здоровья после отбытия наказания и др. Отрицательное отношение автора к судебной практике назначения уголовного наказания в силу его чрезмерной суровости заставило автора данной статьи инициировать перед Президентом принятие Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения. Возражения консервативно

настроенных юристов были преодолены. По истечении времени после ее принятия можно было видеть ряд позитивных плоды ее реализации: уменьшение сроков лишения свободы, более частое применение штрафов, разумный выбор меры наказания, что сказалось на существенном уменьшении числа уклонений от отбывания наказания. Реализация Концепции имеет не только социальный, но и экономический эффект.

Дать экономический эффект может более широкое использование информационных технологий. Уже в настоящее время следует развивать электронное правосудие, в том числе в сфере налогообложения. Экономичности правового регулирования способствует разумный выбор круга общественных отношений. Безусловно, право не должно быть «всепроникающим». В основе правового регулирования надо шире использовать не разрешительный, а запретительный порядок, т.е. не перечислять, что можно сделать, а указывать, от чего гражданин должен воздерживаться, что ему запрещено. Такой метод правовой регламентации следует шире использовать в хозяйственных отношениях.

Нам необходимо научиться формулировать законы достаточно четко, с тем, чтобы позволить заинтересованным лицам – при необходимости с помощью юридической консультации – предвидеть с разумной для данных обстоятельств степенью определенности те последствия, которые может повлечь за собой конкретное действие.

Необходимость избегать чрезмерной негибкости и не отставать от изменяющихся обстоятельств. Закон, предоставляющий публичной власти свободу усмотрения, должен определить ее пределы, а уровень требуемого уточнения зависит от конкретной области.

Результатом правотворческих предписаний должна быть определенность их содержания, ясность формулировок и их доступность для понимания. Без этого также трудно добиться эффективности в сфере управления. Важно обеспечить внутреннюю согласованность актов, исключить повторения сходных положений в различных актах одного уровня, тем более – противоречия.

Эффективности права способствует предсказуемость действий властных структур; стабильность правового регулирования, гражданин должен быть уверен, что он не подвергнется таким правовым последствиям, которые он не мог предвидеть в момент принятия своего решения, например, о хозяйственной деятельности, заключении договора и т.п. Вряд ли мы имеем основания утверждать об эффективности управления, если само законодательство нестабильно, подвержено конъюнктурным корректировкам. При этом, конечно, нельзя искусственно «консервировать», сохранять акты неизменными, устанавливая какие-либо искусственные запреты на их корректировку, например, определяя срок,

в течение которого недопустимо вносить изменения и дополнения в ранее принятый правовой акт. Автор еще в начале 90-х годов прошлого столетия обращал внимание на необходимость прогнозирования последствий принятия законов и иных нормативных правовых актов. Часто оптимизм по поводу нового акта исчезает через несколько недель, месяцев после его реализации. Значит разработчики проекта не просчитали все возможные последствия и варианты действия акта. Это касается как прав, свобод и обязанностей граждан, так и мер, направленных на предупреждение и искоренение коррупции, иных правонарушений, скрытого уклонения от уплаты налогов. Изменить отношение к работе по подготовке проектов может реализация простого правила – обязательность отчета инициаторов и разработчиков проекта о ходе его реализации. К проекту должен прилагаться письменный прогноз результатов действия предлагаемого акт разработчиков проекта.

В качестве инструментов обеспечения эффективности права сейчас рассматривается правовой мониторинг, выработка технологии оценки регулирующего воздействия актов законодательства. Безусловно, это плодотворное направление деятельности. Оно может дать результаты, если правовой мониторинг будет осуществляться «придирчиво», т.е. объективно, без приукрашивания. К его осуществлению должны быть подключены общественные формирования, граждане. В качестве примера неэффективного предварительного правового мониторинга можем привести антикоррупционную экспертизу. Ее осуществляют, как правило, юристы, к ней практически не подключают специалистов, обладающих специальными знаниями, в том числе должностных лиц хозяйствующих субъектов, которые знают на практике, как закон можно «обойти».

Хочу подчеркнуть, что экономический анализ права в современных условиях является одним из важных и интересных направлений развития совместных исследований юристов, экономистов, социологов, специалистов в области общественной психологии и информационных технологий. Следует для прогнозирования «обкатывать» практику применения искусственного интеллекта. Естественно, следует учитывать, что право – это искусство добра и справедливости. Именно под этим вектором мы и должны оценивать возможности снижения его экономических издержек.

КРИЗИСНЫЕ СИТУАЦИИ КАК ЯВЛЕНИЕ

С. Г. Василевич

*Белорусский государственный университет, юридический факультет,
ул. Ленинградская 8, 220030, г. Минск, Беларусь, sergey.workmail.135@gmail.com*

В статье анализируются взгляды ученых по вопросам возникновения и преодоления кризисов (кризисных ситуаций), рассматриваются различные виды кризисов (кризисных ситуаций). Отмечается, что экономический кризис обнаруживает существенные изменения в совокупном предложении и совокупном спросе и является не только результатом нарушения пропорциональности развития общественного производства, но и импульсом к достижению равновесия и сбалансированности экономики.

Ключевые слова: кризис; кризисная ситуация.

CRISIS SITUATIONS AS A PHENOMENON

S. G. Vasilevich

*Belarusian State University, Leningradskaya st. 8, 220030, Minsk, Belarus,
sergey.workmail.135@gmail.com*

The paper analyzes the views of scientists on the emergence and overcoming of crises (crisis situations).

Keywords: crisis; crisis situation.

Неотъемлемым атрибутом жизни, как свидетельствует практика, являются различного рода кризисы. На протяжении всей истории своего существования люди сталкивались с кризисами самого разного характера. Политические и экономические кризисы, техногенные катастрофы и природные бедствия, войны – все это постоянно, сменяя одно другим, преследовало людей. Государства столетиями искали и ищут пути противодействия упомянутым и другим угрозам (вызовам) которые в соответствующий момент времени актуальны.

Как справедливо отмечается в научной литературе, каждый вид кризиса требует применения собственной системы мер, включая правовые механизмы, как способ легитимизации предписаний, исходящих от представителей власти [1, с. 28].

По справедливому мнению И. А. Кушнаренко, «развитие и рост представляют собой два ортогональных изменения процесса эволюции. Во всяком устойчивом росте обязательно скрыт будущий кризис, когда следы роста обременят и людей, и окружающую среду. Развитие по сути – это перманентная смена способов роста, прорыв его инерции» [2, с. 27].

Виды кризисов, как отмечалось выше, могут быть политическими, экономическими и некоторыми другими.

В литературе кризис связывается с отсутствием «правильных пропорций» между отраслями и регионами, с нерегулируемой деятельностью предпринимателей. Обращается внимание на важную роль концепции, объясняющей кризисы сбоями в денежном обращении или банковской сфере. Отмечается, что экономический кризис обнаруживает существенные изменения в совокупном предложении и совокупном спросе и является не только результатом нарушения пропорциональности развития общественного производства, но и импульсом к достижению равновесия и сбалансированности экономики. В широком смысле под кризисом понимается поочередная смена положительных и отрицательных тенденций. Острота кризиса может быть снижена если учитываются его особенности, своевременно распознается его наступление.

Сказанное позволяет утверждать, что наступлению кризиса, в числе прочих факторов может способствовать и неэффективное управление. В связи с этим, ошибочно рассматривать любое управление как антикризисное управление.

Несомненно, важной задачей является выработка стратегий и (или) совокупности действий, позволяющих найти выход из наступившего кризиса.

Е. В. Охотский одним из приоритетных направлений антикризисного действия видит оптимизацию банковской системы, централизацию банковского надзора, таргетирование инфляционных процессов, оптимизацию реестра системно значимых банков, санацию, лишение лицензий неустойчивых и проводящих рискованную кредитную политику финансовых организаций и др. По мнению данного автора эти и другие действия по отдельности либо в своей совокупности должны помочь сформировать более эффективные институты управления деньгами [3, с. 224].

Своевременная выработка и реализация мер, направленных на управление финансовой системой, является частью преодоления кризиса.

Необходимо также учитывать и типологию кризиса в зависимости от реакции, которую он вызывает в социуме.

Как отмечает Ю. А. Тихомиров, кризис (кризисная ситуация) сама по себе может являться элементом более широкой категории – социального конфликта. При этом кризис является наиболее острой фазой такого

конфликта, может быть скрытым, вялотекущим, иметь длительный промежуток времени и резко активизироваться. Такие кризисы (кризисные ситуации) в основном носят социальный характер (экономический, политический, военные конфликты) [1, с. 52].

Данный автор выделяет фазы социального конфликта, к которым относит: зарождение конфликта, возникновение конфликта, раннее обнаружение конфликта, созревание конфликта, способы его предотвращения и преодоления [4, с. 11].

В условиях преодоления кризисных ситуаций актуальным становится исследование соотношения централизации и децентрализации, полученный опыт делегирования полномочий на принятие решений в условиях кризисных явлений (например, пандемии). Необходимость оперативного реагирования на непредвиденные явления, преодоление их заставляет по-новому взглянуть на дискреционные полномочия, быстроту принятия решений в возникших условиях. Должна усилиться контрольно-надзорная деятельность, в том числе функционирование государственного и общественного контроля, так как снижение эффективности контрольно-надзорной функции может в отсроченной перспективе привести к усилению угроз причинения вреда, речь должна идти не о приостановлении контроля или отказе от его осуществления (что ранее предлагали многие авторы).

Одной из важнейших составляющих аспектов повышения эффективности деятельности государственного аппарата является решение проблемы оптимизации управления, что нередко связывают с сокращением количества управленцев. В литературе обращается внимание на различие этих понятий – оптимизация управления и сокращение персонала; более удачным является использование такого понятия, как оптимизация численности работников.

Следует развивать финансово-экономическую основу местного самоуправления. К сожалению, на местном уровне часто не хватает необходимых средств, желательно перераспределить налоговые потоки в пользу местного уровня, учитывать вклад организаций в доходную часть бюджета. Тем самым, будет повышаться социальная ответственность административно-территориальных образований.

В заключение отметим, что кризис (кризисная ситуация) не рождается за короткий промежуток времени, является следствием длительного непринятия нужных либо принятия неправильных управленческих решений, накоплении отрицательного эффекта вследствие этого, неумении вовремя их распознать и т.д. Важно не только проводить своевременный мониторинг на предмет наличия кризиса (кризисной ситуации), но и обеспечить получение необходимой информации офици-

альным лицам, уполномоченным на принятие управленческих решений. Однако есть и внешние факторы, которые могут провоцировать кризис. Важно их распознавать и принимать эффективные контрмеры.

Библиографические ссылки

1. Правовое управление в кризисных ситуациях / Ю. А. Тихомиров [и др.]. М. : Проспект, 2022. 280 с.

2. *Кушнаренко И. А.* Концепция устойчивого развития и перспективы государственности (философско-методологический анализ) : автореферат дис. ... д-ра философ. наук : 09.00.08, 09.00.11 / Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. М., 2001. 56 с.

3. *Охотский Е. В.* Антикризисное государственное управление в условиях глобализации // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 1. С. 213–232.

4. *Тихомиров Ю. А.* Юридические конфликты: механизм анализа и преодоления // Актуальные проблемы административного права и процесса. 2017. № 2. С. 11. Административное право и процесс. 2017. № 2. С. 9–13.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕНЕЖНЫХ ОТНОШЕНИЙ

С. Г. Василевич

*Белорусский государственный университет, юридический факультет,
ул. Ленинградская 8, 220030, г. Минск, Беларусь, sergey.workmail.135@gmail.com*

Деньги со времен своего появления остаются универсальным товаром («мерилом»), всеобщим эквивалентом, позволяющим обменивать их на другие товары, работы или услуги. Денежные единицы каждого государства управляются им. Баланс интересов отдельного человека, общества в целом, а также государства в сфере финансов постоянно находится под воздействием объективных и субъективных факторов. В статье акцентируется внимание на некоторых аспектах, касающихся роли денег в современной жизни.

Ключевые слова: деньги; финансы; деноминация; государственное управление; эффективность; эффективные меры.

ON CERTAIN REGULATORY ASPECTS MONETARY RELATIONS

S. G. Vasilevich

*Belarusian State University, Leningradskaya st. 8, 220030, Minsk, Belarus,
sergey.workmail.135@gmail.com*

Since its emergence, money has remained a universal commodity (“measure”), a universal equivalent that allows it to be exchanged for other goods, works or services. The monetary units of each state are governed by it. The balance of interests of an individual, society as a whole, as well as the state in the sphere of finance is constantly under the influence of objective and subjective factors. The article emphasizes on some aspects concerning the role of money in modern life.

Keywords: money; finance; denomination, public administration; efficiency; effective measures.

Денежные единицы государств играют важную роль в жизни как отдельно взятых граждан, так и социальных групп, общества и непосредственно государства в целом. Взвешенная экономическая политика, а также управленческие решения в области финансов позволяют создавать надлежащие условия для жизни и повышения благосостояния граждан. В свою очередь ошибки в этой сфере влекут обратный эффект, вызывают

экономический спад, обнищание, недовольство, а также являются катализатором для других негативных обстоятельств. Важна грамотная организация и управление финансами как отдельно взятыми гражданами, так и государством в целом, что в совокупности будет способствовать устойчивому общественному, экономическому и политическому развитию и процветанию.

Отметим, что акты законодательства приводятся в действие не механически, а благодаря их реализации субъектами правоотношений, в том числе обладающими властными полномочиями. Как справедливо замечено Д. И. Романенко, субъекты правоотношений обладают собственными представлениями о разумном и должном [1, с. 23], реализуя правовые предписания.

Те или иные правовые предписания реализуется каждодневно. Их реализация необходима для принятия управленческих решений, для разрешения возникших споров, для разъяснения терминов, изложенных в нормативных правовых актах, актах государственных органов и т.д.

Каждое государство развивает национальную денежную систему, которая складывается со времён его образования. Денежная система – это урегулированная правовыми нормами совокупность форм и методов организации денежного обращения в стране.

К. С. Бельский к элементам денежной системы относит: 1) официальную денежную единицу с её наименованием, видом денежных знаков; 2) порядок эмиссии наличных денег; 3) безналичные деньги; 4) финансово-правовые нормы, предусматривающие указанные элементы и обеспечивающие функционирование денежной системы [2, с. 4].

В свою очередь А. Е. Самсонова указывает, что денежная система представляет собой обусловленную экономическими, историческими и политическими причинами организацию денежного обращения в стране, выделяет такие её элементы, как: 1) наименование денежной единицы; 2) виды государственных денежных знаков; 3) порядок выпуска, обращения и изъятия денежных знаков; 4) условия денежного обращения, в том числе установление пределов использования наличных денег и порядок проведения безналичных расчётов; 5) контроль за соблюдением правил хранения, расходования и обращения денег [3, с. 574].

А что же такое денежная единица? Денежная единица – это установленный в законодательном порядке денежный знак, служащий для соизмерения и выражения цен всех товаров. Как правило, денежная единица обычно делится на более мелкие, пропорциональные части, например, копейки. Такое деление стало характерно для Республики Беларусь с 1 июля 2016 года, поскольку Указом Президента Республики Беларусь от 4 ноября 2015 г. № 450 «О проведении деноминации официальной де-

нежной единицы Республики Беларусь» в этот день проведена деноминация официальной денежной единицы Республики Беларусь и произведена замена денежных знаков образца 2000 года в виде банкнот на денежные знаки образца 2009 года в виде банкнот и монет в соотношении 10 000 белорусских рублей образца 2000 года к 1 белорусскому рублю в денежных знаках образца 2009 года.

Статьей 10-1 Банковского кодекса Республики Беларусь от 25 октября 2000 г. № 441-3 предусмотрено, что официальной денежной единицей Республики Беларусь является белорусский рубль. Один белорусский рубль равен 100 белорусским копейкам.

Иногда проведённая деноминация создает впечатление об удорожании жизни, часто на психологическом уровне граждане долго привыкают к новым денежным знакам, новым ценам. Они первое время автоматически переводят новые цены в цены, существовавшие до деноминации, у части населения складывается впечатление, что товар подешевел, ведь если ранее он стоил, например, 1 000 рублей, то стал стоить 0,1 рубля. А на психологическом уровне это, конечно же, дешевле. Но важная деталь также заключается в округлении цен на товары, работы услуги, которое, как правило, происходит в сторону увеличения.

Первое время после деноминации население увеличивает свои расходы, пытаясь избавиться от «пригоршни» появившихся копеек, в числе которых и металлические рубли. С психологической стороны эту «мелочь» можно потратить, купив лишнюю чашку кофе или иной незначительный и не особо нужный товар. Но по факту выросли лишь расходы, доходы остались на том же уровне.

Как справедливо отмечено в литературе, деньги находятся в постоянном движении, они связывают между собой отношения физических лиц, субъектов экономической деятельности и государства. Выполняя функцию обращения и платежа, они обслуживают процесс реализации товаров (работ, услуг). Денежное обращение осуществляется в наличной и безналичной формах. В наличной форме средством платежа служат реальные денежные знаки, которые один субъект передаёт другому, расплачиваясь за товары (работы, услуги). В безналичной форме происходит списание определённой денежной суммы со счёта одного субъекта в банке или небанковской кредитно-финансовой организации и зачисление этой суммы на банковский счёт другого субъекта [4, с. 342].

Также отметим, что, к сожалению, большинство людей не обращают внимания на такой важный аспект денежных отношений, как «сложный процент». Ведь по факту при повышении цены по товары (работы, услуги) используется именно указанный нами процент. Как это выглядит? Предположим, что товар стоил 100 рублей, за определённый временной

промежуток он подорожал 5 раз, за каждое подорожание цена увеличилась на 10%. В конце этого промежутка времени товар не стал стоить 150 рублей, как можно было бы подумать. Конечная цена товара составила 161,05 рублей. Таким образом, с использованием «сложного процента» товар подорожал не на 50%, а на 61,05% от его первоначальной стоимости. Такая же ситуация складывается и со стоимостью работ, услуг. Всё это ведет к большему подорожанию товаров (работ, услуг), инфляционным процессам, обесцениванию и потере деньгами своей покупательской способности.

Отметим, что природа денег очень сложна. Обесценивание денег, если и должно происходить, то в меру, быть под строгим контролем, нельзя допускать неконтролируемых повышений цен, эмиссии денежных знаков, с целью увеличения доходов или покрытия каких-либо расходов соответственно. Деньги государства должны быть обеспечены, причём не обещаниями элит, а чем-то более серьёзным, например, золотом или другим активом, который ценится во всём мире и его стоимость не подвержена резким ценовым колебаниям. К сожалению, сегодня ни одна фиатная валюта ни одной страны не обеспечивается ничем, кроме, может быть, каких-либо гарантий правительств и государств. При возникновении кризиса правительства и государства будут думать над тем, как не допустить общего коллапса. Население также должно ориентироваться на проявление солидарности и социальной ответственности. Следует стремиться поддерживать собственную национальную валюту. Отдавать предпочтение иностранной валюте, значит укреплять экономику соответствующей страны. В обычной или кризисной ситуации следует исходить из общенациональных интересов.

Инфляция, рост цен часто являются причинами возникновения социальных конфликтов. Конфликты происходят на различных сферах общественной жизни. В зависимости от масштаба они могут влиять на ограниченный круг субъектов или быть более масштабными, протекать в острой фазе, требующей, порой, колоссальных усилий для их преодоления, стабилизации, обеспечения законности и правопорядка. По этой причине поддерживаем позицию, согласно которой чем раньше будет обнаружена противоречащая цели сама конфликтная ситуация, тем меньше потребуются усилий для разрешения конфликта.

Каждое государство использует в своём арсенале различные меры, целью которых является снижение конфликтности. Государство и общество заинтересованы в законопослушном поведении их

членов. В этой связи важна взвешенная денежно-кредитная и экономическая политика, обеспечивающая стабильное развитие.

Библиографические ссылки

1. *Романенко Д. И.* Аналогия права (цивилистическое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Саратов, 2019. 190 с.
2. *Бельский К. С.* К вопросу о понятии денежной системы Российской Федерации // Финансовое право. 2005. № 8. С. 3–6.
3. Финансовое право Российской Федерации : учебник / М. В. Карасева [и др.] ; под ред. М. В. Карасевой. М. : КноРус, 2012. 269 с.
4. *Пилипенко А. А.* Финансовое право : пособие. Минск : БГУ, 2022. 379 с.

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОДОХОДНОГО
НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

З. О. Кавалей

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, 220030, г. Минск, Беларусь, kavalei77@gmail.com*

В статье рассматриваются актуальные вопросы подоходного налогообложения физических лиц на современном этапе социально-экономического развития Республики Беларусь. Формулируется вывод о том, что при определении статуса физического лица, признаваемого налоговым резидентом Республики Беларусь в текущем календарном году необходимо учитывать не только критерий постоянного пребывания физического лица в границах определенного государства, но и критерий центр жизненных интересов физического лица.

Ключевые слова: налогообложение; налоговое резидентство; подоходный налог с физических лиц; постоянное пребывание физического лица; центр жизненных интересов физического лица.

**TOPICAL ISSUES OF INCOME TAXATION AT THE PRESENT
STAGE OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE
REPUBLIC OF BELARUS**

Z. O. Kavalei

*Belarusian State University,
Leningradskaya st. 8, 220030, Minsk, Belarus, kavalei77@gmail.com*

The article examines current issues of personal income taxation at the current stage of socio-economic development of the Republic of Belarus. The conclusion is formulated that when determining the status of an individual recognized as a tax resident of the Republic of Belarus in the current calendar year, it is necessary to take into account not only the criterion of the individual's permanent residence within the borders of a certain state, but also the criterion of the center of vital interests of the individual.

Keywords: taxation; tax residency; personal income tax; permanent residence of an individual; center of vital interests of an individual.

Развитие финансовых инструментов в современном мире усложняет администрирование налоговых отношений. Налоговым органам с каж-

дым годом становится сложнее отследить доход, полученный посредствам инновационных финансовых инструментов, чтобы определить источник получения дохода и правильно определить место уплаты налога и его размер.

В соответствии с ч. 1 п. 1 ст.17 Налогового кодекса Республики Беларусь от 19 декабря 2002 г. № 166-З (далее – НК) налоговыми резидентами Республики Беларусь признаются физические лица, которые фактически находились на территории Республики Беларусь в календарном году более ста восьмидесяти трех дней.

Таким образом, единственным критерием в Республике Беларусь, регулирующим отношения в области налогообложения доходов физических лиц, является постоянное пребывание на территории государства.

При этом наличие или отсутствие гражданства Республики Беларусь не влияет на статус резидентства. Граждане Республики Беларусь, иностранные граждане, а также лица без гражданства могут являться как резидентами, так и нерезидентами нашего государства.

Исходя из налогового статуса физического лица будет разграничиваться и объект налогообложения. Согласно п. 1 ст. 196 НК объектом налогообложения подоходным налогом с физических лиц, признаваемых налоговыми резидентами Республики Беларусь признаются доходы, полученные плательщиками от источников в Республике Беларусь и (или) от источников за пределами Республики Беларусь. Для физических лиц, не признаваемых налоговыми резидентами Республики Беларусь, объектом налогообложения подоходным налогом с физических лиц признаются доходы, полученные от источников в Республике Беларусь.

Необходимо отметить, что для налоговых органов критерий налогового резидентства важен как для уплаты налогов со всех доходов, полученных на территории Республики Беларусь, так и для раскрытия источника дохода физического лица, полученного за пределами Республики Беларусь.

Государства, реализуя принцип налогового суверенитета, различно подходят к установлению критериев определения статуса налогового резидентства физических лиц.

В настоящее время для устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь необходимо учитывать и другие критерии налогового резидентства, принятые в международном налоговом праве. Основным из таких критериев является критерий «центр жизненных интересов физического лица».

В соответствии с Модельной Конвенцией ОСЭР «центр жизненных интересов» включает в себя два элемента, а именно личные и экономические отношения. При этом, Конвенция устанавливает открытый пере-

чень отношений, которые должны рассматриваться в качестве как личных, так и экономических отношений.

В качестве основных направлений, раскрывающих понятие «центр жизненных интересов физического лица» можно выделить следующие семейные и социальные отношения физического лица; профессиональная деятельность физического лица; культурная и иная деятельность физического лица; место управления своим имуществом.

Критерий «центр жизненных интересов физического лица» является обширным и в каждом конкретном случае будет проводится анализ связи физического лица с государством для целей налогообложения и предупреждения получения необоснованной налоговой выгоды, путем использования статуса налогового резидента.

Например, при определении личных и экономических связей физического лица необходимо учитывать место проживания членов его семьи, детей; место, где обучаются дети налогоплательщика; доступность медицинской страховки и членство в ассоциациях и организациях; место, где налогоплательщик родился; место работы супруга; место развода, место получения водительских прав. Данные критерии можно использовать при подоходном налогообложении физических лиц, не только занятых в экономике, но и к тем, кто находится на пенсии и является безработным.

Критерий «центр жизненных интересов» необходимо использовать для целей подоходного налогообложения физических лиц как дополнительный критерий.

При этом важно сохранить универсальное значение критерия «центр жизненных интересов», которое будет одинаковым в рамках всего международного налогового права.

Важно отметить, что использование критерия «центр жизненных интересов» позволит сблизить налоговую систему Республики Беларусь и налоговые системы государств-членов ЕАЭС, которые уже применяют данный критерий в качестве дополнительного критерия для целей подоходного налогообложения физических лиц.

ТИПИЧНОЕ И ОСОБЕННОЕ В ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ СУДЕБНЫХ ПУБЛИЧНО- АДМИНИСТРАТИВНЫХ СПОРОВ

А. В. Карамышев

*Белорусский государственный университет,
220030, ул. Ленинградская 8, г. Минск, Беларусь, karamyshev-1963@mail.ru*

В статье рассматривается «традиционалистская» белорусская судебнo-процессуальная модель в контексте отличия и сходства с актуальными правовыми формами административного процесса и судопроизводства. Характеризуются коллизионные, конкурентные, субсидиарные аспекты в применении административно-процессуального и гражданского процессуального обеспечения споров.

Ключевые слова: административное процедурно-процессуальное праворегулирование; административное судопроизводство; общие правила гражданского судопроизводства; особенности производства по делам, возникающим из административных и иных публичных отношений.

TYPICAL AND SPECIAL IN THE PROCEDURAL REGULATION OF JUDICIAL PUBLIC ADMINISTRATIVE DISPUTES

A. V. Karamyshev

*Belarusian State University
Leningradskaya st, 8, Minsk, Belarus, karamyshev-1963@mail.ru*

The article examines the "traditionalist" Belarusian judicial-procedural model in the context of differences and similarities with current legal forms of administrative process and legal proceedings. Conflict, competitive, subsidiary aspects in the application of administrative-procedural and civil procedural support for disputes are characterized.

Keywords: administrative procedural-procedural law regulation; administrative legal proceedings; general rules of civil legal proceedings; features of proceedings on cases arising from administrative and other public relations.

С 1 января 2026 г. вступит в действие Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь от 11 марта 2024 г. № 359-З (далее - КГС). Своими главами 33-37, объединенными в подраздел 3 «Производство по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений», КГС наследует Гражданскому процессуальному кодексу Республики Беларусь от 12 января 1999 г. № 238-З (далее – ГПК) и

Хозяйственному процессуальному кодексу Республики Беларусь от 15 декабря 1998 г. № 219-З (далее – ХПК), становясь (продолжая быть) основой для рассмотрения наряду с гражданскими (экономическими) спорами административных (публичных) споров. Тем самым КГС уже своей юридической формой дистанцируется, прежде всего, от «классических» европейских административно-юстиционных законов (кодексов). Что касается постсоветского пространства, процессуальное законодательство Республики Беларусь и здесь имеет и будет иметь существенные отличия.

ГПК в статье 336 содержит норму, определяющую процессуальную канву, согласно которой дела, возникающие из административно-правовых отношений, рассматриваются судами по правилам искового производства с учетом положений настоящей главы (глава 29) и сущности производства по делам, возникающим из административно-правовых отношений.

Согласно статье 217 ХПК суды, рассматривающие экономические дела, рассматривают по первой инстанции дела отдельных видов производств по правилам, установленным настоящим Кодексом, с учетом особенностей, предусмотренных соответствующими главами настоящего Кодекса и иными законодательными актами.

В результате «наложения» данных текстов в КГС сформирована конструкция (пункт 2 статьи 352), по которой рассмотрение и разрешение дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, осуществляются по «общим правилам» искового производства с учетом «особенностей», предусмотренных подразделом 3, и «сущности производства» по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений.

Данная конструкция, как и «материнские» формы, отличительна оценочными формулами: «общие правила», «учет особенностей», «учет сущности производства». Уже само это является особенностью. Специфично и то, что они - продукт расширительной трактовки гражданского судопроизводства.

На постсоветском пространстве прямого аналога белорусской процессуальной модели не найти. В то же время, есть немало законодательных актов, по-своему специфичных наличием в них формул взаимодействия норм административного процесса и гражданского процесса. Такие конструкции содержатся, в основном, в кодексах, совмещающих в себе административно-процедурный и административно-процессуальный (судебный) блоки, надо отметить, с гораздо большей нормообеспеченностью первого за счет структурной регламентации двух-инстанционной

административной процедуры в соединении, подчеркнем, с насыщенным режимом административных актов.

Как следствие, здесь можно найти пример, когда нормы об административном процессе (судопроизводстве) включены в кодекс селективно одной главой. Основное, что в этом случае обозначено - категории споров (исков): о признании административно-правового акта недействительным, о признании административно-правового акта утратившим силу, о принятии административно-правового акта, об осуществлении действия, о признании; соответствующие судебные решения; подсудность споров; бремя доказывания; упрощенное и ускоренное производства. Что касается формы и содержания иска, то данные ключевые вопросы не отражены, и остается задействовать оговорку об использовании применимых норм гражданского процессуального кодекса. В ряде случаев к ним имеются прямые отсылки – в определении прав и обязанностей сторон, порядке истребования доказательств и др.

Такая комбинированная правовая структура, в принципе, проблематична с точки зрения методологии и практики. Тем не менее, в качестве определяющего (модернизационного) вектора здесь важно выделить именно создание *ab ovo* «сквозной» административной процедурно-процессуальной структуры. Привлечение для ее функционирования инструментария гражданского процесса привносит методологическую и операционную специфику. В основе своей структура сохраняется, однако, объективно нуждается в том, чтобы стать реально консолидированной в едином административном процессуальном законе.

Для обеспечения административно-судебного производства в кодексах используются разные конструкции. Выделим, например, такую - в административном судопроизводстве применяются положения гражданского процессуального кодекса, если иной порядок не предусмотрен настоящим кодексом. Принципиально не отличается от нее следующая формулировка – в административном судопроизводстве «могут применяться» положения гражданского процессуального кодекса, если иной порядок не предусмотрен настоящим кодексом и «в случаях, когда это не противоречит» предусмотренным настоящим кодексом процессуальным принципам.

Данные формулы читаются как алгоритм преодоления коллизии норм-претендентов – к объекту применяются нормы либо того кодекса, либо другого (одному порядку противопоставляется иной порядок). Однако на самом деле являются ли эти формулы корректными, аутентичными? Представляется, что это искусственные, квазиколлизионные формулировки, поскольку они не отражают фактическое соотношение и взаимодействие кодексов.

Сразу обращает на себя внимание использование в формулировках слова «порядок». Его понятийно-правовое содержание (структуру) нужно связывать с общими положениями, формирующими предмет регулирования – «порядок подготовки, принятия и исполнения административно-правовых актов, рассмотрения административных заявлений и жалоб, осуществления производства об административных процедурах в суде», «порядок судопроизводства».

Проблематичным будет допустить, что процессуальный закон (кодекс) может устанавливать «порядок» рамочно или с изъятиями. С методологических позиций неоправданно внедрение в один процессуальный порядок блоков или элементов из иного процессуального порядка (процедуры). Зачем в административном судопроизводстве формировать «симбиотический» продукт с той или иной вариацией норм, в данном случае, административного процессуального и гражданского процессуального законов? Беря во внимание непосредственно практическую сторону, также следует отметить уязвимость задаваемой «комплектации» норм и, как следствие, произвольный или сознательный уход от нее при рассмотрении дел.

Это правовой взгляд на проблему, практически реализуемый в разработке и введении в действие самоценного в методологическом и юридико-техническом плане административно-юстиционного кодекса, чему достаточно страновых примеров. В этом случае коллидирующие, конкурентные составы отсутствуют. В необходимых случаях могут быть задействованы инструменты правовой аналогии.

Приведенные положения созвучны концептуальному тезису о том, что применительно к процессуальному объекту данное слово должно иметь понятийное значение и обозначать юридический феномен, имеющий содержательную цельность и, соответственно, наполненную структурно-процедурную компоненту. В подтверждение можно привести нормы Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь от 16 июля 1999 года № 295-З и Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 года № 92-З, устанавливающие предметом своего исчерпывающего регулирования «порядок деятельности органов, ведущих уголовный процесс», «порядок административного процесса». В ГПК предметом регулирования также обозначен «порядок рассмотрения и разрешения дел», однако, с допущением того, что гражданское судопроизводство регулируется не только кодексом, но «и другими законодательными актами». В КГС, отступая от общепринятого обозначения, предметом регулирования названы (что более характерно для материального законодательства) «общественные отношения».

Допускаемое взаимодействие административно-процессуальных и гражданско-процессуальных норм характерно отсутствием коллидирующих и конкурентных правовых составов, поскольку кодексы регулируют разные предметы (споры). Фактически это взаимодействие представляет собой «реверсный» механизм с несколькими составляющими: 1. применение прямых административно-юстиционных норм; 2. добавочное применение норм гражданского процесса на основе аналогии закона; 3. применение аналогии права в случае несоответствия нормы гражданского процессуального кодекса принципам административного судопроизводства (шире – принципам административного процедурно-процессуального праворегулирования).

В такой модели нет явного контура правовой субсидиарности. В противовес этому пример субсидиарного формата дает следующая формулировка - при рассмотрении дел административный суд руководствуется нормами закона об административном судопроизводстве, а также нормами гражданского процессуального кодекса в случаях, когда закон прямо на них ссылается. Характерно, что такого рода прямые отсылки касаются только завершающих административный процесс вопросов исполнения решений суда. Неисполненные решения суда о возмещении ущерба, о взыскании присужденных сумм и неуплаченных штрафов, а также неисполненные утвержденные судом мировые соглашения исполняются в порядке, установленном гражданским процессуальным кодексом.

В свете рассмотренных положений отечественному судопроизводству по административным (публичным) спорам, унифицируемым в разряд «гражданских дел», тем не менее, присуща бинарность в виде специфического «свода» норм административного и гражданского процесса. При этом формулировка об «общих правилах» и «особенностях» не соответствует сущности этого процессуального конгломерата. Здесь нет характерных нормосвязок «общих» и «специальных» правил, поскольку очевидно коренное различие в природе и предмете споров. О наличии таких норм можно говорить только в рамках административно-публичного блока и в единичных случаях, например, относительно норм об общем и специальных сроках рассмотрения дел. Именно в этом ключе в КГС в подразделе 3 обозначаются параграфы об особенностях рассмотрения некоторых категорий дел. Как следствие, «кодифицированность» кодекса весьма специфична.

Эта специфичность обусловлена и другими факторами. Как и действующий гражданский процессуальный кодекс КГС в дополнение к квази-институализации административно-публичного производства как комбинации «особенностей», которые, к тому же, не всегда отчетливы,

отсылает, расширяя правовую субстанцию, к «сущности» этого производства, то есть к аналогии права (административно-процессуального). Однако кодекс не содержит его сущностного понятия, не определяет специфических принципов, которые бы его акцентированно характеризовали.

В результате, практическое применение аналогии права становится гораздо более сложным. В этой связи нельзя не отметить, что в таком важном правоформирующем документе как Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 24 декабря 2009 г. № 11 «О применении судами, законодательства, регулирующего защиту прав и законных интересов граждан при рассмотрении жалоб на неправомерные действия (бездействие) государственных органов, иных организаций и должностных лиц» эта значимая конструкция не воспроизводится и не комментируется. В контексте изложенного, а также содержательной специфики норм подраздела 3 КГС по ряду существенных позиций видится ее приоритетная роль в системном процессуальном обеспечении административных и иных публичных споров. Общая методология, основные правовые формулы «сущности производства» должны найти нормативное отражение в указанном постановлении.

О РЕАЛИЗАЦИИ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Л. А. Краснобаева

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, 220030, г. Минск, Беларусь, krasnabayeva@bsu.by*

В данной статье рассматривается вопрос реализации публично-правовых отношений в сфере государственного управления. Автор приходит к выводу, что одним из способов такой реализации является предоставление публичных услуг. Особое внимание уделяется механизму реализации публичных услуг через государственный социальный заказ.

Ключевые слова: государственное управление; публичные услуги; публичная деятельность; публично-правовые отношения; эффективность государственного управления; государственный социальный заказ

ON THE IMPLEMENTATION OF PUBLIC LAW RELATIONS IN THE SYSTEM OF PUBLIC ADMINISTRATION

L. A. Krasnobaeva

*Belarusian State University, Leningradskaya st. 8, 220030
Minsk, Belarus, krasnabayeva@bsu.by*

This article examines the issue of implementing public-law relations in the sphere of public administration. The author concludes that one of the ways of such implementation is the provision of public services. Particular attention is paid to the mechanism for implementing public services through state social procurement.

Keywords: public administration; public services; public activities; public-law relations; public administration efficiency; state social procurement.

Преобразования в системе государственного управления, административные реформы на постсоветском пространстве и последующее совершенствование законодательства стали основой для активного развития научных изысканий, посвященных публичной деятельности и публично-правовым отношениям. Вклад в эту область внесли как российские ученые, такие как А. Ф. Васильева, Л. В. Бесчастнова, Е. В. Морозова, Ю. Н. Старилов, Ю. М. Тихомиров, так и белорусские исследователи, среди которых стоит отметить С. Г. Василевича, Л. М. Рябцева, О. И.

Чуприс. Их работы поднимают вопросы совершенствования государственной деятельности и подчеркивают актуальность поиска новых форм и методов, способствующих эффективной организации государственного управления.

Сама идея «публичности» подразумевает тесную связь с обществом, отношение к нему как к единому целому, а также неразрывную связь с публичным интересом. Ю. А. Тихомиров определяет публичный интерес как «официально признанный государством и обеспеченный правом интерес социальной общности, удовлетворение которого служит приоритетным условием и гарантией ее существования и развития» [1].

Развитие публичного права [2; 3] и становление публичных отношений [4; 5] в рамках концепции эффективного государственного управления требуют создания механизма, который объединит функции регулирования, контроля, реализации и доступности для всех участников общественной системы. Это также ставит вопрос о необходимости объективной фиксации сферы взаимодействия с индивидами, приобретающей все более социальный характер. Особую остроту приобретает вопрос о признании права на общественное (публичное) благо, что формирует представление о публичной услуге как форме официально востребованного права.

Государственное управление – это многогранный инструмент, который служит основой для достижения общественно важных целей. Одним из ключевых способов повышения эффективности публичной деятельности и реализации публично-правовых отношений является предоставление публичных услуг государственными органами и организациями. Признание того, что государство существует для граждан, требует переосмысления традиционных подходов к государственному управлению, его функциям и правовым формам. Конституция Республики Беларусь провозглашает права человека высшей ценностью, что определяет содержание публичной деятельности и способствует развитию публичных услуг как нового правового явления. Суть публичных услуг как правового феномена заключается в том, что они признаются объектами административных правоотношений. Их основа – предоставление общественно-го блага, удовлетворение которого гарантируется государством и обусловлено управленческим правом. Реализация публичной услуги представляет собой публичную деятельность, осуществляемую путем издания правовых актов управления и/или совершения административных действий. Непосредственными субъектами, предоставляющими услуги, могут быть государственные организации, подведомственные органам управления, а также иные организации, действующие на основании правового акта управления или договора.

Деятельность по оказанию публичных услуг требует сложного правового регулирования, основанного на использовании различных правовых средств, направленных на упорядочение общественного взаимодействия. В настоящее время доктринальные подходы к сущности публичных услуг носят неоднозначный и противоречивый характер. С авторской позиции, публичные услуги следует рассматривать как вид управленческой функции, представляющий собой целенаправленную публичную деятельность.

Принятие концепции «государство-партнер» как средства, способствующего развитию диалога и взаимного доверия между государством и гражданами, а также между государством и бизнесом [6] влечет за собой необходимость переосмысления юридического содержания субъективных прав граждан по отношению к государству. Это требует пересмотра и понимания роли гражданина как равноправного субъекта права. Концепция правовой политики Республики Беларусь закрепляет одно из ключевых направлений деятельности белорусского общества: «сместить акценты правового регулирования от покровительства государства к установлению партнерских отношений между государством, обществом и гражданами» [7].

За долгие годы практики государственного управления сформировались разнообразные методы, с помощью которых реализуются публично-правовые отношения. Выбор конкретных методов зависит от их особенностей, которые в значительной степени определяются способами возникновения прав и обязанностей участников отношений и самим процессом их реализации. Современные реалии требуют децентрализации государственного управления, и для наиболее успешной реализации концепции публичных услуг оптимальным является разделение полномочий между республиканскими и местными органами власти.

Следует также отметить, что практическое применение основ государственного менеджмента с использованием технологий управления является эффективным способом обеспечения доступности публичных услуг в обществе. На этой основе можно предложить способ реализации публичных услуг через наделение полномочиями местных органов власти в социальной сфере. В этом случае местные органы власти будут самостоятельно принимать решения по оказанию социальных услуг населению и финансированию своей деятельности, основываясь на запросах жителей соответствующей административно-территориальной единицы и развитии социальной инфраструктуры.

Для разрешения подобных вопросов может использоваться технология аутсорсинга, которая является одним из способов передачи части управленческих вопросов. По мнению С. Шайдурова «аутсорсинг (как

правоотношение) деятельности (ее части) по исполнению полномочия, возложенного на государственный орган исполнительной власти или исполнительный орган местного самоуправления (публичная функция), – это урегулированное нормами права отношение сторон, представляющее собой: соглашение, по которому одна сторона – организация или индивидуальный предприниматель (аутсорсер) обязуется на долгосрочной основе выполнять публичную функцию либо предоставлять для ее выполнения в распоряжение другой стороны (заказчика), ранее выполнявшей данную публичную функцию, работников аутсорсера; либо передачу органом исполнительной власти (заказчиком), которая осуществляется в односторонне-обязывающем порядке на основании правоприменительного акта, исполнения публичной функции организациям (аутсорсерам), подведомственным заказчику» [8, с.105].

Допустимость и пригодность конкретной формы, применение альтернативных форм предоставления публичной услуги должны быть четко регламентированы соглашением в виде оформления государственного заказа.

В Республике Беларусь с 2013 года функционирует система государственного социального заказа, которая регулируется рядом нормативных правовых актов, включая Закон Республики Беларусь «О социальном обслуживании» от 22 мая 2000 года № 395-з, Постановления Совета Министров Республики Беларусь «О государственном социальном заказе в области социального обслуживания» от 27 декабря 2012 года № 1219, «Об оказании социальных услуг государственными учреждениями социального обслуживания» от 9 февраля 2017 года, а также постановление Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь «О некоторых вопросах оказания социальных услуг государственными организациями, оказывающими социальные услуги» от 26 января 2013 года.

Однако представленная система государственного социального заказа охватывает только сферу социального обслуживания и не распространяется на другие области социальной сферы.

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 11 декабря 2020 года № 94-З «Об изменении законов по вопросам здравоохранения и оказания психологической помощи», было принято постановление Совета Министров Республики Беларусь от 22 апреля 2021 года № 236 «О государственном социальном заказе в области здравоохранения». Данное постановление открывает возможности для негосударственных организаций здравоохранения, некоммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей в сфере оказания медицинской помощи на основе государственного социального заказа.

Термин «государственный социальный заказ имеет различные наполнения. В Республике Казахстан государственный социальный заказ представляет собой форму реализации социальных программ, социальных проектов, функций центральных и (или) местных исполнительных органов, переданных для осуществления в конкурентную среду. Государственный социальный заказ направлен на решение задач в социальной сфере и выполняется неправительственными организациями за счет бюджетных средств [9]. В Российской Федерации государственный социальный заказ определяется как документ, устанавливающий основные показатели, характеризующие качество оказания государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере [10]. В Республике Беларусь государственный социальный заказ определен как механизм привлечения организаций и индивидуальных предпринимателей к оказанию социальных услуг и (или) реализации социальных проектов (Закон Республики Беларусь «О социальном обслуживании» от 22 мая 2000 года № 395-з).

Таким образом, основными элементами государственного социального заказа являются: договорные отношения; вовлечение в число исполнителей юридических лиц негосударственной формы собственности и индивидуальных предпринимателей; конкурсная основа и субсидирование.

Внедрение механизма государственного социального заказа в систему предоставления публичных услуг в социальной сфере открывает широкие перспективы для решения актуальных социальных проблем. Во-первых, это позволяет расширить сферу применения данного механизма, включив в нее не только социальное обслуживание и здравоохранение. Во-вторых, повышается качество социальных услуг, предоставляемых в рамках государственных программ. Кроме того, государственный социальный заказ обеспечивает эффективное использование бюджетных средств и способствует внедрению инновационных форм социальной помощи населению. Это, в свою очередь, привлекает квалифицированных специалистов. В результате данный механизм стимулирует юридических лиц и индивидуальных предпринимателей к развитию социальных услуг.

Внедрение государственного социального заказа как способа реализации публично-правовых отношений в социальной сфере позволит органам государственной власти значительно повысить эффективность своей деятельности. Это достигается за счет внедрения новых технологий, концентрации усилий на ключевых направлениях и сокращения затрат на выполнение отдельных видов работ.

Государство должно научиться планировать результаты своей деятельности, эффективно распределять ресурсы и проводить объективный мониторинг результатов работы органов государственного управления. Механизм реализации государственного социального заказа может быть реализован через принятие «дорожной карты». Этот документ должен включать меры, способствующие повышению эффективности использования общественных ресурсов, выделяемых на предоставление услуг в социальной сфере, таких как социальное обслуживание, здравоохранение, жилищно-коммунальное обслуживание, дошкольное и дополнительное образование. Также в «дорожной карте» должны быть прописаны инновационные социальные технологии и механизмы привлечения внебюджетных инвестиций для развития объектов социальной инфраструктуры.

В рамках «дорожной карты» следует предусмотреть увеличение доли негосударственных организаций, оказывающих услуги в социальной сфере, включая создание организаций социального предпринимательства. Необходимо развивать систему поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций, а также внедрять механизмы государственно-частного партнерства в этой сфере. Кроме того, важно поддерживать заемное финансирование некоммерческих организаций, оказывающих услуги в социальной сфере, и предоставлять налоговые льготы по налогу на прибыль для организаций социального предпринимательства. В сфере образования стоит обратить внимание на практику бюджетного финансирования частных дошкольных учреждений, которые реализуют образовательные программы дошкольного дополнительного образования для детей с ограниченными возможностями.

Таким образом, эффективной формой реализации публично-правовых отношений является непосредственная публичная деятельность органов государственного управления, способная не только учитывать разнообразные интересы населения страны, но и объективно и оперативно оценивать их приоритетность, представляя в правовых актах и организационных действиях.

Библиографические ссылки

1. *Тихомиров Ю. А.* Публичное право: падения и взлеты // Государство и право. 1996. № 1. С. 3–11.
2. *Минаков П. А.* Публичная власть: политологический аспект. Уфа : РИЦ БашГУ, 2008. 199 с.
3. *Рачинский В. В.* Публичная власть как общеправовая категория (теоретико–прикладной аспект) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Уфа, 2003. 195 с.

4. *Сорокин Ю. Ю.* Публичная власть и интересы общества: проблемы взаимодействия : дис. ...канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2001. 213с.
5. *Югов А. А.* Правовые основы публичной власти в Российской Федерации. Екатеринбург : Изд-во Уральской гос. юрид. академии, 1999. 124 с.
6. Об утверждении Программы социально–экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 29 июля 2021, № 292 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024.
7. О Концепции правовой политики Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 28 июня 2023 г., № 196 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024.
8. *Шайдулов С.* Ответственность субъектов оказания переданных на аутсорсинг государственных и муниципальных услуг // Хозяйство и право. 2013. № 3. С. 104–109.
9. О государственном социальном заказе, государственном заказе на реализацию стратегического партнерства, грантах и премиях для неправительственных организаций в Республике Казахстан : Закон Республики Казахстан, 12 апр. 2005 г., № 36-III // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30008578&pos=36;-60#pos=36;-60 (дата обращения: 09.10.2024)
10. О Государственном (муниципальном) социальном заказе на оказание государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере [Электронный ресурс] : Фед. закон Российской Федерации, 13 июля 2020 г., №189-ФЗ // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2024.

Некоторые аспекты обеспечения эффективности использования бюджетных средств на государственные закупки

Н. А. Лопуть

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, 220030, г. Минск, Беларусь, kafedra_gu@bsu.by*

Эффективность бюджетных расходов на государственные закупки должна быть достигнута при соблюдении установленного порядка их проведения и участия в государственных закупках, обеспечивается мерами административной ответственности и мерами по возврату излишне израсходованных средств.

Ключевые слова: расходы бюджета; государственные закупки; возврат средств; ответственность; вред.

SOME ASPECTS OF ENSURING THE EFFECTIVENESS OF USE OF BUDGET FUNDS FOR PUBLIC PROCUREMENTS

N. A. Loputs

*Belarusian State University, Leningradskaya st. 8, 220030,
Minsk, Belarus, kafedra_gu@bsu.by*

The efficiency of budget expenditures on public procurement must be achieved by observing the established procedure for their conduct and participation in public procurement, which is ensured by measures of administrative responsibility and measures to return excessively spent funds.

Keywords: budget expenditures; public procurement; refund; responsibility; harm.

В расходной части бюджета значительную долю занимают расходы на государственные закупки. К заказчикам в государственных закупках (они же получатели средств бюджета) законодатель предъявляет ряд требований по соблюдению процедуры выбора поставщика (подрядчика, исполнителя), так как именно их действиями, в первую очередь, достигается эффективное использование средств бюджета.

В мае текущего года заработал механизм определения предельной стоимости в государственных закупках, установленный постановлением Министерства антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь от 30 апреля 2024 г. № 34 «О порядке и способах определения

предельной стоимости предмета государственной закупки», призванный отсекал сверхдорогие предложения потенциальных участников государственных закупок еще на стадии подготовки к закупке, по сути путем определения заказчиком (организатором, в случае его привлечения заказчиком) усредненной цены, рассчитанной из имеющихся (представленных по запросу) ценовых предложений, существующих на рынке. Выше указанной стоимости договор государственной закупки, проводимой в соответствии с Законом Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 419-З «О государственных закупках товаров (работ, услуг)» (далее – Закон), заключать нельзя, она служит ориентиром для участников при подаче ими предложений и является начальной ценой процедуры государственной закупки – электронного аукциона (ст. 1, п. 4 ст. 35, п. 4 ст. 48, п. 2 ст. 49 Закона).

Вместе с тем практика проведения государственных закупок показала необходимость в целях обеспечения первостепенного принципа эффективности использования средств бюджета принятия определенных мер и в отношении второй стороны отношений в сфере государственных закупок – участников процедур государственных закупок, а в последующем и контрагентов по договору государственной закупки.

В добавок к ранее существующим нормам законодательства, предусматривающим предъявление к участникам процедур государственных закупок особых требований, с августа текущего года ограничено участие в них аффилированных лиц (статья 16-1 Закона). Основная цель – устранить мнимую конкуренцию и не допустить заключение договора государственной закупки по поддерживаемой такими участниками цене.

Соблюдение обязанностей по осуществлению государственных закупок в соответствии с законодательством обеспечивается в том числе установленной ст. 12.9 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях ответственностью от 6 января 2021 г. № 91-3.

Однако субъектами такой ответственности в настоящее время выступают только физические лица – работники заказчика (организатора) (члены созданной для проведения государственной закупки комиссии), а сама административная ответственность предусмотрена в виде штрафа до 50 базовых величин в зависимости от нарушения (до 100 базовых величин в случае, если нарушение повлекло дополнительное расходование средств бюджета).

Следует отметить, что, несмотря на кажущуюся рутинность и процедурность осуществления государственных закупок, нарушения при их проведении зачастую влекут необоснованное расходование средств бюджета. При этом такое расходование может быть, как следствием действий заказчика (организатора), так и участника процедур.

Данные обстоятельства побудили подойти к вопросу возможной ответственности с другой стороны и определить особый порядок расчета вреда в государственных закупках.

Так, постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 18 мая 2023 г. № 316 «Об изменении постановления Совета Министров Республики Беларусь от 7 декабря 2016 г. № 1001» были установлены случаи и порядок расчета вреда в государственных закупках, причиненного как действиями заказчика (организатора), так и участника процедуры государственной закупки, повлекшими излишнюю уплату из бюджета денежных средств. По сути, в законодательство был имплементирован механизм возмещения выплаченной (полученной) в результате неправомерных действий разницы в цене государственной закупки.

В указанном постановлении выделены и структурированы нарушения, влекущие дополнительное расходование средств бюджета, при которых возможно однозначно определить базу для расчета завышения.

Так, вред подлежит расчету в следующих случаях и размерах:

- при нарушении порядка открытия, рассмотрения, оценки, сравнения, отклонения предложений в процедуре государственной закупки, повлекшем неправомерное решение о выборе участника-победителя (за исключением случая, связанного с неправомерным применением к товарам (работам, услугам) участника, выбранного участником-победителем, преференциальной поправки) и заключение договора с таким участником, – как разница между фактически выплаченными денежными средствами (в пределах цены договора, сформированной по результатам процедуры закупки, без учета ее увеличения при исполнении договора) и ценой предложения (ставкой при проведении электронного аукциона, в том числе с учетом преференциальной поправки в случае ее применения) участника, который должен был быть признан победителем. В данном случае вред вызван действиями заказчика (организатора) (комиссии, созданной для проведения государственных закупок);

- при изменении, не предусмотренном актами законодательства, условий договора государственной закупки в случае его заключения и (или) исполнения в части объема (количества) предмета государственной закупки (за исключением увеличения объема (количества) предмета государственной закупки при соблюдении пропорционального увеличения его стоимости), цены договора государственной закупки – как разница между фактически полученными поставщиком (подрядчиком, исполнителем) денежными средствами и денежными средствами, подлежащими получению по договору государственной закупки с учетом требований законодательства. Представляется, что в данном случае подлежат выяснению все обстоятельства совершения противоправного деяния для

установления субъекта, которым будет возмещаться вред (инициатива по изменению договора, фактически возможность и последствия отказа от его изменения и др.). Запрет на изменение договора государственной закупки адресован как заказчику, так и участнику, с которым заключен договор государственной закупки;

– при неправомерном заявлении участником о праве на применение преференциальной поправки при участии в государственных закупках (в случае применения такой поправки), а также невыполнении в случаях, установленных актами законодательства, обязательств и условий в связи с применением преференциальной поправки – как разница между фактически полученными поставщиком (подрядчиком, исполнителем) денежными средствами (в пределах цены договора, сформированной по результатам процедуры закупки, без учета ее увеличения при исполнении договора) и ценой предложения (ставкой при проведении электронного аукциона, в том числе с учетом преференциальной поправки в случае ее применения) участника, который должен был быть признан победителем. Установление данного случая возмещения вреда представляется более чем оправданным. Заявляя право на преференциальную поправку, участник получает значительное преимущество перед другими участниками при оценке и сравнении предложений (может выиграть с ценой выше, чем у других участников до 15% (25%)), фактически же при неправомерном заявлении такой поправки заказчик, а, следовательно, бюджет, переплачивает указанную сумму.

Механизм правового регулирования порядка действий участников отношений в государственных закупках в совокупности с определенными законодательством негативными последствиями при его нарушении должны способствовать повышению эффективности использования средств бюджета.

К ВОПРОСУ О МОНИТОРИНГЕ В НАЛОГОВОЙ СФЕРЕ

А. Р. Малаховский

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, 220030, г. Минск, Беларусь, malakhovskyalex@gmail.com*

В статье анализируются теоретические и прикладные аспекты осуществления мониторинга в налоговой сфере. Исходя из анализа норм национального законодательства делается вывод о модификации мониторинга в налоговой сфере в контроль за крупными налогоплательщиками. Видится необходимым и логичным переход к полноценной модели горизонтального мониторинга в Республике Беларусь при условии приведения в соответствие с ней существующей модели контроля за крупными налогоплательщиками.

Ключевые слова: проверка; налоговый контроль; профилактические меры; мониторинг; горизонтальный мониторинг; крупные налогоплательщики.

OF THE ISSUE OF MONITORING IN THE TAX SPHERE

A. R. Malakhovski

*Belarusian State University, Leningradskaya st. 8, 220030
Minsk, Belarus, malakhovskyalex@gmail.com*

The article analyzes theoretical and applied aspects of monitoring in the tax sphere. Based on the analysis of the norms of national legislation, it is concluded that monitoring in the tax sphere is modified into control over large taxpayers. It seems necessary and logical to switch to a full-fledged model of horizontal monitoring in the Republic of Belarus, provided that the existing model of control over large taxpayers is brought into line with it.

Keywords: audit; tax control; preventive measures; monitoring; horizontal monitoring; large taxpayers.

Помимо проверок, финансовый контроль осуществляется также в форме мер профилактического и предупредительного характера, среди которых предусмотрены проведение мониторинга и направление рекомендаций по устранению и недопущению недостатков, выявленных в результате мониторинга; проведение разъяснительной работы о порядке соблюдения требований законодательства, применение его положений на практике; информирование субъектов (включая использование средств глобальной компьютерной сети Интернет, средств массовой информа-

ции) о типичных нарушениях, выявляемых в ходе проверок контролирующими (надзорными) органами; проведение семинаров, круглых столов и другого. При этом в нынешней редакции Налогового кодекса Республики Беларусь (с 1 января 2019 г.) (далее – НК) из перечня форм налогового контроля исключен мониторинг, хотя налоговыми органами предоставлено право на осуществление мониторинга в порядке, установленном Президентом Республики Беларусь. Представляется, что исключение мониторинга из данного перечня не вполне отвечает содержанию Указа Президента Республики Беларусь от 16 октября 2009 г. № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь», который является основополагающим нормативным правовым актом в сфере государственного контроля и имеет большую юридическую силу, чем НК. В связи с этим отсутствие мониторинга в качестве формы налогового контроля в НК не позволяет исключить возможность применения соответствующих норм Указа № 510 и утвержденного им Положения о порядке проведения мониторинга, а, следовательно, и осуществления налоговыми органами контроля в форме мониторинга.

Мониторинг представляет собой форму контроля, заключающуюся в «наблюдении, анализе, оценке, установлении причинно-следственных связей, применяемую контролирующими органами в целях оперативной оценки фактического состояния объектов и условий деятельности субъекта мониторинга на предмет соответствия требованиям законодательства, выявления и предотвращения причин и условий, способствующих совершению нарушений, без использования полномочий, предоставленных контролирующим (надзорным) органам и их должностным лицам для проведения проверок». Законодательство не закрепляет каких-либо специальных норм касательно порядка осуществления налогового контроля в форме мониторинга. Представляется, что законодателю, как предлагает А. А. Пилипенко, следовало бы закрепить формальные условия (критерии, основания, требования, процедуру) для применения налогового мониторинга в Налоговом кодексе, которые отличались бы от предусмотренных Указом № 510 и Положением о порядке проведения мониторинга. Это позволило бы учесть ряд особенностей государственного контроля, осуществляемого в налоговой сфере, а значит, и «повысить эффективность практического управления налоговыми рисками, своевременно предвидеть негативные последствия функционирования механизма налогообложения» [1, с. 86].

Из сущности мониторинга вытекает, что он имеет в большей степени профилактический и предупредительный характер, нежели карательный. К преимуществам мониторинга относят его быстроту и гибкость правового реагирования, направленные на то, чтобы с наибольшей эф-

фективностью предупреждать возможные нарушения законодательства. При этом в рамках мониторинга предотвращение нарушений налогового законодательства осуществляется посредством устранения причин и условий, которые могут к ним привести в ходе дальнейшей деятельности контролируемого субъекта. Мониторинг осуществляется соответствующими органами без использования полномочий, предоставленных им для проведения проверок. Следовательно, не требуется заранее уведомлять субъект мониторинга об осуществлении в отношении его налогового контроля в данной форме, оформлять предписание на проведение мониторинга, вносить сведения в книгу учета проверок и совершать иные действия, обязательные при проведении проверки. Однако в рамках данной формы контроля существуют и некоторые особенности в полномочиях контролирующих органов. Так, при проведении мониторинга должностные лица контролирующих органов вправе входить на общедоступную территорию или объекты, а на иные территорию или объекты – с согласия контролируемого субъекта, использовать доступные средства глобальной компьютерной сети Интернет, видео- и телекоммуникационные ресурсы дистанционного контроля. Кроме того, немаловажным является то, что мониторинг может осуществляться в отношении любого субъекта предпринимательской деятельности вне зависимости от вида осуществляемой деятельности и периода её осуществления, поскольку соответствующие нормы о порядке организации проверок на мониторинг не распространяются.

Не исключается проведение мониторинга в отношении субъектов, порядок проведения налоговых проверок которых определяется в соответствии с НК, а не Указом № 510. Это обусловлено, во-первых, тем, что Указом № 510 не закреплено соотношение понятий «субъекта мониторинга», которое обозначает круг лиц, в отношении которых осуществляется мониторинг, и «субъекта (проверяемого субъекта)» – общего понятия, введенного для целей Указа № 510. Во-вторых, отсутствует и указание об отнесении к субъектам мониторинга только тех субъектов, проверки в отношении которых возможны только в рамках Указа № 510 с учетом норм пункта 23 Указа (и, соответственно, пп. 2.2. п. 2 ст. 72 НК), которые относят ряд налоговых проверок к сфере правового регулирования Налогового кодекса.

Если предположить, что категории лиц, которые включаются в понятия «субъекты (проверяемые субъекты)» и «субъект мониторинга», которыми оперирует Указ № 510 и утвержденные им положения, совпадают, то в таком случае исключена была бы возможность проведения мониторинга в отношении, например, лиц, осуществляющих деятельность, которая не относится к предпринимательской и не является ремесленной,

так как данные лица входят только в более широкое понятие плательщиков налогов согласно Налоговому кодексу, который не предусматривает проведение мониторинга. При этом возможность осуществления мониторинга в отношении иных лиц, проведение проверок в отношении которых определяется НК (то есть в отношении которых проводятся камеральные и в определённых случаях выездные проверки) согласно п. 23 Указа и пп. 2.2. п. 2 ст. 72 НК, оставалась бы в отношении тех лиц, которые подпадают под определения «субъектов (проверяемых субъектов)» и «субъект мониторинга».

Представляется, однако, что в силу направленности мониторинга как формы контроля на выявление причин и условий, способствующих совершению нарушений, а значит на предупреждение правонарушений, понятие «субъект мониторинга» не должно ограничивать круг лиц, в отношении которых мониторинг может проводиться. В таком случае проведение мониторинга возможно в отношении любых субъектов, в том числе в отношении субъектов, проведение проверок которых регулируется Налоговым кодексом и тех, которые не охватываются понятием «субъекты (проверяемые субъекты)». Таким образом, для разрешения данного вопроса представляется необходимым более подробное урегулирование данного вопроса в законодательстве.

При обнаружении в ходе мониторинга на территории или объектах контролируемого субъекта нарушений или недостатков субъекту мониторинга предоставляется возможность их устранения. В таком случае меры ответственности в отношении субъекта или его должностных лиц не применяются, за исключением случаев повторного выявления нарушений или недостатков, выявленных этим контролирующим органом при проведении предыдущего мониторинга. В связи с этим, правильным и обоснованным представляется утверждение М. В. Лазаря о том, что «основной целью мониторинга в рамках налогового контроля является кооперирование действий государства и плательщиков налогов путём обеспечения своевременного реагирования и предупреждения налоговыми органами действий (операций) плательщиков, которые могут привести к нарушениям налогового законодательства, а также путем предоставления плательщику возможности добровольно устранить выявленные в его деятельности недочеты без применения соответствующих мер ответственности» [2].

К вопросу о мониторинге в рамках налогового контроля следует отметить опыт зарубежных государств, а именно применение так называемого горизонтального мониторинга. Данную форму контроля называют именно горизонтальным мониторингом в связи с тем, что такой мониторинг в большей мере направлен на формирование партнёрских отноше-

ний между государством и контролируемым субъектом, в отличие от его привычной («вертикальной») модели [3, с. 125]. Горизонтальный мониторинг несколько отличается от привычного мониторинга, осуществляемого в порядке, установленном Указом № 510 и Положением о порядке проведения мониторинга. Данная форма налогового контроля была впервые предложена Налоговой службой Нидерландов в 2002 году на Научном Совете по Государственной политике в Нидерландах. С 2005 г. горизонтальный мониторинг активно внедряется в практику развитых стран, таких как США, Великобритания, Австралия, Канада, Франция, Германия и другие. В современной мировой практике горизонтальный мониторинг является одним из альтернативных способов разрешения и предотвращения возможных налоговых споров. Сущностью налогового мониторинга является установление доверительных отношений между налогоплательщиком и налоговым органом путём заключения соглашения между ними на основе добровольного заявления налогоплательщика. Налогоплательщик открывает уполномоченным должностным лицам налогового органа информационную базу бухгалтерского и налогового учёта для просмотра первичных документов, служащих основанием формирования налоговой базы по уплачиваемым им налогам, фактически в режиме реального времени. Налоговый орган, в свою очередь, оперативно отслеживая проводимые налогоплательщиком операции по исчислению налогов, предупреждает его о возможных налоговых рисках при совершении той или иной операции. Таким образом, данная система позволяет налоговому органу контролировать правильность расчета налогов без проведения выездных или камеральных проверок. В свою очередь, налогоплательщик получает возможность своевременно исправлять допущенные ошибки на основании полученных письменных рекомендаций налогового органа [4, с. 28]. Одной из важнейших задач, которую позволяет решить налоговый мониторинг, является создание благоприятных условий для субъектов хозяйствования, которые стремятся к готовности к сотрудничеству с налоговыми органами и повышению степени прозрачности своей деятельности. Применительно к странам ближнего зарубежья следует отметить, что модель горизонтального мониторинга действует в Российской Федерации.

Следует отметить, что Законом Республики Беларусь от 31 декабря 2013 г. № 96-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам предпринимательской деятельности и налогообложения» в Налоговый кодекс введена статья о налоговом контроле за крупными плательщиками (статья 64¹, в нынешней редакции – статья 82). Так, налоговыми органами изучаются и анализируются основные показатели финансово-хозяйственной деятельности организаций,

включённых в перечень крупных плательщиков, который утверждается Министерством по налогам и сборам, и иной информации о таких организациях, имеющейся в распоряжении налоговых органов. Организации, включенные в перечень крупных плательщиков, представляют в налоговые органы по месту постановки на учет промежуточную и годовую индивидуальную бухгалтерскую или финансовую отчётность. Таким образом, можно сказать, что наблюдается определенное сходство налогового контроля за крупными плательщиками в Республике Беларусь с налоговым мониторингом в Российской Федерации как по субъектному составу, так и по методу осуществления. Однако если по законодательству Российской Федерации налоговый орган осуществляет наблюдение за проводимыми налогоплательщиком операциями по исчислению налогов в режиме реального времени, то налоговые органы в Республике Беларусь изучают данные бухгалтерской или финансовой отчетности уже по прошествии соответствующих отчётных периодов. Кроме того, налоговый мониторинг в Российской Федерации осуществляется на добровольной основе, в то время как в Республике Беларусь предоставление налоговым органам соответствующей отчетности со стороны крупных плательщиков является их обязанностью. Таким образом, контроль за крупными плательщиками в Республике Беларусь не предусматривает реализацию «горизонтальной» модели мониторинга, а, наоборот, направлен на ужесточение налогового контроля за деятельностью данных субъектов.

Можно предположить, что исключение мониторинга из перечня форм налогового контроля – это шаг к внедрению вместо него горизонтального мониторинга на основе контроля за крупными плательщиками. Однако данный шаг не может возыметь полноценного эффекта, пока нормы о контроле за крупными плательщиками лишь усиливают требования к данным субъектам, в то время как сохраняется прежний порядок осуществления мониторинга согласно нормам Указа № 510 и Положения о мониторинге. Если следовать линии либерализации государственного контроля и придания ему предупредительного и профилактического характера, то логичным представляется переход в будущем к полноценной модели горизонтального мониторинга в Республике Беларусь при условии приведения в соответствие с ней существующей модели контроля за крупными плательщиками. При этом не исключается и возможность сохранения мониторинга в порядке Указа № 510 за иными субъектами, не признаваемыми крупными плательщиками.

Библиографические ссылки

1. *Пилипенко А. А.* Мониторинг в налоговой сфере: вопросы научного понимания и применения // Пром.-торговое право. 2017. № 4. С. 84–88.
2. *Лазарь М. В.* Мониторинг как форма налогового контроля [Электронный ресурс] // Пех: информац. правовая система / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2024.
3. *Ногина О. А.* Налоговый контроль: вопросы теории. СПб. : Питер, Питер принт, 2002. 159 с.
4. *Ильин А. Ю., Моисеенко М. А.* Расширение области применения норм Налогового кодекса Российской Федерации, регулирующих порядок осуществления налогового мониторинга, как формы налогового контроля // Финансовое право. 2016. № 2. С. 26–34.

ИСТОЧНИКИ ИДЕОЛОГИИ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

В. С. Михайловский

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская 8, 220030, г. Минск,
Беларусь, vadim2010minsk@mail.ru*

В статье рассматриваются нормативные и исторические источники идеологии белорусского государства. Анализируется значение Конституции Республики Беларусь в формировании идеологии белорусского государства.

Ключевые слова: идеология белорусского государства; исторические документы; конституция.

SOURCES OF IDEOLOGY OF THE BELARUSIAN STATE

V. S. Mikhailouski

*Belarusian State University, Leningradskaya st. 8, 220030
Minsk, Belarus, vadim2010minsk@mail.ru*

The article examines the normative and historical sources of the ideology of the Belarusian state. The significance of the Constitution of the Republic of Belarus in the formation of the ideology of the Belarusian state is analyzed.

Keywords: ideology of the Belarusian state; historical documents; constitution.

Наличие идеологии – это и атрибутивный признак государства. Идеология белорусского государства – это система взглядов, соответствующих целям и особенностям белорусского пути общественного развития, и выступающая фундаментом построения демократии согласия.

После провозглашения государственного суверенитета в Республике Беларусь начался активный общественно-политический и научный процесс по заполнению образовавшегося после распада СССР идеологического вакуума. В начале 2000-х гг. Президентом Беларуси А. Г. Лукашенко была актуализирована идея «идеологии белорусского государства». Несмотря на сложности развития идеологии белорусского государства основным достижением этого процесса стало то, что по итогам республиканского референдума 27 февраля 2022 г. в Конституции Республики Беларусь появилось новое положение, посвященное идеологии белорусского государства. Так, согласно статье 4 Конституции Респуб-

лике Беларусь демократия в Республике Беларусь осуществляется на основе идеологии белорусского государства, а также многообразия политических институтов и мнений.

Статья 4 Конституции Республики Беларусь задают целевую установку на построение идеологии белорусского государства. Отсутствие фактической материализации идеологии белорусского государства в отдельном официальном (программном) документе не исключает идеологизации белорусского общества. Разработанность на уровне фундаментальных теоретико-концептуальных оснований и актуализация на уровне общественного и политического дискурса говорит о том, что проблема программного уровня идеологии белорусского государства не в артикуляции (выявлении) идеологии, а в ее агрегации (интеграции, систематизации и согласовании ее элементов).

Источниками формирования и развития идеологии белорусского государства служат:

1) нормативные правовые и политические документы (Конституция, законодательство Республики Беларусь, программы, концепции, послания Президента Республики Беларусь белорусскому народу и Национальному собранию, международные политико-правовые документы, подписанные и ратифицированные белорусским государством);

2) наиболее значимые исторические документы, в которых отражены вопросы развития белорусской государственности, особенности становления политической культуры и самосознания белорусов. К этой группе можно отнести статуты Великого княжества Литовского 1529, 1566 и 1588 гг., Манифест Временного рабоче-крестьянского советского правительства Беларуси от 1 января 1919 г. о создании ССРБ, Конституции БССР 1919, 1927, 1937, 1978 гг.;

3) произведения отечественной и мировой философской, политической и правовой мысли, литературно-художественные произведения белорусских писателей и поэтов.

Конституция является не только нормативным правовым документом (Основным Законом государства), но и политическим, и мировозренческим документом. Конституция – это своеобразный общественный договор граждан Республики Беларусь о наиболее важных ценностных основаниях общественной жизни, закрепляющий организацию государственной власти и определяющий ее взаимоотношения с обществом и отдельными гражданами.

В Конституции Республики Беларусь сформулированы две фундаментальные (отправные) идеологемы:

1) человек, его права, свободы и гарантии их реализации как высшая ценность и цель белорусского общества и государства;

2) белорусское государство как демократическое социальное правовое государство.

Таким образом до оформления идеологии белорусского государства на программном уровне роль основного идеологического документа страны выполняет Конституция Республики Беларусь.

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЛИТЕЛЬНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКОВ И КОНТРОЛИРУЮЩИХ ОРГАНОВ

А. А. Пилипенко

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, 220030, г. Минск, Беларусь, pilipenko-bsu@mail.ru*

В статье рассматриваются научные и прикладные подходы по вопросу временных ограничений при проведении контрольных мероприятий. Делается вывод о недопустимости осуществления контролируемыми органами проверочных мероприятий после истечения сроков проверки, в том числе для подтверждения своей позиции в судебных инстанциях. Обосновывается предложение об исключении из законодательства неполного выяснения обстоятельств как основания внесения изменений и (или) дополнений в акт проверки.

Ключевые слова: проверка; срок проверки; налоговый контроль; продолжительность налоговой проверки; акт проверки; возражения по акту проверки

SEPARATE PROBLEMS OF THE DURATION OF INTERACTION BETWEEN TAXPAYERS AND REGULATORY AUTHORITIES

A. A. Pilipenka

*Belarusian State University, Leningradskaya st. 8, 220030
Minsk, Belarus, pilipenko-bsu@mail.ru*

The article focuses on scientific and practical approaches to the issue of time limits during tax control measures. Author concludes that it is inadmissible for the regulatory bodies to carry out audit measures after the expiration of the audit period, including for the confirmation of their position in the courts. Author proposes to exclude from the legislation an incomplete clarification of circumstances as a basis for making changes and (or) additions to the audit report.

Keywords: audit; audit period; tax control; tax audit duration; audit report; objections to the audit report.

Осуществление проверок соответствующими контролирующими органами в отношении налогоплательщиков должно рассматриваться не только как форма защиты интересов государства от возможной неуплаты законно установленных обязательных платежей, но и как реализация гарантий защиты прав проверяемого субъекта. Одной из таких гарантий

является определение в законодательном порядке временных ограничений при осуществлении контрольных мероприятий, призванных минимизировать воздействие проверяющих на финансово-хозяйственную деятельность участников финансовых отношений. В то же время правоприменительная практика свидетельствует о превышении должностными лицами контролирующих органов дискреционных полномочий в контексте как собирания доказательной базы после проведения проверки, так и внесения изменений в уже принятую контрольно-ревизионную документацию.

Законодательством предусмотрены вариативные максимальные сроки проведения проверок в зависимости от их видовых особенностей. В соответствии с частью первой п. 26 Положения о порядке организации и проведения проверок (далее – Положение), утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 16 октября 2009 г. № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь» (далее – Указ № 510), срок проведения проверки в отношении индивидуальных предпринимателей, нотариусов, лиц, осуществляющих ремесленную деятельность, деятельность в сфере агротуризма, временных (антикризисных) управлений, не являющихся юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями, не может превышать пятнадцати рабочих дней, в отношении иных проверяемых субъектов – тридцати рабочих дней.

В отношении выборочной проверки вышеуказанный срок по основаниям, предусмотренным п. 28 Положения, по решению руководителя государственного органа или его уполномоченного заместителя может быть однократно продлен, но не более чем на 15 рабочих дней. Аналогичное нормативное предписание в п. 29 Положения установлено и для внеплановой проверки.

В отношении внеплановых тематических оперативных и дополнительных проверок установлены следующие сроки их проведения – не более трех рабочих и десяти рабочих дней соответственно (части третья и четвертая п. 26 Положения). Следует констатировать, что Указ № 510 закрепил одновременно унифицированный и дифференцированный подходы к определению сроков с целью обеспечения правовых гарантий каждому субъекту предпринимательской деятельности и обоснованного и мотивированного учета юридически значимых и объективно обусловленных различий между определенными категориями проверяемых субъектов в контексте их взаимоотношений с контролирующими органами.

С количественной точки зрения временные обременения должностных лиц контролирующих органов в отношении субъектов хозяйст

ния дополняются также сроками приостановления проверки – не более трех месяцев (в случае направления запроса в компетентные органы иностранных государств – не более шести месяцев). Несмотря на то, что законодатель не включает период, на который проверка приостанавливается, в общий срок проведения проверки (часть вторая п. 27 Положения), выскажем мнение, расширительное понимание которого заслуживает отдельного исследования, что приостановление проверки является составной частью срока проверки.

Таким образом, правоприменитель в лице должностных лиц контролирующих органов получил в свое распоряжение не только широкий инструментарий воздействия на субъектов предпринимательской деятельности, но и достаточно широкий временной диапазон его реализации.

Значительный максимальный срок проверки детерминирует в научной среде соответствующий тренд на его осмысление в контексте как необходимости определения четких и неизменных сроков проверки, так и возможного умаления правового положения субъекта предпринимательской деятельности (налогоплательщика) в случае их несоблюдения. Например, С. А. Ядрихинский справедливо отмечает, что «ограничение жесткими временными рамками контрольных процедур вносит правовую определенность в отношения «государство – налогоплательщик». Налогоплательщик приобретает уверенность или гарантии того, что он не будет бесконечно долго находиться «под прицелом» проверяющих в состоянии правовой неопределенности» [1, с. 178]. И далее данный автор ведет речь о последствиях несоблюдения сроков проверки: «Нарушение сроков выездной проверки приводит к затягиванию состояния напряжения, неоправданно большому беспокойству, нарушает законные ожидания налогоплательщика, приводит к дискомфорту, ограничению свободы предпринимательской деятельности» [1, с. 179]. С точки зрения Н. В. Бобраковой и Ю. М. Литвиновой, которая базируется на реализации гарантий более слабой стороны налогового правоотношения, являющейся налогоплательщиком, «расширительное толкование сроков выездной проверки, иных сроков в рамках мероприятий налогового контроля не способствует реализации конституционных гарантий свободы экономической деятельности, охраны частной собственности, запрета несоразмерного ограничения прав частных лиц, а также процедурных гарантий прав налогоплательщиков» [2, с. 60].

В особом мнении к постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2004 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений части второй статьи 89 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.Д. Егорова и Н.В. Чуева» (далее – постановление № 14-П) судья А.Л. Кононов

указал, что «неопределенная длительность и не ограниченное по времени вмешательство контрольных органов в экономическую деятельность налогоплательщика может представлять угрозу его деловой репутации, кредитоспособности, отношениям с партнерами, стабильности и планированию хозяйственных операций, создает недопустимую неопределенность его правового положения, вполне сопоставимого с положением подозреваемого в совершении правонарушения» [3].

Само же постановление № 14-П актуализировало проблему соблюдения принципа недопустимости не ограниченного по времени налогового контроля, т.к. в данном акте обращается внимание на то, что избыточные или не ограниченные по времени меры налогового контроля недопустимы, поскольку в таких случаях контроль превращается в инструмент подавления экономической самостоятельности и инициативы, чрезмерного ограничения свободы предпринимательства и прав собственности [3]. В развитие данного положения отметим мнение Е. М. Леонова, который отмечает следующее: «В такой ситуации налогоплательщик не может нормально вести экономическую деятельность, строить долгосрочные планы развития бизнеса, вынужден на долгое время исключить из своего оборота денежные средства, чтобы создать резервы на покрытие ожидаемых налоговых рисков. В результате как для налогоплательщика, так и для потенциальных инвесторов сильно ухудшается экономическая привлекательность бизнеса в целом» [4, с. 16].

В контексте соблюдения вышеуказанного принципа С. А. Ядрихинский выдвигает идею о разумной продолжительности налоговой проверки, в рамках которой «осуществление контрольной деятельности в разумный срок преследует цель максимально снизить негативное воздействие на хозяйственную деятельность налогоплательщика, что возможно лишь с помощью государства, создающего для этого необходимые институциональные и процессуальные условия, призванные гарантировать права и обеспечивать законные интересы проверяемого лица» [1, с. 177].

По нашему мнению, разрешение вопроса о сроках проверки должно находиться не в плоскости его количественной атрибутивности в контексте поиска приемлемого варианта, в том числе разумного как для субъекта предпринимательской деятельности, так и государства, а в невозможности осуществления контрольных мероприятий за рамками сроков проверки. Такая невозможность прямо постулируется в п. 26 Положения, в котором срок проведения проверки определяется через категорический запрет «не может», что представляет собой обращенное к должностным лицам контролирующих органов категорическое требование, пресекающее любую возможность проведения контрольных мероприятий за обозначенными законодательством сроками.

В практической плоскости нарушение данного запрета характеризуется двойственной вариацией. В налогово-правовой науке существует дискуссия по вопросу легитимности доказательств, представляемых в судебные инстанции контролирующими органами, полученных по истечении срока проверки.

Суждения первой группы авторов [5, с. 119; 6, с. 61] во многом предопределены позицией Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, согласно которой проведение камеральной проверки за пределами срока, предусмотренного ст. 88 НК России, не может повлечь отказа в удовлетворении предъявленного с соблюдением срока, предусмотренного п. 3 ст. 48 НК России, требования налогового органа о взыскании налога и пени [7, п. 9].

Вторая группа авторов считает, что документы, полученные за рамками налоговой проверки в нарушение установленной законодательством процедуры сбора доказательств совершенного налогоплательщиком правонарушения, не могут быть признаны допустимыми доказательствами [8, с. 12; 9–11]. Как отмечает К. А. Сасов, «налоговый орган ни при каких обстоятельствах не вправе представлять непосредственно в суд дополнительные доказательства налоговых правонарушений, не выявленные им в ходе налоговой проверки» [11, с. 13].

Так как контролирующий орган полагает, что сроки проведения проверки не являются пресекательными и их истечение не препятствует выявлению им нарушений законодательства или представлению новых доказательств для обоснования своей позиции в судебных инстанциях, аргументация второй группы ученых базируется также на правильном тезисе об отсутствии у проверяющих компетенции после окончания проверочных мероприятий. Как справедливо отмечает С. А. Ядрихинский, «компетенцию налогового органа в налоговой сфере как сфере властной деятельности государства следует рассматривать только в тех пределах, в которых этой компетенцией наделил его законодатель. Произвольный выход за очерченные законом границы компетенции будет означать действие с превышением полномочий, не влекущим для налогоплательщика правовых последствий» [1, с. 181]. Абсолютное нивелирование полномочий должностных лиц налоговых органов за сроками проведения проверки наблюдается у А. Р. Султанова: «Истечение сроков проверки влечет невозможность составления акта проверки, поскольку компетенции за пределами этих сроков у налогового органа просто нет и проверка должна считаться завершённой без замечаний» [12, с. 11].

Отсутствие компетенции, соответственно, делает недопустимыми доказательства, полученные контролирующим органом за рамками сроков проверки, т.к. они получены с нарушением законодательства. Дока-

зательства, добытые за рамками сроков проведения проверки, не соответствуют конституционному императиву ст. 27 Конституции Республики Беларусь, согласно которой доказательства, полученные с нарушением закона, не имеют юридической силы. Более того, действия по добыванию доказательств вне рамок проверки следует квалифицировать как незаконное вмешательство в деятельность проверяемого субъекта, которое исходя из части первой п. 3 Указа № 510 прямо запрещено.

В соответствии с частью третьей ст. 100 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь от 15 декабря 1998 г. (далее – ХПК) при рассмотрении спора о признании недействительным ненормативного правового акта государственного органа, органа местного управления и самоуправления, иного органа или должностного лица обязанность доказывания законности оспариваемого акта возлагается на орган или лицо, его принявшие. Контролирующий орган должен доказать обстоятельства, послужившие основанием для вынесения решения по акту проверки, подтвердив, что данные основания существовали на момент вынесения решения, которое оспаривается в судебном порядке. Представление доказательств после вынесения решения (даже если они подтверждают совершение проверяемым субъектом неправомерных действий) свидетельствует о том, что при принятии решения по акту проверки должностным лицом контролирующего органа не были определены все необходимые для данной процедуры фактические обстоятельства, а это ставит под сомнение обоснованность и законность его действий.

По нашему мнению, суды, оценивая законность решений, принятых контролирующими органами по результатам проверки, должны исходить из того объема сведений и документов, которыми обладал контролирующий орган на момент принятия спорного решения. Реализация контролирующим органом права в соответствии с частью седьмой ст. 100 ХПК на представление дополнительных доказательств свидетельствует о том, что на момент вынесения оспариваемого решения оно в определенной степени основывалось на не подтвержденных документально фактах и данных о деятельности проверяемого субъекта, что прямо запрещено частью четвертой п. 59 Положения.

Действуя властно-обязывающим образом в рамках Указа № 510, должностные лица контролирующего органа обладают значительными дискреционными полномочиями, реализуя которые они могут создать надлежащую доказательственную базу. Более того, положения законодательства о том, что в акте проверки должны быть отражены, в том числе и описание факта нарушения законодательства, место и время его совершения, акты законодательства, требования которых нарушены, и (или) предусмотренная законодательными актами ответственность за та-

кое нарушение (абзац одиннадцатый части первой п. 60 Положения), прямо свидетельствуют о формировании доказательной базы в рамках сроков проведения проверки. В силу предполагаемых аргументов со стороны контролирующего органа по вопросу противодействия проверяемого субъекта реализации им своих контрольных полномочий представляется справедливым следующее мнение А. Л. Кононова: «Налоговые органы обладают полномочиями более чем адекватно противостоять любому противодействию со стороны налогоплательщика. Воспрепятствование со стороны налогоплательщика не может рассматриваться и не рассматривается законодателем как обстоятельство, приводящее к невозможности реализации налоговыми органами контрольных функций. Мысль о возможности воспрепятствования системе государственного принуждения выглядит абсурдной» [13].

Вторая вариация последствий несоблюдения контролирующими органами сроков проведения проверки предопределена возможностью модификации контрольно-ревизионной документации по окончании проверочных мероприятий. Такая возможность предусмотрена частью первой п. 65 Положения, в соответствии с которой в акт проверки можно внести изменения и (или) дополнения при наличии ряда оснований, одним из которых является неполное выяснение обстоятельств. При этом такое правоприменительное восполнение соответствующих обстоятельств основывается на том, что законодательством порядок внесения изменений в акт проверки не определен и, соответственно, срок на это не ограничен.

Выяснение обстоятельств финансово-хозяйственной деятельности проверяемого субъекта может быть неполным, в том числе и на предмет ее соответствия законодательству, но данное выяснение не должно выходить за соответствующие временные ограничения.

Внесение изменений и (или) дополнений в акт проверки возможно по результатам рассмотрения возражений по акту проверки, которые в соответствии с п. 71 Положения могут быть поданы в письменном виде проверяемым субъектом не позднее 15 рабочих дней со дня подписания акта проверки. Обоснованность доводов, изложенных в возражениях, изучается проверяющим (руководителем проверки) и по ним в течение 15 рабочих дней составляется письменное заключение. При необходимости в целях подтверждения обоснованности доводов, изложенных в возражениях, не позднее 10 рабочих дней со дня поступления возражений может быть назначена дополнительная проверка в отношении проверяемого субъекта. Следует обратить внимание, что предметом дополнительной проверки является изучение и правовая оценка обстоятельств, изложенных в возражениях по акту проверки. Контролирующий орган, соглашаясь (полностью или частично) с доводами, изложенными в возра-

жениях, излагает это в заключении и в акт проверки вносит соответствующие изменения и (или) дополнения в части пересмотренных выводов первоначального акта.

Если контролирующий орган впоследствии на основании неполного выяснения обстоятельств пришел к выводу, что первоначальные результаты проверки, по которым не только составлен акт, но и вынесено решение, требуют определенной модификации, то такая модификация в контексте реализации желания контролирующего органа формализовать новые обстоятельства возможна только на основании проведения внеплановой проверки, основания которой предусмотрены п. 12 Указа № 510 (в случае, если не прошло два года с момента государственной регистрации проверяемого субъекта, – п. 7 Указа № 510). Учитывая, что в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 16 октября 2017 г. № 376 «О мерах по совершенствованию контрольной (надзорной) деятельности» перечень таких оснований сокращен в два раза, а неправомерное назначение проверки в соответствии с п. 23-1 Указа № 510 влечет признание ее незаконной, контролирующий орган дистанцируется от нахождения в правовом поле своей деятельности и фактически проводит проверку после проверки с бесконечными временными горизонтами.

Более того, попытка проведения контрольных мероприятий после окончания проверки (а именно так следует оценивать деятельность контролирующих органов по внесению изменений в акт проверки после ее проведения в случае неполного выяснения обстоятельств) обладает каскадным антилегитимным эффектом: грубое нарушение требований Указа № 510 в контексте превышения установленных сроков проведения проверки (абзац четвертый части седьмой п. 231 Указа № 510); незаконное вмешательство в деятельность проверяемого субъекта, которое влечет привлечение должностных лиц контролирующих (надзорных) органов к установленной законодательными актами ответственности (часть первая п. 3 Указа № 510); нарушение принципа законности в части оформления результатов проверки (абзац третий п. 3 Положения); несоблюдение контролирующим (надзорным) органом и проверяющими обязанности проводить проверку в соответствии с предписанием на ее проведение (в самом предписании в соответствии с абзацем девятым части третьей п. 24 Положения определены сроки проведения проверки (дата начала и окончания)) и законодательством (абзац второй п. 6 Положения) и др.

В контексте вышесказанного полагаем, полагаем целесообразным часть первую п. 65 Положения изложить в следующей редакции: «В акте (справке) проверки не допускаются неоговоренные исправления. В случаях, когда в акте (справке) проверки обнаруживаются ошибки (описки) либо по результатам дополнительных и (или) встречных проверок необ-

ходимо внести изменения и (или) дополнения в акт (справку) проверки, в такой акт (справку) вносятся изменения и (или) дополнения».

Библиографические ссылки

1. *Ядрихинский С. А.* Разумная продолжительность налоговой проверки как законный интерес налогоплательщика // Актуальные проблемы рос. права. 2021. № 18. С. 176–185.

2. *Бобракова Н. В., Литвинова Ю. М.* Соблюдение сроков проведения выездной налоговой проверки как процедурная гарантия защиты прав налогоплательщиков // Налоговед. 2021. № 9. С. 52–62.

3. По делу о проверке конституционности отдельных положений части второй статьи 89 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. Д. Егорова и Н. В. Чуева [Электронный ресурс] : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации, 16 июля 2004 г., № 14-П // КонсультантПлюс. Россия : Версия Проф. Технология 3000 / ЗАО «КонсультантПлюс». М., 2024.

4. *Леонов Е. М.* Затягивание сроков на принятие актов и решений по налоговым проверкам – защита или нарушение прав налогоплательщиков? // Налоговед. 2019. № 11. С. 10–20.

5. *Кузнецов П. Л.* Милиции доверяй, но проверяй // Налоговые споры: опыт России и других стран : по материалам II Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 21–22 нояб. 2008 г. : сб. ст. ; сост. М. В. Завязочникова ; под ред. С. Г. Пепеляева. М. : Статут, 2009. 383 с.

6. *Новоселов К. В.* Новации в порядке проведения и оформления мероприятий налогового контроля // Налоговая политика и практика. 2018. № 11. С. 58–62.

7. Обзор практики разрешения арбитражными судами дел, связанных с применением отдельных положений части первой НК РФ [Электронный ресурс] : информ. письмо Президиума Высш. Арбитраж. Суда Рос. Федерации, 17 марта 2003 г., № 71 // КонсультантПлюс. Россия : Версия Проф. Технология 3000 / ЗАО «КонсультантПлюс». М., 2024.

8. *Береснева Н. В.* Пояснения учредителей и руководителей недобросовестных поставщиков как доказательства в суде // Ваш налоговый адвокат. 2009. № 1. С. 8–16.

9. *Брызгалин А. В., Симонов М. В.* Может ли налоговый орган использовать документы, полученные после вынесения решения по результатам налоговой проверки? // Налоги и финансовое право. 2009. № 9. 189–190.

12. *Панченков А. А.* Судебное доказывание или продолжение проверки? // Налоговые споры: теория и практика. 2005. № 3. С. 25–26.

11. *Сасов К. А.* О дополнительных доказательствах налоговых правонарушений // Налоговые споры: теория и практика. 2008. № 2. С. 11–13.

12. *Султанов А. Р.* Новояз или что такое приостановление выездной налоговой проверки // Адвокат. 2016. № 4. С. 5–15.

13. По делу о проверке конституционности положений статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г. А. Поляковой и запросом Федерального арбитражного суда Московского округа [Электронный ресурс] : особое мнение судьи Конституц. Суда Рос. Федерации А. Л. Кононова на постановление Конституц. Суда Рос. Федерации, 14 июля 2005 г., № 9-П // КонсультантПлюс. Россия : Версия Проф. Технология 3000 / ЗАО «КонсультантПлюс». М., 2024.

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ НАЛОГОВОЙ БАЗЫ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ СХЕМ ДРОБЛЕНИЯ БИЗНЕСА

А. А. Пилипенко

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, 220030, г. Минск, Беларусь, pilipenko-bsu@mail.ru*

На нормативном, доктринальном и прикладном уровнях анализируются проблемы определения налоговых последствий дробления бизнеса с учетом фактически уплаченных сумм обязательных платежей реальным налогоплательщиком. Делается вывод о несоответствии модели налоговой реконструкции, применяемой контролирующими органами, принципу справедливости налогообложения. На подзаконном уровне следует четко определить методику корректировки налоговой базы при дроблении бизнеса с учетом отражения всех налоговых обязательств реального налогоплательщика, в том числе и подконтрольных ему раздробленных субъектов.

Ключевые слова: налоговая база; корректировка налоговой базы; дробление бизнеса; налоговая реконструкция; избыточное налогообложение; справедливое налогообложение.

SOME PROBLEMS OF DETERMINING THE TAX BASE WHEN IDENTIFYING BUSINESS SPLIT SCHEMES

A. A. Pilipenka

*Belarusian State University, Leningradskaya st. 8, 220030
Minsk, Belarus, pilipenko-bsu@mail.ru*

At the normative, doctrinal and applied levels, they analyze the problems of determining the tax consequences of splitting a business, taking into account the actually paid amounts of mandatory payments by a real taxpayer. It is concluded that the tax reconstruction model used by the regulatory authorities does not comply with the principle of tax fairness. At the by-law level, it is necessary to clearly define the methodology for adjusting the tax base when splitting a business, taking into account the reflection of all tax obligations of a real taxpayer, including fragmented entities controlled by him.

Keywords: tax base; tax base adjustment; business split; tax reconstruction; excess taxation; fair taxation.

Одним из наиболее актуальных вопросов взаимодействия контролирующих органов и субъектов предпринимательской деятельности является вопрос корректировки налоговой базы по основаниям, предусмотр-

ренным законодательством. О занижении налогоплательщиками уплачиваемых в бюджеты различных уровней обязательных платежей как правило, свидетельствует формальное разделение (дробление) бизнеса и распределение выручки на подконтрольных лиц.

Следует признать очевидным, что, когда налогоплательщик встраивает в свою деятельность подконтрольные ему компании с использованием особых режимов налогообложения и (или) налоговых льгот в целях, отличных от организационно-экономической взаимосвязи ведения бизнеса и налоговой экономии, он тем самым искажает свои налоговые обязательства и государство компенсирует бюджетные потери посредством осуществления контрольных мероприятий, формализацией которых является, в первую очередь, уплата налоговых недоимок. Именно проблематика определения размера этой недоимки и является в настоящее время предметом многочисленных споров между контролирующими органами и налогоплательщиками.

С 1 января 2019 г. действует новая редакция Налогового кодекса Республики Беларусь от 19 декабря 2002 г. № 166-З (далее – НК), в рамках которой одним из наиболее значимых элементов является институт корректировки налоговой базы, основания которой определены в п. 4 ст. 33 НК. В соответствии с данной нормой к ним относятся: 1) установление искажения сведений о фактах (совокупности фактов) совершения хозяйственных операций, об объектах налогообложения, подлежащих отражению плательщиком в бухгалтерском и (или) налоговом учете, налоговых декларациях (расчетах), а также в других документах и (или) информации, необходимых для исчисления и уплаты налогов (сборов); 2) основной целью совершения хозяйственной операции являются неуплата (неполная уплата) и (или) зачет, возврат суммы налога (сбора). Особенности отнесения действий или событий к хозяйственным операциям, основной целью совершения которых являются неуплата (неполная уплата) и (или) зачет, возврат суммы налога (сбора), устанавливаются Советом Министров Республики Беларусь; 3) отсутствие реальности совершения хозяйственной операции (включая случаи, когда фактически не поступил товар (нематериальные активы), не выполнены работы, не оказаны услуги, не переданы имущественные права).

В контексте заявленной тематики нашего небольшого исследования отметим, что абз. 7 ч. 1 п. 2 постановления Совета Министров Республики Беларусь от 15 июля 2022 г. № 465 «Об особенностях оценки отдельных хозяйственных операций» (далее – постановление № 465) под дроблением бизнеса понимается намеренная государственная регистрация нескольких юридических лиц и (или) индивидуальных предпринимателей и (или) намеренное разделение деятельности между юридиче-

скими лицами и (или) индивидуальными предпринимателями, имеющими право на применение особых режимов налогообложения и (или) налоговых льгот.

Следует отметить, что белорусский законодатель предпринял широкую попытку юридического моделирования данного явления, придав ему соответствующие атрибутивные признаки, подлежащие изучению в ходе проверки субъекта хозяйствования, в том числе: государственной регистрации участников и (или) разделения их деятельности; прямой или косвенной взаимозависимости (аффилированности) субъекта хозяйствования и участников; наличия у участников трудовых, финансовых, материальных и иных ресурсов, достаточных для осуществления реальной предпринимательской и (или) иной экономической деятельности в своих интересах и на свой риск, а также в интересах субъекта хозяйствования; организационного взаимодействия субъекта хозяйствования и участников; принятия управленческих решений, выполнения координирующих функций органами управления субъекта хозяйствования, участников, а также иными лицами, имеющими право давать обязательные для субъекта хозяйствования, участников указания либо возможность иным образом определять их действия, непосредственно оказывать влияние на их деятельность; налоговой нагрузки субъекта хозяйствования и участников; осуществления идентичных и (или) связанных между собой направлений (видов) деятельности.

По нашему мнению, критериальность искусственности дробления бизнеса обладает качеством дихотомичности. С одной стороны, наличие данных критериев является положительным моментом, так как субъекты предпринимательской деятельности, ориентируясь на них, в целях предотвращения контролирующими органами претензий, в интересах собственной безопасности могут проводить анализ наличия того или иного критерия и оценку соответствующих рисков. С другой стороны, наличие вышеуказанных критериев с повышательной тенденцией их формирования, нормативные основания которых неочевидны, может препятствовать развитию предпринимательской инициативы. С достаточной долей уверенности можно констатировать, что контролирующие органы будут видеть умысел в любых действиях, хоть как-то снижающих налоговое бремя. В этом случае, фискальные обязательства налогоплательщика подлежат налоговой реконструкции, размер которой в настоящее время представляется дискуссионным.

Позиция Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь по данному вопросу нашла свое отражение в разъяснении «О мониторинге правоприменительной практики налоговых органов», которое было опубликовано на ведомственном сайте 31 марта 2023 г. В нем, в част-

ности, постулируется следующее: «Принцип проводимой налоговой реконструкции предполагает предъявление сумм налогов, которые должны были быть уплачены плательщиком в случае отсутствия нарушений. При наличии обоснованных доводов пункт 5 статьи 33 НК позволяет уменьшить предъявляемые проверкой налоговые обязательства за счет добровольного раскрытия плательщиком информации, предоставления документов, сведения о которых ранее в учете не отражались либо намерено искажались. В противном случае контролирующий орган, не располагая такой информацией, не сможет учесть, например, реальный размер покупной стоимости ТМЦ, затрат и других расходов».

Дефиниция налоговой реконструкции (в последнее время также известной как концепция действительного налогового обязательства) не нашла своего отражения в законодательстве. Научные изыскания с количественной точки зрения не отличаются ее осмыслением по причине приоритетности прикладного значения рассматриваемого явления. Как отмечает А. А. Копина «налоговая реконструкция может рассматриваться как правовой термин, поскольку представляет собой понятие, используемое в правоприменительной практике для обозначения определенных последствий, но не как категория налогового права, поскольку на данном этапе можно говорить только о выделении явления, но не о формировании широкого, фундаментального, обобщающего понятия, которое бы устанавливало наиболее существенные признаки таких явлений» [1, с. 24]. Долгое время экономико-правовая природа налоговой реконструкции, основанная на многочисленных позициях органов правосудия Российской Федерации, заключалась в том, что под ней понимаются обязанности налоговых органов определять объем прав и обязанностей налогоплательщика, исходя из подлинного экономического содержания соответствующей операции, то есть осуществлять доначисление суммы налогов и сборов, подлежащих уплате в бюджет, так, как если бы налогоплательщик не злоупотреблял правом.

Аналогичным образом в настоящее время поступают белорусские контролирующие органы, детерминируя правоприменение, в рамках которого при налоговой реконструкции учитываются только налоговые платежи, уплаченные проверяемым субъектом без учета фискальных обременений раздробленных субъектов. По нашему мнению, взыскание налоговых платежей в полном объеме (без учета налоговых платежей раздробленных субъектов предпринимательской деятельности) означает не что иное, как возложение на налогоплательщика налогового бремени в объеме, превышающем те налоговые изъятия, которые он должен был бы претерпеть при осуществлении полной налоговой реконструкции. В данном случае речь идет об избыточном налогообложении, которое сле-

дует признать неправомерным. Как справедливо отмечает С. В. Овсянников, «имущественные последствия для налогоплательщика превысят и величину его налоговой выгоды, и потери, понесенные бюджетной системой. Фактически это будет означать применение к налогоплательщику не только компенсационных, но и карательных мер в форме взыскания налогов» [2, с. 29]. Также видится абсолютно верным суждение Л. В. Осиповой: «Представляется, что сам по себе факт получения необоснованной налоговой выгоды не может служить основанием для взимания налога в относительно большем размере, в противном случае становится дополнительной мерой налоговой ответственности, которая налоговым законодательством не предусмотрена. В основе налоговой реконструкции должен быть заложен принцип, исключающий искажение реального размера налоговых обязательств: налоговые обязательства налогоплательщику должны быть установлены, как если бы налогоплательщик не получал необоснованную налоговую выгоду, как если бы не злоупотреблял правом; должны быть учтены операции в соответствии с их действительным экономическим смыслом, операции, обусловленные разумными экономическими или иными причинами (целями делового характера), реальной предпринимательской или иной экономической деятельностью» [3, с. 97]. В. В. Голенев, рассуждая на тему избыточного налогообложения, ведет речь о действительной налоговой обязанности, под которой он понимает «обязанность налогоплательщика уплатить государству определенную сумму в соответствии с его действительным объемом прав и обязанностей в сфере налогообложения, в соответствии с действительным экономическим смыслом (подлинным экономическим содержанием) совершенных налогоплательщиком операций в их взаимосвязи по результатам применения принципа приоритета (главенства) существа над формой и принципа деловой цели» [4, с. 10].

В контексте нивелирования (а, возможно, и полного отрицания) позиции контролирующих органов хотелось бы отметить, что при доказывании дробления бизнеса в целях минимизации налоговых обязательства они обладают достаточными полномочиями и инструментарием (в том числе, реализуемые в их системной взаимосвязи) для выявления реального налогоплательщика, которому вменяют не только организацию схемы по дроблению бизнеса, но и доначисляют налоговые платежи в повышенном размере без учета налогов, уплаченных раздробленными субъектами предпринимательской деятельности. Т.е., при выявлении организатора налоговой схемы он, с точки зрения контролирующих органов, полностью атрибутивен раздробленным субъектам, а при определении сумм налогов, подлежащих уплате в бюджет, происходит с организационно-экономической точки зрения, его практически абсолютное ди-

станционирование от них. Следуя логике контролирующих органов можно сделать парадоксальный вывод, что реальный налогоплательщик организовал абсолютно все аспекты деятельности подконтрольных ему компаний, но к уплате налогов, признанных на конституционном уровне, обязательным элементом любой экономической деятельности в контексте финансирования публичных расходов государства, не имеет никакого отношения. Ситуация усугубляется еще и тем, что применяемая методика налоговой реконструкции со стороны контролирующих органов не только увеличивает налоговую недоимку, штрафные санкции и пени, но риски уголовного преследования.

В контексте сравнительного анализа хотелось бы обратить внимание на позицию налоговых органов Российской Федерации, которые рассматриваемую в нашей статье проблематику, разрешили следующим образом. В соответствии с письмом ФНС России от 14 октября 2022 № БВ-4-7/13774@ «О возврате излишне уплаченной суммы налога» суммы налогов, уплаченные элементами схемы «дробления бизнеса» в отношении дохода от искусственно разделенной деятельности, наряду с доходами и расходами, а также ранее не заявленными налоговыми вычетами по налогу на добавленную стоимость, должны учитываться при определении размеров налогов по общей системе налогообложения, а также пеней и штрафов, доначисляемых решением по налоговой проверке налогоплательщику – организатору схемы «дробления бизнеса». Обратим внимания, что данная позиция является консолидированной с позицией судебных инстанций. Например, в Определении Верховного Суда РФ от 21 июля 2022 г. № 301-ЭС22-4481 отмечается, что если налоговый орган установит факт искусственного дробления бизнеса, то при налоговой реконструкции он учтет не только доходы, которые были распределены между несколькими лицами для прикрытия деятельного основного хозяйствующего субъекта, но и налоги, уплаченные с таких доходов. Чтобы определить объем прав и обязанностей в соответствии с действительным экономическим смыслом осуществляемой деятельности, налоговый орган должен консолидировать не только доходы (прибыль) группы лиц, но и уплаченные ими налоги. То есть налоги в отношении дохода от искусственно разделенной деятельности, уплаченные участниками группы на спецрежиме, должны учитываться при определении размера налоговой обязанности по общей системе налогообложения налогоплательщика – организатора группы.

Определенным регулятивным потенциалом снижения градуса конфликтности при рассмотрении споров по вопросам дробления бизнеса обладают законодательные положения о справедливом налогообложении. Вопросы научного, нормативного и прикладного понимания прин-

ципа справедливости в налогообложении являются настолько многообразными, что их формализация в налоговом законодательстве всегда видится дискуссионной. Как справедливо отмечает И. И. Кучеров «данный принцип является настолько общим, что даже сформулировать и закрепить его конкретное содержание в нормативном правовом акте достаточно сложно, однако очевидно, что он не может исчерпываться достижением юридического равенства налогоплательщиков, а преимущественно заключается в определении соразмерности налогообложения, его минимальной достаточности и определении доли участия различных групп налогоплательщиков в формировании налоговых доходов государства» [5, с. 24]. Белорусский законодатель принцип справедливости налогообложения увязал с однократностью налогообложения и в подп. 1.5 п. 1 ст. НК закрепил норму, в соответствии с которой один и тот же объект обложения может облагаться одними и теми же налогом, сбором (пошлиной) у одного плательщика только один раз за соответствующий налоговый период.

Невозможность учесть налоги раздробленных субъектов является прямым нарушением данного принципа. В этой связи абсолютно убедительным следует признать вывод Э. А. Гюльбасарова, согласно которому «при отсутствии прямого законодательного регулирования первоначальной правовой основой для налоговой реконструкции следует признать базовые принципы налогового права, то есть принципы справедливости и равенства налогообложения. Игнорирование этих принципов может привести к необоснованному доначислению налогового обязательства без установления реального экономического характера отношений, что являлось бы дополнительной (и незаконной) санкцией за недобросовестность» [6, с. 24]. А. А. Копина, характеризуя с количественной точки зрения неправильную налоговую реконструкцию как санкцию в виде доначислений не установленной законом суммы налога, утверждает, что это свидетельствует об отсутствии справедливости и «является безусловным злом, изменяющим саму сущность налога, превращая его в контрибуцию» [7, с. 3]. Белорусский исследователь Е. П. Ярмош подход белорусского законодателя, в контексте его осмысления с принципом справедливости, сопоставляет с фискальными неудобствами для налогоплательщика [8, с. 85]. С нашей точки зрения, речь можно вести не об определенных неудобствах для налогоплательщика, а о прямом нарушении принципа справедливости, закрепленного в подп. 1.5 п. 1 ст. НК. Ведь отказ налогоплательщику зачесть налоги раздробленных субъектов предпринимательской деятельности однозначно свидетельствует об игнорировании однократности налогообложения по отношению к реальному налогоплательщику.

По итогам проведенного в данной статье исследования можно сделать следующие основные выводы.

1. Экономико-правовая модель налоговой реконструкции, когда контролирующий орган осуществляет взыскание налогов в полном объеме (без учета налоговых платежей раздробленных субъектов предпринимательской деятельности), означает дополнительное (избыточное) налоговое обременение, не отвечающее требованиям законодательства в контексте нарушения принципа справедливости налогообложения.

2. На уровне Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь следует четко определить методику корректировки налоговой базы при дроблении бизнеса с учетом отражения всех налоговых обязательств реального налогоплательщика, в том числе и подконтрольных (в случае выявления таких и вменения со стороны контролирующих органов вышеуказанной предпринимательской конструкции) ему раздробленных субъектов.

Библиографические ссылки

1. *Копина А. А.* Налоговая реконструкция // Финансовое право. 2022. № 4. С. 23–28.
2. *Овсянников С. В.* Налоговая реконструкция при искусственном дроблении бизнеса отменяется? // Вестн. экономического правосудия Рос. Федерации. 2022. № 5. С. 23–30.
3. *Осипова Л. В.* «Налоговая реконструкция» в контексте статьи 54.1 НК РФ: неопределенность в правоприменении // Вестн. арбитражной практики. 2022. № 5. С. 95–101.
4. *Голенев В. В.* Действительная налоговая обязанность налогоплательщика в налоговом праве России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.04. М., 2021. 229 л.
5. *Кучеров И. И.* Справедливость налогообложения и ее составляющие (правовой аспект) // Финансовое право. 2009. № 4. С. 24–28.
6. *Гюльбасаров Э. А.* Правовые основы налоговой реконструкции // Финансовое право. 2022. № 11. С. 22–25.
7. *Копина А. А.* Равенство, дискриминация и дифференциация налогоплательщиков // Налоги (газета). 2017. № 22. С. 1–8.
8. *Ярмош Е. П.* Методика корректировки налогов при установлении дробления бизнеса: дискуссионные вопросы // Налоговед. 2024. № 5. С. 77–81.

ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СООТНОШЕНИЯ БАНКОВСКОЙ ТАЙНЫ И НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ

Ар. А. Пилипенко

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, 220030, г. Минск, Беларусь, artur.pilipenko.1998@list.ru*

В статье рассматриваются сложившиеся научные подходы по вопросу понятия банковской тайны, а также ее соотношения с мероприятиями налогового контроля. Делается вывод о том, что по своей юридической природе банковская тайна носит комплексный частно-публичный характер, сочетая в себе частно-правовые и публично-правовые элементы. Предлагаются изменения в налоговое законодательство, направленные на достижение баланса между налоговыми органами и налогоплательщиками в контексте предоставления информации, являющейся банковской тайной.

Ключевые слова: информация; сведения; банковская тайна; контролирующие органы; налоговые органы; налоговый контроль; фискальные цели; запрос налогового органа.

THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS OF BANKING SECRECY AND TAX CONTROL

Ar. A. Pilipenko

*Belarusian State University, Leningradskaya st. 8, 220030
Minsk, Belarus, artur.pilipenko.1998@list.ru*

The article discusses the current scientific approaches to the concept of bank secrecy, as well as its relationship with tax control measures. It is concluded that by its legal nature, banking secrecy is of a complex private-public nature, combining private-legal and public-legal elements. Amendments are proposed to tax legislation aimed at achieving a balance between tax authorities and taxpayers in the context of providing information that is a bank secret.

Keywords: information; information; bank secrecy; regulatory authorities; tax authorities; tax control; fiscal purposes; request of the tax authority.

Осуществляя свою деятельность, в том числе посредством проведения различных контрольных мероприятий, налоговые органы сталкиваются с различными видами сведений ограниченного доступа, такими как банковская, аудиторская, коммерческая, персональные данные и иные

конфиденциальные сведения, которые впоследствии трансформируются в налоговую информацию и охраняются уже в режиме налоговой тайны.

В соответствии с национальным законодательством налоговые органы обладают правом доступа к сведениям, составляющим банковскую тайну. В процессе такого доступа важным представляется достижение компромисса между конституционными правами граждан, защищаемыми от произвольного вмешательства в частную жизнь, и публичным интересом государством, формализованном в конституционной обязанности платить законно установленные налоговые платежи. Следует отметить, что вопросам достижения баланса между защитой конфиденциальности информации, составляющей банковскую тайну, и фискальных интересов государства уделяется повышенное внимание в правовой и экономической науках.

Белорусский законодатель в части первой ст. 121 Банковского кодекса Республики Беларусь от 25 октября 2000 г. № 441-З (далее – БК) определяет банковскую тайну как сведения о счетах и вкладах (депозитах), в том числе о наличии счета в банке (небанковской кредитно-финансовой организации), его владельце, номере и других реквизитах счета, размере средств, находящихся на счетах и во вкладах (депозитах), а равно сведения о конкретных сделках, об операциях без открытия счета, операциях по счетам и вкладам (депозитам), а также об имуществе, находящемся на хранении в банке. При этом в данной норме особо обращено внимание, что вышеуказанные сведения не подлежат разглашению.

Следует отметить, что налоговые органы и их должностные лица обладают значительными полномочиями для получения информации, составляющей банковскую тайну. При этом процессуальный аспект данных полномочий свидетельствует о вариативности нормативных подходов в праве контролирующих органов (в том числе, налоговых) на получение вышеуказанной информации. Так, в соответствии с абз. 16 п. 4 Положения о порядке организации и проведения проверок, утв. Указом Президента Республики Беларусь от 16 октября 2009 г. № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь» контролирующие (надзорные) органы и их проверяющие имеют право получать в банках сведения о счетах и вкладах (депозитах) проверяемого субъекта, в том числе о наличии счета в банке, иную информацию, составляющую банковскую тайну, необходимую для проведения проверки. В контексте реализации возложенных на Комитет государственного контроля Республики Беларусь (далее – КГК) и комитеты государственного контроля областей, в том числе в налоговой сфере, в соответствии с абз. 3 ст. 14 Закона Республики Беларусь от 1 июня 2010 г.

№ 142-3 «О Комитете государственного контроля Республики Беларусь и его территориальных органах» они могут запрашивать и получать от Национального банка, иных банков, небанковских кредитно-финансовых организаций информацию, составляющую банковскую тайну, с соблюдением требований, установленных законодательными актами. Аналогичные положения содержатся в отношении органов финансовых расследований КГК в абз. 7 ч. 1 ст. 13 Закона Республики Беларусь от 16 июля 2008 г. № 414-3 «Об органах финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь», а также Департамента финансового мониторинга КГК (далее – Департамент) (абз. 2 п. 7 Положения о Департаменте финансового мониторинга Комитета государственного контроля Республики Беларусь, утв. Указом Президента Республики Беларусь от 14 сентября 2003 г. № 408).

В рамках деятельности Департамента важными являются положения ч. 8 ст. 6 Закона Республики Беларусь от 30 июня 2014 г. № 165-3 «О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения» (далее – Закон № 165-3), на основании которых представление лицами, осуществляющими финансовые операции, в орган финансового мониторинга информации о финансовых операциях, подлежащих особому контролю, в порядке, предусмотренном Законом № 165-3, не является нарушением банковской или иной охраняемой законом тайны и не влечет за собой ответственности за убытки и моральный вред, причиненные в результате такого действия.

Непосредственная нормативная организационно-налоговая имманентность предоставления сведений, составляющих банковскую тайну, отражена в соответствующих положениях Налогового кодекса Республики Беларусь (Общая часть) от 19 декабря 2002 г. № 166-3 (далее – НК). Так, подп. 1.12 п. 1 ст. 107 НК одним из правомочий налоговых органов и их должностных лиц предусматривает право получать от различных субъектов, в том числе, банков, сведения, составляющие банковскую тайну. Статья 86 НК, определяющая взаимодействие банков и налоговых органов, предусматривает основания и порядок представления банком сведений как по запросам налогового органа, так и без соответствующего запроса. В первом случае, в соответствии с положениями п. 2 вышеуказанной статьи НК, налоговый орган может направить в банк запрос на получение сведений: 1) о наличии и реквизитах счетов, электронных кошельков и (или) об остатках денежных средств на счетах, электронных денег на (в) них, о движении денежных средств по счетам, электронным кошелькам, начисленных (выплаченных) процентах по вкладам (депози-

там), сведений о кредитах (выданных, возвращенных, погашенных), конкретных сделках, об операциях без открытия счета, имуществе, находящемся на хранении в банке; 2) о владельце электронного кошелька, операциях, осуществленных по данному электронному кошельку, об остатках электронных денег, дате приостановления операций с электронными деньгами в электронном кошельке; 3) о движении денежных средств по счетам, электронных денег по электронным кошелькам плательщиков. Без запроса налогового органа банки, например, в соответствии с нормами подп. 1.1 п. 1 ст. 86 НК обязаны сообщать сведения, составляющие банковскую тайну: 1) об открытии, закрытии счета, электронного кошелька; 2) об открытии, закрытии счетов по учету вкладов (депозитов) и (или) корреспондентского счета иностранного банка, открытии, закрытии счета, электронного кошелька иной иностранной организации; 3) входящие в состав кредитной истории физического лица; 4) о наличии и реквизитах счета физического лица (за исключением счетов по учету вкладов (депозитов)), когда сумма приходных операций по счету превысила 150 000 бел. руб. за истекший календарный год. Следует отметить, что вышеуказанные перечни являются исчерпывающими, и в соответствии с режимом банковской тайны иные сведения и в ином порядке налоговыми органами запрошены быть не могут.

Исходя из приведенных выше положений законодательства по вопросу предоставления контролирующим органам сведений, составляющих банковскую тайну, следует констатировать, что современная нормативная действительность характеризуется как увеличением субъектного состава, так и основаниями получения вышеуказанных сведений. Это, в свою очередь, актуализирует научную дискуссию о статусе банковской тайны в контексте ее существования в современных реалиях и соотношения с другими видами тайн, в том числе с налоговой. С одной стороны, налогоплательщик, вступив в договорные отношения с банковским учреждением, имеет веские основания рассчитывать, прежде всего, на то, что сведения, находящиеся в распоряжении банка, останутся неразглашенными, а с другой стороны, все эти сведения можно получить по основаниям и в порядке, предусмотренном законодательством. Соответственно, ставится под сомнение институт банковской тайны, если фискальные интересы государства важнее, нежели сведения, ее составляющие. С другой стороны, главная цель режима банковской тайны – это сохранение конфиденциальности полученных от клиента сведений. Передача данной информации определенному государственному органу не является нарушением вышеуказанной конфиденциальности в силу прямого указания в законе на перечень определенных государственных ор-

ганов, имеющих право запрашивать информацию, составляющую банковскую тайну.

Динамика законодательного регулирования, в контексте положений ст. 86 НК, свидетельствует о том, что объем информации, к которой налоговый орган имеет доступ, увеличивается, их полномочия расширяются, а понятие банковской тайны становится все более размытым. При этом, сохраняется повышательная тенденция по данному вопросу в отношении других субъектов, которым могут быть предоставлены сведения, составляющие банковскую тайну. В этой связи обратим внимание на доктринально прикладную позицию о нивелировании (вплоть до абсолютного) института банковской тайны. Как отмечает И. Н. Соловьев, «в последнее время во всем мире понятие банковской тайны постепенно размывается, приоритет отдается фискальным интересам государства, а не конфиденциальности частной жизни и банковских операций» [1, с. 8]. А. В. Воронова констатирует, что «в течение последнего десятилетия у сторонников замены банковской тайны на «банковскую прозрачность» появилось достаточно аргументов для проведения своих идей в жизнь, и на фоне экономического кризиса их призывы для большинства стран звучат все более убедительно» [2, с. 59].

С другой стороны, в историческом ракурсе, представители финансово-правовой науки конца XIX–начала XX вв., критически относились к наделению банков обязанностью представлять налоговым органам какую-либо информацию в отношении своих клиентов для целей налогообложения. Так, известный ученый в области финансового и налогового права А. А. Соколов обращал внимание на возражения против введения обязанности кредитных учреждений предоставлять информацию в фискальных целях. Основным в этом случае являлся довод о том, что капиталы перетекут за границу и будет нарушена банковская тайна. Он же полагал, что «во всяком случае, нельзя допустить, чтобы кредитные учреждения стали теми норами, в которые плательщики при желании могли бы укрываться» [3, с. 11].

Нам видится более верным промежуточное направление, отраженное в соответствующей правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ) [4]. С одной стороны, вышеуказанный орган конституционного правосудия отмечает, что исходя из «конституционных гарантий неприкосновенности частной жизни, личной тайны и недопустимости распространения информации о частной жизни лица без его согласия вытекают как право каждого на сохранение в тайне сведений о его банковских счетах и банковских вкладах и иных сведений, виды и объем которых устанавливаются законом, так и соответствующая обязанность банков, иных кредитных организаций хранить

банковскую тайну, а также обязанность государства обеспечивать это право в законодательстве и правоприменении» [4]. С другой стороны, в рамках законодательных отступлений от правового режима банковской тайны, КС РФ отмечает, что «такие отступления (в частности, предоставление банками, иными кредитными организациями и их служащими сведений о счетах и вкладах и операциях по счету, а также сведений о клиентах государственным органам и их должностным лицам) должны отвечать требованиям справедливости, быть адекватными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей, в том числе частных и публичных прав и интересов граждан, не затрагивать существо соответствующих конституционных прав» [4]. С научной точки стоит привести мнение И. А. Яковлевой, которая отмечает, что «правовой режим банковской тайны – компромисс между владельцами денежных средств, находящихся на хранении в банках, и публично-правовыми образованиями, а также иными органами, уполномоченными получать информацию о счетах клиентов для решения поставленных социальных задач» [5, с. 65]. Справедливость данного утверждения, по нашему мнению, предопределено также и тем, что правоотношения, возникающие по поводу банковской тайны, носят как публично-правовой, так и частноправовой характер, а сам институт банковской тайны является межотраслевым институтом законодательства, включающим нормы финансового, банковского, гражданского, информационного и других смежных отраслей законодательства. В данном контексте отметим мнение Е. Фаткиной, утверждающей, что «достижение баланса между частными и публичными интересами в поддержании конфиденциальности и предоставлении доступа к сведениям, составляющим банковскую тайну, является системообразующим фактором обеспечения информационной безопасности сведений, являющихся объектом правовой охраны, построения стабильной банковской системы, защиты прав и законных интересов вкладчиков и кредиторов кредитных организаций. Бесконтрольное распространение сведений, охраняемых режимом банковской тайны, может нанести вред не только частным интересам указанных лиц, но, прежде всего, публичным интересам государства и общества, поскольку доверие граждан и юридических лиц к банковской системе обеспечивает эффективность ее функционирования» [6, с. 98].

По нашему мнению, одним из правовых инструментов достижения баланса между государством и налогоплательщиками в вопросе получения сведений, составляющих банковскую тайну, будет правовая модификация положений ч. 1 п. 2 ст. 86 НК в контексте придания запросу налогового органа мотивированного характера. В настоящее время форма запроса на получение информации о движении средств по счетам,

электронным кошелькам плательщика утверждена постановлением Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь и Правления Национального банка Республики Беларусь от 3 сентября 2015 г. № 23/535 «О взаимодействии налоговых органов и банков, небанковских кредитно-финансовых организаций при направлении и получении электронных документов» носит достаточно абстрактный характер. Представляется, что он такой запрос должен содержать мотивировку требования, связанную с целями и задачами налогового контроля, а также конкретное основание для его направления. В этой связи целесообразно часть первую п. 2 ст. 86 НК изложить в следующей редакции: «По мотивированному запросу от налогового органа банк обязан в письменной или электронной форме не позднее трех рабочих дней получения такого запроса».

По итогам проведенного исследования можно сделать следующие основные выводы.

1. Определенный законодательством режим банковской тайны является средством реализации права реализации граждан на свободное использование их имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, в том числе в виде возможности хранить свои денежные средства на банковских счетах, осуществления переводов денежных средств.

2. Правовая природа банковской тайны заключается в комплексном характере отношений, связанных с ней, то есть данные отношения носят как частноправовой характер, так и публично-правовой, поскольку, с одной стороны, они обуславливаются отношениями клиента и банка по поводу заключения и исполнения соответствующего договора на оказание банковских услуг, а с другой, обуславливаются отношениями банка и государственных органов, имеющими право доступа к информации, составляющей банковскую тайну, в соответствии с национальным законодательством.

3. В рамках проведения налогового контроля, налоговые органы в императивном порядке могут получать различную информацию о налогоплательщике, в том числе от банковских учреждений. Наиболее дискуссионным прикладным вопросом в настоящее время является вопрос о специфике запрашиваемой информации и ее объеме. В данном контексте полагаем внести изменения в ст. 86 Налогового кодекса Республики Беларусь, в рамках которых запрос налоговых органов на получении информации от банков должен носить мотивированный характер.

Библиографические ссылки

1. *Соловьев И. Н.* Правовой режим доступа к банковской тайне // *Налоговый вестн.* 2012. № 3. С. 3–11.
2. *Воронов А. В.* Будущее банковской тайны // *Налоговая политика и практика.* 2009. № 7. С. 54–59.
3. *Соколов А. А.* Подоходный налог // *Гензель, А. А. Финансовая реформа в России / П. П. Гензель, А. А. Соколов. Вып. 1. М. : тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1916. С. 6–19.*
4. По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 14 Федерального закона «О судебных приставах» в связи с запросом Лангепасского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа [Электронный ресурс] : Постановление Конституц. Суда Рос. Федерации, 14 мая 2003 г., № 8-П // *Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 / ЗАО «Консультант Плюс». М., 2024.*
5. *Яковлева И. А.* Информация с ограниченным доступом в предпринимательской деятельности: правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2014. 204 л.
6. *Фаткина Е.* Место банковской тайны среди других видов тайн // *Хозяйство и право.* 2015. № 12. С. 96–107.

НАЛОГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СВЕТЕ НЕОКЛАССИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ФИНАНСОВ

С. П. Протасовицкий

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, 220030, г. Минск, Беларусь, hello@prata.me*

В статье автор приводит некоторые научные положения, полученные им в результате исследования частных финансов, и на основе их экстраполяции в сферу публичных финансов рассматривает понятие налоговых отношений. Автор приходит к выводу, что в свете неоклассической теории финансов налоговые отношения возникают при осуществлении государством финансовой деятельности и включают налоговые обязательства, обратные налоговые обязательства, а также отношения по государственному управлению налоговыми рисками.

Ключевые слова: налоговые отношения; финансовая деятельность; финансовая операция; налоговое обязательство; управление налоговыми рисками.

TAX RELATIONS IN THE LIGHT OF THE NEOCLASSICAL THEORY OF FINANCE

S. P. Pratasavitski

*Belarusian State University, Leningradskaya st. 8, 220030
Minsk, Belarus, hello@prata.me*

In the article, the author presents some of the provisions he obtained through research on private finance and, on the basis of their extrapolation to the sphere of public finance, considers the concept of tax relations. The author ultimately concludes that, in the light of the neoclassical theory of finance, tax relations emerge in the course of the state's financial activity and encompass tax obligations, reverse tax obligations, and the state's management of tax risks.

Keywords: tax relations; financial activity; financial transaction; tax obligation; tax risk management.

В отечественной финансовой литературе последних десятилетий все больше внимания уделяется неоклассической теории финансов, что можно объяснить формированием рыночной экономики на постсоветском пространстве. Между тем в западной науке названная теория развивается с середины XX в. В то время, как пишет И. В. Черняева, «в зарубежной теории финансов наступил переход от классического их толко-

вания к неоклассическому» [1, с. 41]. «Классическая направленность финансовой науки, – поясняет П. А. Левчаев, – занималась изучением и рассмотрением сферы государственных финансов. Логику этого можно найти в том, что на данном этапе эволюции финансовых отношений фактор государства, его доходов, расходов, экономической мощи являлся определяющим» [2, с. 15]. «После Второй мировой войны, – продолжает ученый, – ситуация в финансовой сфере меняется – с одной стороны, получают развитие местные финансы, финансы специальных (внебюджетных) фондов, а с другой – возрастает роль финансов предприятий, корпораций, рынка капиталов. Наблюдается тенденция развития и детализации всех сфер финансовых отношений, обусловленная усложнением экономических взаимоотношений. Акцент исследования, в отличие от предыдущего этапа, переносится на финансы предприятий, поведение на фондовом рынке» [2, с. 16]. «Происходит становление нового этапа эволюции финансовых отношений – неоклассического», – заключает автор [2, с. 17].

Развивая неоклассическое направление, мы исследуем теоретические основы правового регулирования частных финансов. В результате сформирована хозяйственная концепция финансов, построена теоретическая модель частных финансов как объекта правового регулирования и раскрыты ее элементы.

Под финансами мы понимаем экономические потоки, отражающие изменение монетарного состояния экономического субъекта. Финансы группируются (делятся) аналогично хозяйствам. Дифференциация хозяйств (секторов экономики) на частные и государственные позволяет выделить частные финансы – экономические потоки, отражающие изменение монетарного состояния домашнего хозяйства, частной организации или частного сектора экономики в целом [3, с. 51].

Частные финансы как объект правового регулирования представляют собой систему, состоящую из финансового имущества, частной финансовой деятельности и отношений в сфере частных финансов [4, с. 47].

Частные и публичные финансы – компоненты общего понятия финансов, поэтому полученные нами результаты имеют методологические основания для их применения в области публичных финансов. Разумеется, с учетом существа последних. Такая экстраполяция позволяет взглянуть на традиционные для публичных финансов категории с иной точки зрения и может быть полезна при решении научных проблем в данной области. В рамках настоящей статьи, опираясь на теоретические основы частных финансов, мы рассматриваем понятие налоговых отношений, входящее в предмет финансового (публичного) правоведения.

В сфере частных финансов отношения являются собой социальные связи, возникающие при обладании финансовым имуществом, осуществлении частной финансовой деятельности, оказании финансовых услуг и их государственном регулировании. В правовой форме они детерминированы юридическими свойствами их субъектов – правоспособностью, субъективными правами, обязанностями и запретами, которые образуют содержание этих правоотношений и направлены на будущее финансовое состояние тех же субъектов [5, с.72].

Применяя наши теоретические положения в области государственных финансов, мы учитываем, что государство (1) обладает финансовым имуществом, (2) осуществляет финансовую деятельность, (3) получает финансовые услуги и, конечно, (4) все это регулирует.

В соответствии с п. 1 ст. 6 Налогового кодекса Республики Беларусь от 19 декабря 2002 г. № 166-З (далее – НК) «налогом признается обязательный индивидуальный безвозмездный платеж, взимаемый (курсив мой – С. П.) с организаций и физических лиц в форме отчуждения принадлежащих им на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления денежных средств в республиканский и (или) местные бюджеты». Упомянутое в дефиниции «взимание» не входит в содержание обладания финансовым имуществом, получения финансовых услуг и регулирования, а выступает элементом финансовой деятельности. Следовательно, налоговые отношения возникают при осуществлении государством финансовой деятельности. Этот тезис находит подтверждение в финансово-правовой литературе [6, с. 55; 7, с. 114].

Понятие финансовой деятельности государства получило развитие в середине XX в. В то время М. А. Гурвич, а затем Е. А. Ровинский актуализировали исследования упомянутой деятельности и сформулировали ее определение. Они видели в ней деятельность государственных органов по планомерному собиранию (мобилизации), распределению и использованию денежных фондов [8, с. 17; 9, с. 23]. Такое понимание указанной деятельности нашло поддержку в литературе и воспринято многими современными авторами.

В нашем представлении финансовой является деятельность по управлению финансовым состоянием ее субъекта, включающая управление финансовым имуществом (совершение финансовых операций) и управление финансовыми рисками [10, с. 339].

Финансовая деятельность направлена на достижение желаемого финансового состояния. В частном хозяйстве оно обычно отражает идею максимизации количества денег в распоряжении, поскольку они обеспечивают приобретение благ для удовлетворения растущих потребностей. Между тем государство стремится не к прибыли (доходу), а состоянию,

позволяющему покрыть запланированные расходы. Взимание налогов выступает основным способом финансирования государственных расходов.

Под финансовой операцией в контексте управления финансовым имуществом мы подразумеваем действие экономического субъекта, приводящее к желаемому изменению его финансовых активов и (или) финансовых долгов. Уплата и получение налога – финансовые операции.

Финансовые операции практически всегда совершаются в паре и приводят к изменениям в финансовом имуществе двух хозяйств. К примеру, платеж подразумевает пару «отчуждение денег – приобретение денег», что отражается в изменении финансовых активов плательщика и бенефициара. А теперь рассмотрим налоговый платеж. Можем ли мы утверждать, что частная организация, уплачивая налог, совершает акт частной финансовой деятельности, а государство, получая платеж, – акт государственной финансовой деятельности? С одной стороны, да: при уплате налога происходят изменения в частном и казенном финансовом имуществе. С другой стороны, эти акты входят в публично-правовую конструкцию исполнения налогового обязательства (ст. 42 НК), т. е. подчиняются одним и тем же нормам. Но смысл выделения частной финансовой деятельности заключается в ее особом правовом режиме, а в приведенном примере он теряется. Выход мы видим в том, чтобы подобные акты субъекта частного хозяйства квалифицировать как участие в государственной финансовой деятельности, а не осуществление частной финансовой деятельности. Такое участие мы фиксируем всегда, когда происходит движение финансового имущества между частным хозяйством и казной.

Финансовый риск означает возможность нежелаемого изменения финансового состояния экономического субъекта. Его несет и государство, потому управляет им, в том числе в области налогообложения. Это проявляется в обеспечении исполнения налоговых обязательств (гл. 6 НК), учете плательщиков (гл. 9 НК) и налоговом контроле (гл. 10 НК).

Правоотношения, возникающие при осуществлении государственной финансовой деятельности, обнаруживают юридическую возможность или необходимость совершения финансовых операций, а также действий по управлению финансовыми рисками.

В части финансовых операций налоговая модель этих правоотношений обязывает плательщика к уплате налога, а государству доставляет право получить налог, в том числе принудительно. В белорусском законодательстве она именуется налоговым обязательством (ст. 41 НК). В отличие от гражданско-правового обязательства, в котором государство тоже может участвовать, в налоговом оно наделено властными полномо-

чиями. Еще в советский период С. В. Запольский выдвинул гипотезу о финансовых обязательствах [11, с. 21]. На его взгляд, они представляют собой «такие правоотношения, в которых государство участвует в качестве кредитора, а юридические и физические лица – в качестве должника, правоотношения, возникающие из осуществления суверенных полномочий на создание государственных денежных фондов» [12, с. 167].

Излишне уплаченная (взысканная) сумма налога подлежат зачету или возврату (гл. 8 НК). В таком случае между государством (должником) и плательщиком (кредитором) возникает финансовое обязательство обратное налоговому. Его можно обозначить термином «обратное налоговое обязательство».

При государственном управлении финансовыми (налоговыми) рисками возникают правоотношения, в силу которых государство вправе совершать либо требовать от плательщиков совершения предусмотренных налоговым законодательством действий, направленных на исключение (уменьшение) вероятности сокрытия, искажения, неисполнения и ненадлежащего исполнения налоговых обязательств, а плательщики обязаны претерпевать последствия законных действий государства либо выполнять его законные требования.

Государство, все его органы и должностные лица действуют в пределах актов законодательства (ч. 3 ст. 7 Конституции Республики Беларусь). Следовательно, налоговые отношения существуют исключительно в правовой форме.

Таким образом, налоговые отношения в свете неоклассической теории финансов – это правоотношения, возникающие при осуществлении государством финансовой деятельности и включающие:

- 1) налоговые обязательства;
- 2) обратные налоговые обязательства;
- 3) правоотношения, возникающие при государственном управлении налоговыми рисками.

Согласно ст. 1 НК регулирует «властные отношения по установлению, введению, изменению, прекращению действия налогов, сборов (пошлин) и отношения, возникающие в процессе исполнения налогового обязательства, осуществления налогового контроля, обжалования решений налоговых органов, действий (бездействия) их должностных лиц...». Несмотря на легальное закрепление названных отношений в предмете НК, не все из них являются налоговыми. Из перечисленных к таковым можно отнести лишь «отношения, возникающие в процессе исполнения налогового обязательства, осуществления налогового контроля». Остальные находятся за пределами финансовой деятельности государ-

ства. Поэтому правильнее будет сказать, что НК регулирует налоговые и связанные с ними отношения.

Библиографические ссылки

1. *Черняева И. В.* Современная теория финансов и эффективность воспроизводственных процессов // Финансы и кредит. 2008. № 32. С. 40–45.
2. *Левчаев П. А.* Финансы организаций : учебник. М. : ИНФРА-М, 2023. 386 с.
3. *Протасовицкий С. П.* Понятие финансов: хозяйственная концепция // Вестн. Полоц. Гос. ун-та. Серия Д. Экон. и юрид. науки. 2023. № 3. С. 49–52.
4. *Протасовицкий С. П.* Теоретическая модель частных финансов как объекта правового регулирования // Юстиция Беларуси. 2024. № 4. С. 43–47.
5. *Протасовицкий С. П.* Понятие и виды отношений (правоотношений) в сфере частных финансов // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Серия Д. Экон. и юрид. науки. 2024. № 1. С. 69–73.
6. Налоговое право : учебник / Е. Ю. Грачева [и др.] ; отв. ред. Е. Ю. Грачева, О. В. Болтинова. М. : Проспект, 2019. 312 с.
7. Налоговое право : учебник / И. А. Цинделиани [и др.] ; под ред. И. А. Цинделиани. М. : Проспект, 2019. 704 с.
8. *Гурвич М. А.* Советское финансовое право. М. : Госюриздат, 1952. 324 с.
9. *Ровинский Е. А.* Основные вопросы теории советского финансового права. М. : Норма : ИНФРА-М, 2018. 176 с.
10. *Протасовицкий С. П.* Финансовая деятельность в неоклассической теории финансов // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. 2024. Т. 69, № 4. С. 331–341.
11. *Запольский С. В.* Правовые вопросы самофинансирования предприятий в условиях полного хозяйственного расчёта (финансово-правовой аспект) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 ; Всесоюзный научно-исследовательский ин-т советского гос. строительства и законодательства. М., 1989. 45 с.
12. *Запольский С. В.* Теория финансового права : научные очерки / С. В. Запольский. М. : РАП, 2010. 371 с.

**ДОПУСТИМО ЛИ ПРИЗНАВАТЬ ОТВЕТЧИКА (ДОЛЖНИКА)
ПЛАТЕЛЬЩИКОМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОШЛИНЫ, ЕСЛИ
СУДЕБНОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВЫНЕСЕНО НЕ В ЕГО ПОЛЬЗУ,
А ИСТЕЦ (ВЗЫСКАТЕЛЬ) ОТ УПАТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ПОШЛИНЫ ОСВОБОЖДЕН?**

В. П. Скобелев

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, Skobelev@bsu.by*

В статье обосновано, что в ситуации, когда судебное постановление вынесено не в пользу ответчика (должника), а истец (взыскатель) от уплаты государственной пошлины освобожден, ответчик (должник), уплачивающий в доход государства сумму, эквивалентную размеру не уплаченной истцом (взыскателем) государственной пошлины, является не плательщиком государственной пошлины, а лицом, возмещающим государству судебные расходы, образовавшиеся у него в связи с неуплатой государственной пошлины истцом (взыскателем).

Ключевые слова: государственная пошлина; плательщик государственной пошлины; суд; истец (взыскатель); ответчик (должник).

**IS IT PERMISSIBLE TO RECOGNIZE THE DEFENDANT (DEBTOR)
AS THE PAYER OF THE STATE FEE IF THE COURT DECISION
WAS NOT MADE IN HIS FAVOR, AND THE PLAINTIFF
(CREDITOR) IS EXEMPT FROM PAYING THE STATE FEE?**

V. P. Skobelev

*Belarusian State University,
Leningradskaya st. 8, 220030, Minsk, Belarus, Skobelev@bsu.by*

The article substantiates that in a situation where a court decision is not made in favor of the defendant (debtor), and the plaintiff (creditor) is exempt from paying the state fee, the defendant (debtor), who pays to the state an amount equivalent to the amount of the state fee not paid by the plaintiff (creditor), is not the payer of the state fee, but a person reimbursing the state for legal costs incurred due to the failure to pay the state fee by the plaintiff (creditor).

Keywords: state fee; state fee payer; court; plaintiff (creditor); defendant (debtor).

В результате изложения Законом Республики Беларусь от 26 декабря 2007 г. №301-З в новой редакции Закона Республики Беларусь от 10 января 1992 г. №1394-XII «О государственной пошлине» в отечественной правовой системе появилась совершенно новая норма о том, что плательщиками государственной пошлины признаются (наравне с субъектами, обращающимися в суды) организации и физические лица, которые «выступают ответчиками (должниками) в общих судах или хозяйственных судах, если при этом решение суда принято не в их пользу, а истец (взыскатель) освобожден от уплаты государственной пошлины в соответствии с законодательными актами Республики Беларусь» (абз.3 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 10 января 1992 г. №1394-XII «О государственной пошлине»). Несмотря на то, что по поводу данной нормы в свое время нами был высказан ряд критических замечаний [1, с. 349–350], она, тем не менее, была законодателем сохранена и получила свое закрепление в абз. 3 ст. 248 первоначальной редакции Налогового кодекса Республики Беларусь (далее – НК). В новой (полученной благодаря Закону Республики Беларусь от 30 декабря 2018 г. №159-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь») редакции НК (см. абз. 3 ст. 283) указанная норма тоже присутствует и имеет следующий вид: плательщиками государственной пошлины признаются организации и физические лица, которые «выступают ответчиками (должниками) в судах, если при этом судебное постановление вынесено не в их пользу, а истец (взыскатель) освобожден от государственной пошлины в соответствии с настоящим Кодексом или актами Президента Республики Беларусь». В этой связи представляется необходимым повторить высказанные ранее и привести новые аргументы против существования в законодательстве подобной нормы.

Во-первых, государственная пошлина представляет собой такой вид финансового сбора, который уплачивается плательщиком самостоятельно и добровольно [2, с. 162], тогда как проигравший дело ответчик (должник) вынужден произвести соответствующий платеж: на основании положений абз. 3 ст. 283 НК суд своим постановлением обязывает ответчика уплатить сумму пошлины в доход государства. В такой ситуации согласно подп. 2.8 п. 2 ст. 287 НК пошлина должна быть уплачена ответчиком (должником) в десятидневный срок со дня вступления в законную силу судебного постановления. Если же этого не произойдет, то в соответствии с положениями Закона Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. № 439-З «Об исполнительном производстве» государственная пошлина будет взыскана с ответчика в доход государства принудительно.

Во-вторых, глава 6 НК предусматривает такой способ обеспечения исполнения налогового обязательства, как пени, т.е. денежные суммы,

которые плательщик должен уплатить в случае неисполнения налогового обязательства или его исполнения в более поздний срок по сравнению с установленным налоговым законодательством (п. 1 ст. 55 НК). Если сумма, подлежащая уплате в доход государства проигравшим дело ответчиком (должником), все-таки является государственной пошлиной, то очевидно, что при ее неуплате ответчиком (должником) или уплате с нарушением установленного подп. 2.8 п. 2 ст. 287 НК срока с него должны взыскиваться также и предусмотренные ст. 55 НК пени. Однако правило подп. 3.2. п. 3 ст. 55 НК гласит, что пени не начисляются на суммы государственной пошлины. Несмотря на то, что в подп. 3.2. п. 3 ст. 55 НК не уточнено, о каких именно суммах государственной пошлины идет речь, мы полагаем, что здесь подразумеваются суммы государственной пошлины, подлежащие уплате в соответствии с абз. 3 ст. 283 НК, поскольку только в этой ситуации возможно в принципе ставить вопрос о применении пеней для обеспечения уплаты государственной пошлины (ведь государственная пошлина подлежит уплате постфактум – уже после совершения юридически значимого действия), во всех же иных случаях использование пеней не требуется, т.к. уплата государственной пошлины гарантируется иным образом – тем, что без уплаты государственной пошлины юридически значимое действие попросту не будет совершено. Особенно четко данный момент был отражен в п. 3-2 ст. 52 изначальной редакции НК, где прямо говорилось, что «пени не начисляются на суммы государственной пошлины, подлежащие уплате плательщиками, указанными в абзаце третьем статьи 248 настоящего Кодекса».

В-третьих, как следует из определения сбора (пошлины), данного в п. 2 ст. 6 НК, государственная пошлина уплачивается за совершение государственным органом юридически значимых действий в отношении заинтересованного лица в будущем, а в анализируемом нами случае ответчик (должник) уплачивает пошлину за уже совершенные действия. Другими словами, нарушается сама суть правовой конструкции данного финансового платежа: не уплата пошлины обуславливает совершение юридически значимых действий государственным органом, а наоборот – совершение государственным органом юридически значимых действий влечет необходимость уплаты пошлины. При этом плательщик пошлины даже не является инициатором совершения государственным органом соответствующих действий: ответчик (должник) не обращается в суд, а привлекается в процесс по требованию истца (взыскателя).

В-четвертых, история развития научной мысли на природу сборов (пошлин) [3, с. 62–78], а также общий смысл действующего законодательства о государственной пошлине указывают на то, что пошлина уплачивается за совершение компетентными органами юридических действий в

интересах (в пользу) плательщика. Ответчик (должник) же уплачивает пошлину за действия, которые расходятся с его интересами: это передача спора на рассмотрение юрисдикционного органа и вынесение судебного постановления не в его пользу.

В-пятых, основанием к совершению компетентными органами юридически значимых действий, оплачиваемых пошлиной, являются правомерные действия плательщика, например, подача искового заявления [2, с. 162]. Ответчик же присуждается к уплате государственной пошлины за противоправные действия: за то, что нарушил или оспорил права истца и, как следствие, оказался неправым в рассмотренном судом споре.

В-шестых, следует констатировать, что для исследуемого нами случая законодателем не установлен объект обложения государственной пошлиной. Применительно к деятельности судов общей юрисдикции согласно подп. 1.1, подп. 1.3 п. 1 ст. 284 НК объектом обложения государственной пошлиной признается рассмотрение подаваемых в эти суды исковых и иных заявлений. Вряд ли можно считать, что в анализируемой ситуации ответчик (должник) платит именно за рассмотрение искового (иного) заявления, ведь если бы это было на самом деле так, то возникал бы вопрос: почему во всех иных случаях (когда судебное постановление выносится в его пользу) ответчик (должник) за рассмотрение искового (иного) заявления не платит? В действительности, как следует из содержания абз. 3 ст. 283 НК, ответчик (должник) платит государственную пошлину по той единственной причине, что судебное постановление было принято не в его пользу, а истец (взыскатель) от государственной пошлины освобожден. Не вдаваясь в обсуждение вопроса о том, насколько в принципе правомерно выделять подобный объект обложения государственной пошлиной, отметим лишь, что такой объект обложения не назван в ст. 284 НК (а только эта статья НК, на наш взгляд, может определять объекты обложения государственной пошлиной). Но если отсутствует объект обложения, то с учетом положений п. 5 и п. 6 ст. 6 НК пошлину нельзя считать установленной, по крайней мере – применительно к ответчику (должнику).

Правда, нам могут возразить, что здесь возможен еще один вариант: проигравший дело ответчик (должник) уплачивает государственную пошлину в порядке абз. 3 п. 2 ст. 42 НК, т.е. в силу прямого указания абз. 3 ст. 283 НК исполняет налоговое обязательство истца (взыскателя) вместо него в качестве «иного обязанного лица в случаях, установленных налоговым законодательством». На это можно ответить следующее. В рассматриваемом случае истец (взыскатель) освобожден от уплаты государственной пошлины. Это значит, что соответствующее налоговое обязательство у него не возникло. Отсутствующее же обязательство, само со-

бой разумеется, исполнению никем не подлежит, в том числе и оказавшимся неправым в споре ответчиком (должником).

В-седьмых, есть основания утверждать, что для предусмотренной абз. 3 ст. 283 НК ситуации законодатель не установил не только объект обложения государственной пошлиной, но и ставки последней: как видно из наименования приложений 13–15 к НК, данные приложения устанавливают ставки государственной пошлины, которая подлежит уплате при обращении в соответствующие судебные органы (а не тогда, когда обращение уже состоялось и по результатам его рассмотрения было вынесено судебное постановление). Причем не спасают положения и следующие предписания подп. 1.26 п. 1 ст. 288 НК:

«1.26. государственная пошлина, от которой истец был освобожден, если иное не предусмотрено пунктом 18 статьи 285 настоящего Кодекса, взыскивается по ставке и (или) исходя из размера базовой величины, установленным на день обращения истца с иском заявлением в суд:

при отказе в удовлетворении иска – с истца;

при удовлетворении иска – с ответчика.

При этом если исковые требования удовлетворены частично, то государственная пошлина взыскивается с ответчика пропорционально удовлетворенным иском требованиям, а с истца пропорционально той части исковых требований, в удовлетворении которой истцу отказано.

При частичном удовлетворении искового требования неимущественного характера (или не подлежащего оценке) государственная пошлина взыскивается с истца и ответчика в равных долях.

Настоящее правило применяется при взыскании государственной пошлины по итогам рассмотрения дела независимо от вида производства, в рамках которого оно было рассмотрено».

Приведенные предписания лишь указывают, по состоянию на какой момент времени следует рассчитывать государственную пошлину и в какой пропорции взыскивать ее со сторон в доход государства в случае частичного удовлетворения исковых требований, однако самих ставок государственной пошлины предписания подп. 1.26 п. 1 ст. 288 НК не устанавливают. Более того, этими предписаниями ставки государственной пошлины и не могут быть установлены, потому что данные ставки определяются только ст. 286 НК и приложениями 13–15 к НК.

В-восьмых, если бы в описанном в абз. 3 ст. 283 НК случае ответчик (должник) уплачивал именно государственную пошлину, то ее ставку и (или) размер базовой величины тогда следовало бы определять на день уплаты, однако абз. 1 ч. 1 подп. 1.26 п. 1 ст. 288 предписывает принимать во внимание ставку государственной пошлины и (или) размер базовой величины на день обращения истца с иском заявлением в суд.

В-девятых, в ситуации, о которой говорит абз. 3 ст. 283 НК, может оказаться и сам истец (взыскатель), если он был освобожден от уплаты государственной пошлины, но судебное постановление в конечном итоге вынесено не в его пользу. Однако несмотря на то, что законодатель попытался урегулировать данную ситуацию (см. подп. 2.8 п. 2 ст. 287, подп. 1.26 п. 1 ст. 288 НК), ситуация оказалась урегулированной даже еще меньше, нежели применительно к ответчику, – оказавшийся в соответствующей ситуации истец (взыскатель) не упомянут в ст. 283 НК среди плательщиков государственной пошлины.

В-десятых, ситуация, аналогичная оговоренной в абз. 3 ст. 283 НК, может иметь место при пересмотре судебных постановлений вышестоящими инстанциями: например, лицо, чья жалоба вышестоящим судом была удовлетворена, может быть освобождено от уплаты государственной пошлины за подачу жалобы. В НК по поводу такого случая вообще не сказано ни слова. Означает ли это, что другая сторона (проигравшая дело в вышестоящей инстанции) не будет ничего возмещать государству?

На основании всего изложенного можно прийти лишь к одному единственному выводу: в предусмотренной абз. 3 ст. 283 НК ситуации ответчика (должника) нужно считать не плательщиком государственной пошлины, а лицом, которое возмещает государству судебные расходы, образовавшиеся у него в связи с тем, что истцом (взыскателем) государственная пошлина фактически (пусть и на законном основании) уплачена не была. Соответствующим образом должна формулироваться и резолютивная часть судебного постановления: суд должен взыскивать не государственную пошлину, а сумму в возмещение государственной пошлины. Юридическим же основанием для возмещения государству неполученных сумм государственной пошлины в указанных случаях должны являться нормы не НК (поскольку указанное денежное возмещение не имеет характера финансового платежа), а положения отраслевого процессуального законодательства: в гражданском процессе – это норма ч. 1 ст. 142 ГПК («судебные расходы, от уплаты которых истец был освобожден, взыскиваются с ответчика в доход государства пропорционально удовлетворенной части исковых требований»), а в хозяйственном процессе – норма ч. 2 ст. 133 ХПК («государственная пошлина, от уплаты которой в установленном порядке истец был освобожден, взыскивается с ответчика пропорционально размеру удовлетворенных исковых требований, если ответчик не освобожден от ее уплаты»; правда, ч. 2 ст. 133 ХПК говорит о взыскании с ответчика государственной пошлины, что не совсем правильно, в действительности речь здесь должна идти о взыскании с ответчика суммы государственной пошлины (т.е. суммы,

эквивалентной государственной пошлине) или суммы в возмещение государственной пошлины, поэтому в данном плане ч. 2 ст. 133 ХПК нуждается в корректировке).

Сделанные нами выводы имеют не только теоретическое, но и существенное практическое значение – они могут быть использованы для целей правильного толкования, точного применения и дальнейшего совершенствования законодательства [4, с. 185–190].

В частности, предложенный нами подход позволяет понять смысл и значение правила ч. 5 ст. 133 ХПК о том, что при отказе в удовлетворении иска государственная пошлина, от уплаты которой в установленном порядке истец был освобожден, взыскивается с истца. Законом Республики Беларусь от 15 октября 2010 г. №174-З «О внесении дополнений и изменений в Налоговый кодекс Республики Беларусь» идентичная норма была введена и в первоначальную редакцию НК – см. абз. 18 п. 1 ст. 254 «Особенности исчисления и уплаты государственной пошлины при обращении в хозяйственные суды». После того, как общие и хозяйственные суды были объединены в единую систему судов общей юрисдикции, Законом Республики Беларусь от 31 декабря 2013 г. № 96-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам предпринимательской деятельности и налогообложения» соответствующая норма была закреплена в абз. 33 п. 1 ст. 252 первоначальной редакции НК как единая и для хозяйственного, и для гражданского процессов. А в результате изложения НК в новой редакции Законом Республики Беларусь от 30 декабря 2018 г. № 159-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь» отмеченные положения получили «прописку», причем в гораздо более развернутом виде (касающемся в том числе и проигравшего спор ответчика), в подп. 1.26 п. 1 ст. 288 НК (положения данного подпункта были приведены нами выше).

Закономерно, что в контексте правила ч. 5 ст. 133 ХПК (правил подп. 1.26 п. 1 ст. 288 НК) возникает вопрос: как же с истца может взыскиваться государственная пошлина, если от ее уплаты он в установленном законом порядке был освобожден? В свое время Пленум Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь объяснял это тем, что норма ч. 5 ст. 133 ХПК распространяется на те случаи, когда лицо освобождено от уплаты государственной пошлины только за подачу искового заявления, т.е. освобождено от уплаты пошлины именно как истец, в отличие от тех ситуаций, когда лицо освобождается от уплаты государственной пошлины как за подачу искового заявления, так и по результатам рассмотрения дела, т.е. освобождается от уплаты пошлины по судебным делам (см. подп. 10.1, 10.8, 10.9, 10.13, 10.14 п. 10 ныне утратившего силу

постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 27 мая 2011 г. №8 «О некоторых вопросах применения хозяйственными судами законодательства о государственной пошлине»).

Фактически позиция Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь в настоящее время отражена в п. 17, 18 ст. 285 НК:

«17. Освобождение от государственной пошлины за рассмотрение судом исковых заявлений, заявлений и жалоб не влечет освобождения от государственной пошлины за рассмотрение судом апелляционных, кассационных и надзорных жалоб, жалоб по делам об административных правонарушениях, а также от государственной пошлины, обязанность уплатить в бюджет которую возникает по результатам рассмотрения дела.

18. Освобождение от государственной пошлины по судебным делам означает, что плательщики, которым такая льгота предоставлена, не уплачивают ее в бюджет как при обращении в суд с исковыми заявлениями, иными заявлениями, жалобами и ходатайствами, апелляционными, кассационными и надзорными жалобами, жалобами по делам об административных правонарушениях, так и в том случае, когда обязанность по уплате государственной пошлины в бюджет возникает по результатам рассмотрения дела».

Однако нам представляется, что ключ к правильному объяснению содержания нормы ч. 5 ст. 133 ХПК (правил подп. 1.26 п. 1 ст. 288 НК) кроется в другом. Государственная пошлина уже по своей сути является тем финансовым платежом, освобождение от уплаты которого может иметь место только применительно к акту подачи искового или иного заявления в суд (ведь уплата государственной пошлины – необходимое условие совершения государственным органом юридически значимых действий в отношении заявителя, т.е. при обращении к государственному органу за совершением указанных действий пошлина заявителем уже должна быть уплачена, соответственно освобождение заявителя от уплаты государственной пошлины тоже может иметь отношение только к данному этапу). Поэтому действительно в ч. 5 ст. 133 ХПК (подп. 1.26 п. 1 ст. 288 НК) речь идет об истце, освобожденном от уплаты государственной пошлины за подачу искового заявления. Однако при вынесении решения об отказе в иске указанная в ч. 5 ст. 133 ХПК (подп. 1.26 п. 1 ст. 288 НК) денежная сумма взыскивается с такого истца не потому, что на данном этапе процесса льгота по государственной пошлине для него уже не действует (как мы отметили выше, на данном этапе процесса такой льготы в принципе не может быть), а потому, что по результатам рассмотрения дела с истца взыскивается сумма в возмещение государственной пошлины, а не сама государственная пошлина. Формальным

тому подтверждением может служить также тот факт, что ст. 283 НК до сих пор не называет среди плательщиков государственной пошлины истцов, оказавшихся неправыми в споре (т.е. когда суд вынес решение не в их пользу или когда они сами отказались от иска). В этой связи представляется целесообразным в целях уточнения смысла нормы ч. 5 ст. 133 ХПК, равно как и правил подп. 1.26 п. 1 ст. 288 НК, содержащиеся в них слова «государственная пошлина» заменить выражением «сумма в возмещение государственной пошлины».

Оценивая норму ч. 5 ст. 133 ХПК (правила подп. 1.26 п. 1 ст. 288 НК) по существу, следует сказать, что взыскание с истца суммы в возмещение государственной пошлины при проигрыше им дела отнюдь не противоречит тому обстоятельству, что этот же истец был освобожден от уплаты государственной пошлины. Ведь освобождение от уплаты государственной пошлины имеет отношение только к акту обращения в суд и необходимо для обеспечения экономической доступности судебной защиты для определенных категорий субъектов. Если же по результатам рассмотрения дела такой истец оказывается неправым в споре, то, думается, нет никаких разумных доводов в пользу того, чтобы не компенсировать государству за счет этого истца те расходы, которые оно понесло ввиду неуплаты им пошлины при обращении в суд. Подобное правовое регулирование выступает мощным сдерживающим фактором для заведомо необоснованных обращений в суды и злоупотреблений правом на судебную защиту.

Выводы относительно правовой природы нормы абз. 3 ст. 283 НК позволяют сделать предложения и по совершенствованию содержания подп. 1.2 п. 1 приложения 13 к НК. Данный пункт не только устанавливает размер ставки государственной пошлины за рассмотрение судами требований о взыскании расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении, но и определяет также плательщиков государственной пошлины – обязанных лиц. Обязанные лица при рассмотрении судом указанных требований выступают ответчиками (в исковом производстве) или должниками (в приказном производстве). Таким образом, подп. 1.2 п. 1 приложения 13 к НК закрепляет конструкцию, аналогичную той, которая предусмотрена абз. 3 ст. 283 НК и которая была подвергнута нами критике. Поэтому мы полагаем, что из подп. 1.2 п.1 приложения 13 к НК упоминание про плательщиков пошлины должно быть исключено. Плательщиками пошлины в данном случае следует признавать взыскателей расходов на содержание детей как лиц, обращающихся в суд с соответствующим заявлением. Однако поскольку согласно подп. 1.1.2 п. 1 ст. 285 НК истцы (взыскатели) за рассмотрение исковых заявлений (заявлений о возбуждении приказно-

го производства) о взыскании расходов государства на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении, от уплаты государственной пошлины освобождены, то фактически они ее уплачивать не будут. В такой ситуации ввиду неуплаты пошлины истцами (взыскателями) у государства образуются судебные расходы, которые, конечно же, следует компенсировать за счет обязанных лиц как лиц, оказавшихся несправными в судебном споре. Но для этого нет никакой необходимости указывать на обязанных лиц в содержании подп. 1.2 п.1 приложения 13 к НК: сумма в возмещение государственной пошлины будет взыскана с обязанных лиц на основании общих норм ГПК о возмещении государству судебных расходов (ч. 1 ст. 142 ГПК).

Библиографические ссылки

1. *Скобелев В.П.* Судебные расходы в гражданском процессе: проблемы теории и практики // Право в современном белорусском обществе: сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь; редкол.: В. И. Семенков (гл. ред.) [и др.]. Минск: Право и экономика, 2009. Вып. 4. С. 341–357.
2. Гражданский процесс : учебник / А. П. Вершинин [и др.] ; под ред. В. А. Мусина, Н. А. Чечиной, Д. М. Чечота. М. : ПБОЮЛ Гриженко Е.М., 2001. 544 с.
3. *Винницкий Д.В.* Налоги и сборы: понятие, юридические признаки, генезис. М. : НОРМА, 2002. 144 с.
4. *Скобелев В. П.* Некоторые проблемы правового регулирования судебных расходов в гражданском и хозяйственном процессе // Право и демократия: сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т; редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2014. Вып. 25. С. 180–203.

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОВЕДЕНИЯ ВСТРЕЧНЫХ ПРОВЕРОК В РАМКАХ НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ

А. А. Соловьев

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, 220030, г. Минск, Беларусь, solouyou715@gmail.com*

В статье рассматриваются сложившиеся научные подходы по вопросу понятия банковской тайны, а также ее соотношения с мероприятиями налогового контроля. Делается вывод о том, что по своей юридической природе банковская тайна носит комплексный частно-публичный характер, сочетая в себе частно-правовые и публично-правовые элементы. Предлагаются изменения в налоговое законодательство, направленные на достижение баланса между налоговыми органами и налогоплательщиками в контексте предоставления информации, являющейся банковской тайной.

Ключевые слова: информация; сведения; банковская тайна; контролирующие органы; налоговые органы; налоговый контроль; фискальные цели; запрос налогового органа.

CERTAIN ASPECTS OF COUNTER-AUDITS WITHIN TAX CONTROL

A. A. Solovyov

*Belarusian State University, Leningradskaya st. 8, 220030
Minsk, Belarus, solouyou715@gmail.com*

The article discusses the current scientific approaches to the concept of bank secrecy, as well as its relationship with tax control measures. It is concluded that by its legal nature, banking secrecy is of a complex private-public nature, combining private-legal and public-legal elements. Amendments are proposed to tax legislation aimed at achieving a balance between tax authorities and taxpayers in the context of providing information that is a bank secret.

Keywords: information; information; bank secrecy; regulatory authorities; tax authorities; tax control; fiscal purposes; request of the tax authority.

При осуществлении финансового и налогового контроля должностные лица контролирующих (налоговых) органов обладают обширным спектром дискреционных полномочий, позволяющих им экономико-

правовым образом реализовывать стоящие перед ними задачи. Данные полномочия находятся в системной взаимосвязи со способами и методами осуществления контрольных мероприятий.

В соответствии с абз. 2 п. 2 Положения о порядке организации и проведения проверок, утв. Указом Президента Республики Беларусь от 16 октября 2009 г. № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь» (далее – Положение) встречная проверка – метод (способ) проведения проверки, используемый для установления (подтверждения) достоверности и законности совершения финансово-хозяйственных операций между проверяемым субъектом и его контрагентами или третьими лицами, имеющими отношение к проверяемым финансово-хозяйственным операциям. Встречные проверки назначаются в рамках проведения выездных проверок и по отношению к ним являются вспомогательными. Поэтому основанием для проведения встречной проверки служит предписание, выданное на проведение выездной проверки в отношении проверяемого субъекта (п. 25 Положения).

В контексте встречных проверок обратим внимание на позицию Ю. А. Крохиной о том, что «не следует считать встречную проверку самостоятельным видом налоговых проверок, поскольку ее назначение возможно исключительно в рамках осуществления камеральной или выездной налоговой проверки» [1, с. 307]. Такую же позицию занимает белорусский ученый А. А. Пилипенко, который определяет, «встречная проверка не является самостоятельной формой контроля, а носит вспомогательный характер и допускается в связи с основной проверкой субъекта хозяйствования» [2, с. 137]. Данные мнения стоит поддержать в контексте того, что встречная проверка проводится в рамках общей выездной проверки и на ее проведение не требуется отдельного предписания. Встречная проверка проводится в те же сроки, что и проверка, в рамках которой назначен данный вид проверки.

В контексте проведения встречных проверок важным представляется разрешения вопроса ответственности одного хозяйствующего субъекта за действия другого по уклонению от уплаты налогов. Следует отметить, что по результатам встречной проверки меры ответственности в отношении контрагента или третьих лиц проверяемого субъекта не применяются (ч. 3 п. 25 Положения).

Законодательством установлены ограничения для проведения встречных проверок. Так, они не проводятся, если сумма отдельно взятой финансовой операции (сумма денежной оценки хозяйственной операции) на момент ее совершения не превышает: 250 базовых величин по операциям с субъектами хозяйствования – резидентами Республики Беларусь; 500 базовых величин по операциям с иностранными организаци-

ями и физическими лицами, зарегистрированными в качестве индивидуальных предпринимателей за пределами Республики Беларусь. Полагаем, что в настоящее время данные ограничения не имеют действенного характера в русле позиционирования законодателем следующих исключений. Так, ч. 2 п. 25 Положения предусматривает, что независимо от суммы денежной оценки хозяйственной операции встречные проверки проводятся в следующих случаях: в отношении финансово-хозяйственных операций с использованием (расходованием) бюджетных средств, средств государственных целевых бюджетных и внебюджетных фондов, государственного имущества, мер государственной поддержки; в случаях установления фактов оформления финансово-хозяйственных операций документами, содержащими недостоверные сведения и (или) оформленными с нарушениями требований законодательства; если встречная проверка назначена в рамках возбужденного уголовного дела (ч. 2 п. 25 Положения). Считаем целесообразным исключить такое основание назначения встречной проверки как установление фактов оформления финансово-хозяйственных операций документами, содержащими недостоверные сведения и (или) оформленными с нарушениями требований законодательства. Данные факты, по нашему мнению, должны устанавливаться в рамках выездной проверки.

Хотелось бы также затронуть еще один важный вопрос в русле проведения встречных проверок. Так, Указ № 510 не определяет перечень документов, которые могут быть истребованы в рамках встречной проверки, а также их количество, т.е. не определяет предмет встречной проверки. Это может привести и, довольно часто это происходит на практике, когда контролирующий (надзорный) орган может истребовать неограниченное количество документов. По нашему мнению, данное процессуальное действие должно четко корреспондироваться с предметом встречной проверки и истребованные документы должны касаться только осуществления финансово-хозяйственных операций, осуществляемых между контрагентами, подлежащих вышеуказанной проверке. Контролирующие органы не вправе запрашивать неограниченное количество документов у контрагентов проверяемых налогоплательщиков. Предоставлять документы необходимо относительно конкретной сделки, то есть налогоплательщик подтверждает факт наличия самого правоотношения между хозяйствующими субъектами. Однако, документы, подтверждающие приобретение организацией товаров, впоследствии реализованных проверяемому налогоплательщику, представлять никто не обязан. Они не относятся к деятельности проверяемого налогоплательщика. В данном контексте можно привести реплику Ю. В. Мартуся, который, основываясь на правоприменительной практике Российской Федерации, отмечает

следующее: «В практике налоговых органов очень распространены случаи, когда инспектора «подгоняют» основания для истребования документов» [3, с. 54]. В контексте вышесказанного полагаем целесообразным в п. 25 Положения закрепить правило, которое ограничивало бы притязания контролирующего органа на истребования документов, не относящихся к предмету встреченной проверки.

По результатам проведенного в данной статье исследования можно сделать следующие основные выводы.

1. Одним из распространенных способов налогового контроля в настоящее время является встречная проверка, которая представляет собой метод (способ) проведения проверки, используемый для установления (подтверждения) достоверности и законности совершения финансово-хозяйственных операций между проверяемым субъектом и его контрагентами или третьими лицами, имеющими отношение к проверяемым финансово-хозяйственным операциям.

2. В контексте придания эффективности легально определенным количественным ограничением на проведение встречных проверок реального характера полагаем целесообразным исключить такое основание назначения встречной проверки как установление фактов оформления финансово-хозяйственных операций документами, содержащими недостоверные сведения и (или) оформленными с нарушениями требований законодательства если сумма отдельно взятой операции не превышает установленные законодательством пределы.

3. В Положении целесообразно закрепить правило, которое ограничивало бы притязания контролирующего органа на истребования документов, не относящихся к предмету встреченной проверки.

Библиографические ссылки

1. Крохина Ю. А. Налоговое право : учебник. М. : Норма, 2019. 752 с.
2. Пилипенко А. А. Сравнительно-новационные аспекты контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь // Вестн. Высш. Хоз. Суда Респ. Беларусь. 2009. № 24. С. 122–139.
3. Мартусь Ю. В. Истребование документов в рамках камеральной проверки для подтверждения налоговой ставки // Налоговед. 2017. № 5. С. 53–55.

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЫНКА ЗЕЛЕНОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ

О. Н. Толочко

*Белорусский государственный университет, г. Минск, ул. Ленинградская, 8,
220030, г. Минск, Беларусь o.tolochko@mail.ru*

Широкое внедрение в энергетику зелёных технологий требует значительных материальных и финансовых ресурсов, что обуславливает необходимость развития правовой и институциональной структуры рынка зелёного финансирования. В статье анализируется международный опыт правового регулирования рыночных инструментов финансирования зелёных энергетических проектов и предлагаются правовые меры по совершенствованию норм права в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: зелёная энергетика; правовые меры; финансирование; рынок зелёного финансирования; зелёные облигации; энергетический переход.

LEGAL PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF THE MARKET FOR GREEN FINANCE OF ENERGY PROJECTS

O. N. Tolochko

*Belarusian State University, Leningradskaya st. 8, 220030
Minsk, Belarus, o.tolochko@mail.ru*

The widespread introduction of green technologies into the energy sector requires significant material and financial resources, which necessitates the development of the legal and institutional structure of the green finance market. The article analyzes international experience in the legal regulation of market instruments for financing green energy projects and proposes legal measures to improve the rules of law in the area under consideration.

Keywords: green energy; legal measures; financing; green finance market; green bonds; energy transition.

Устойчивое развитие экономики предполагает её перевод на зелёные технологии. Однако широкое внедрение таких технологий требует значительных материальных и финансовых ресурсов, что обуславливает необходимость развития рынка зелёного финансирования.

Под зелёным финансированием в настоящее время понимается финансирование проектов, направленных на решение экологических задач,

включая предотвращение и снижение загрязнения окружающей среды, сохранение природных ресурсов и биоразнообразия. Особое место в системе зелёного финансирования занимает климатическое финансирование, направленное на предотвращение или смягчение последствий изменения климата, в первую очередь, через сокращение выбросов парниковых газов, а также на адаптацию к изменению климата.

Как отмечает А. С. Исенов, «институциональная структура рынка зелёного финансирования формируется под влиянием глобальных вызовов. Сложившаяся к настоящему времени система институтов продолжает развиваться, привлекая посредством механизмов финансового рынка новых эмитентов зелёных облигаций и международных инвесторов. Расширяются институты, создающие методологическую платформу функционирования зелёного финансового рынка в форме методик оценки зелёных инструментов на соответствие критериям зелёного инвестирования, рейтингования участников зелёного рынка, таксономии, стандартизации и верификации зелёных проектов» [1, с. 102].

Основными инструментами зелёного финансирования в настоящее время являются целевые зелёные (т.е. ориентированные на экологические проекты) облигации и кредиты. Условиями реализации таких инструментов являются выполнение получателем денежных средств определенных показателей. Климатическое финансирование является приоритетом для международных финансовых институтов, таких как, в частности, Группа Всемирного банка. Согласно Плану действий по изменению климата на 2021–2025 годы [2], Всемирный банк инвестирует 200 млрд долларов США в страны, предпринимающие амбициозные меры по борьбе с изменением климата. Помимо прямого финансирования, Группа Всемирного банка мобилизует частные инвестиции и развивает низкоуглеродные рынки там, где их раньше не существовало [3]. Сотрудничество с глобальными финансовыми институтами, такими как Группа Всемирного банка и Международный валютный фонд, в вопросах привлечения зелёных инвестиций помогает продвинуться в реализации целей Парижского соглашения 2015 г. и облегчить энергетический переход. Кроме того, в международной практике разработаны и успешно применяются нормативные документы, призванные обеспечить единообразное применение зелёных финансовых инструментов.

Так, британская некоммерческая благотворительная организация Climate Bond Initiative (CBI, Инициатива по климатическим облигациям) реализовывала программы развития рынков климатических облигаций в Китае, Индии, Бразилии и других странах, предоставляя техническую помощь и обучение в области устойчивого финансирования. Инициатива разработала Стандарт климатических облигаций, представляющий собой

свод лучших практик по маркировке зелёных предприятий и инвестиций, а также таксономию климатических облигаций, в соответствии с которой определяется соответствие финансируемых проектов глобальным климатическим целям, закреплённым в Парижском соглашении 2015 г. [4]. Швейцарская некоммерческая организация ICMA (Международная ассоциация рынков капитала) разработала Принципы зелёных облигаций (Green Bond Principles) – добровольные руководящие принципы относительно транспарентности и раскрытия информации в целях добросовестности в развитии рынка таких облигаций [5], Руководство по финансированию климатического перехода [6] и еще ряд практических документов по зелёному финансированию. Ассоциация синдицированных и торговых кредитов (LSTA) в сотрудничестве с Ассоциацией кредитного рынка (LMA) и Азиатско-Тихоокеанской ассоциацией кредитного рынка (APLMA) издала Принципы зелёного кредитования, предназначенные для финансирования или рефинансирования зелёных проектов [7].

Таким образом, к настоящему времени международное сообщество накопило богатый опыт финансирования климатических проектов, в том числе в области энергетики.

Достижение целей Парижского соглашения 2015 г. становится приоритетной задачей для большинства государств мира, поэтому правовое регулирование рынка зелёных финансов актуализируется и на национальном уровне.

Одним из наиболее приверженных зелёным финансам государств является Китай, стремящийся радикально уменьшить выбросы парниковых газов и обеспечить устойчивый рост экономики с минимизацией использования ископаемых видов топлива [8, с. 336]. Первый выпуск климатических облигаций состоялся в КНР в 2017 г. В настоящее время система зелёных финансов в Китае включает в себя пилотные зоны зелёного финансирования (в отдельных провинциях по специально разработанным планам); зелёные кредиты; зелёные фонды и государственно-частные партнёрства; зелёные ценные бумаги; зелёное страхование; торговлю экологическими кредитами и требования по раскрытию информации о влиянии деятельности предприятия на окружающую среду.

Рынок зелёного финансирования развивается в Российской Федерации. Однако российский рынок зелёного финансирования в настоящее время испытывает трудности, связанные с изменениями в производственных и логистических процессах эмитентов: имеющиеся средства, в первую очередь, направляются туда, а не на зелёные проекты. Кроме того, из ICMA исключены зелёные облигации российских эмитентов, приостановлен статус верификаторов (рейтинговых агентств) и наблюдателей, что негативно влияет на перспективы рынка. Тем не менее, глобаль-

ная климатическая повестка делает развитие рынков зелёного финансирования безальтернативным, хотя в современных условиях российские эмитенты и заёмщики вынуждены сосредоточиться на внутренней модели такого финансирования.

Значительно продвинулся в развитии рынков зелёного финансирования энергетических проектов Казахстан. С 2018 г. функционирует Центр зелёных финансов Международного финансового центра «Астана», который оказывает помощь потенциальным эмитентам, инвесторам и участникам рынка по вопросам подготовки и выпуска зелёных облигаций, в том числе покрывает расходы эмитентов, связанные с предоставлением обязательного внешнего обзора зелёных облигаций.

В Кыргызстане при участии Европейского банка реконструкции и развития реализуется Программа финансирования зеленой экономики GEFF. В рамках этой программы уже профинансировано около 3300 проектов, которые обеспечили ежегодную экономию энергии на 199 201 МВт/ч и помогли сократить ежегодные выбросы CO₂ более чем на 66 000 т. Денежные средства направляются банкам-партнёрам и финансовым учреждениям для последующего кредитования субъектов малого и среднего предпринимательства, а также домохозяйств.

В Армении лидирующую роль в финансировании зелёной энергетики играет Амерабанк, выпускающий зелёные облигации и поддерживающий программы зелёного кредитования, прежде всего, в сфере солнечной энергетики.

В Республике Беларусь рынок зелёного финансирования находится в стадии формирования. До последнего времени активную роль в финансировании климатических проектов играли международные финансовые организации – Международный банк реконструкции и развития, Европейский банк реконструкции и развития, Европейский инвестиционный банк, которые, однако, прекратили финансирование новых проектов в Беларуси. В настоящее время кредитную поддержку экологических проектов малых и средних предприятий осуществляет ОАО «Банк развития Республики Беларусь». Определённый опыт в зелёном финансировании имеют некоторые коммерческие банки. Основными направлениями государственных зелёных инвестиций являются энергоэффективность и энергосбережение, транспорт и инфраструктура. Однако этого явно недостаточно. В 2021 г. Министерством финансов Республики Беларусь, Международным финансовым центром «Астана» и Евразийским банком развития было подписано Рамочное соглашение о сотрудничестве, нацеленное на содействие Республике Беларусь в привлечении «зеленого» финансирования на платформе Международного финансового центра «Астана» с участием Центра зеленых финансов МФЦА. К реализации

проекта по созданию универсальной зеленой торговой платформы приступила Белорусская валютно-фондовая биржа.

Как представляется, развитию такого сотрудничества и в целом росту рынка зелёных финансов способствовало бы внесение изменений в ст. 79 Закона Республики Беларусь 26 ноября 1992 г. № 1982-XII «Об охране окружающей среды», предусматривающих, в числе прочего, организацию трансфера и адаптацию «зеленых» технологий, содействие привлечению зелёных инвестиций и предоставление мер государственной поддержки в рамках зелёного финансирования на условиях и в порядке, установленных законодательством.

Кроме того, для разработки качественного и эффективного законодательства о зелёном финансировании целесообразно использовать наилучшие зарубежные практики, в том числе принятые за пределами ЕАЭС, что позволит, когда сложатся объективные обстоятельства, быстро выйти на международные рынки зелёного финансирования.

Как свидетельствует опыт Швеции и Нидерландов [9, с. 55], а также Российской Федерации, позитивную роль в привлечении средств может сыграть вовлечённость органов местного управления и самоуправления. Представляется целесообразным внести изменения в Закон Республики Беларусь 4 января 2010 г. № 108-З «О местном управлении и самоуправлении», позволяющие органам местного управления и самоуправления привлекать финансирование зелёных проектов, в том числе путём эмиссии зелёных облигаций. Для этого в рассматриваемый Закон следует добавить ст. 57¹ «Участие Советов, исполнительных и распорядительных органов в финансировании проектов по развитию возобновляемых источников энергии, повышению энергоэффективности и снижению выбросов парниковых газов», в которой закрепить компетенцию местных органов по разработке, отбору, стимулированию и мониторингу проектов, направленных на достижение указанных целей, в том числе возможность выпуска зелёных облигаций для привлечения средств граждан и юридических лиц. Для стимулирования выпуска зелёных облигаций местными органами управления и самоуправления можно ввести государственное субсидирование купонных выплат, что сделает данный инструмент экономически выгодным и привлекательным для местных властей.

Очевидно, что в условиях ограниченности внутренних ресурсов привлечение инвестиций для зелёной трансформации энергетического сектора требует выхода на внешние рынки капиталов. В силу этого обстоятельства развитие зелёного финансирования в рамках национального правового поля не является оптимальным решением проблемы. Наиболее перспективным в современных условиях видится унификация законода-

тельства государств – членов ЕАЭС и формирование общего союзного рынка зелёных финансов – облигаций, кредитов и т.д.

Развитие рынков зелёного финансирования предполагает создание единых систем таксономий зелёных проектов и зелёного финансирования, адаптированных к специфике национального законодательства и экономики государств-участников. Как уже отмечалось, в мире разработаны и функционируют необходимые инструменты, и наиболее эффективным путём является принятие одного или ряда международных стандартов зелёного финансирования. Помимо значительного упрощения подготовительных работ, принятие признанных международных стандартов и правил облегчит вход на иностранные рынки и, соответственно, привлечение иностранных инвестиций.

Для реализации этой задачи необходимо подготовить специалистов, имеющих необходимые компетенции в работе с экологическими инвестиционными проектами и финансовыми инструментами, включая подготовку необходимых документов, помощь в верификации проектов, составлении отчётов и др.

Таким образом, под влиянием глобальных вызовов происходит формирование правовой и институциональной структуры рынка зелёного финансирования энергетических проектов. В Республике Беларусь рынок зелёных финансов находится в стадии становления, и стимулированию его могло бы способствовать внесение соответствующих изменений в Законы «Об охране окружающей среды» и «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь», совершенствование национального законодательства о критериях присвоения зелёного статуса проектам, о мониторинге и т.д.

Финансирование энергетического перехода – общая задача, и объединение усилий на этом направлении позволит реализовать такой переход максимально выгодно и эффективно.

Библиографические ссылки

1. *Исенов А.С.* Формирование институциональной структуры глобального рынка зеленого финансирования // Управление. 2021. Т. 9. № 4. С. 100–111.
2. 2025 Targets to Step Up Climate Action [Electronic resource]. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/368601543772742074-0020022018/original/2025TargetstoStepUpClimateAction.pdf> (date of access: 15.10.2024).
3. Things You Need to Know About Climate Finance [Electronic resource]. URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/climatechange/brief/3-things-you-need-to-know-about-climate-finance> (date of access: 15.10.2024).
4. Climate Bonds Taxonomy [Electronic resource]. URL: <https://www.climatebonds.net/standard/taxonomy> (date of access: 15.10.2024).

5. The Green Bond Principles (GBP) 2021 (with June 2022 Appendix 1) [Electronic resource]. URL: <https://www.icmagroup.org/sustainable-finance/the-principles-guidelines-and-handbooks/green-bond-principles-gbp/> (date of access: 09.12.2024).
6. Climate Transition Finance Handbook [Electronic resource]. URL: <https://www.icmagroup.org/sustainable-finance/the-principles-guidelines-and-handbooks/climate-transition-finance-handbook/> (date of access: 15.10.2024).
7. Green Loan Principles [Electronic resource]. URL: <https://www.lsta.org/content/green-loan-principles/> (date of access: 15.10.2024).
8. *Ермакова Е. П.* Развитие правовых основ «зеленого» финансирования в России, ЕС и Китае: сравнительно-правовой анализ // Вестн. Российского ун-та дружбы народов. Серия: Юрид. науки. 2020. Т. 24. № 2. С. 335–352.
9. *Журавская К.* Рынок зеленых облигаций: глобальные тренды и особенности в европейских странах // Банкаўскі весн. 2022. № 10. С. 47–56.

ПРИОСТАНОВЛЕНИЕ ДЕЙСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ НАЛОГОВЫХ ДОГОВОРОВ: ПРАВОВЫЕ МОДЕЛИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

И. А. Хаванова

*Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве
Российской Федерации (ИЗиСП), г. Москва, ул. Б. Черемушкинская, д.34, fin@izak.ru*

В статье рассмотрены последствия приостановления действия соглашений об избежании двойного налогообложения доходов, в которых предусмотрены только правила денонсации. Автор раскрывает специфику приостановления действия отдельных положений международных налоговых договоров Российской Федерацией и Республикой Беларусь, сравнивая правовые модели приостановления.

Ключевые слова: налог; международный налоговый договор; денонсация, приостановление действия международных налоговых договоров; Венская конвенция праве международных договоров.

SUSPENSION OF INTERNATIONAL TAX TREATIES: LEGAL MODELS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF BELARUS

I. A. Khavanova

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. B. Cheremushkinskaya street, bldg. 34, 117218, Moscow, Russian Federation, fin@izak.ru

The article examines the consequences of suspending the operation of agreements on the avoidance of double taxation of income, which only provide for denunciation rules. The author reveals the specifics of the suspension of certain provisions of international tax treaties by the Russian Federation and the Republic of Belarus, comparing the legal models of suspension.

Keywords: tax; tax treaty; denunciation; suspension of tax treaties; Vienna Convention on the Law of Treaties.

Интерес к проблеме приостановления и среди практиков, и в академической среде возник, когда Латвийская Республика уведомила о приостановлении с 16 мая 2022 г. действия соглашения с Российской Федерацией 2010 года об избежании двойного налогообложения. Россия Ука-

зом Президента РФ от 26 сентября 2022 г. № 668 также приостановила действие этого договора. Причем была использована чрезвычайная процедура, предусмотренная п. 4 ст. 37 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации»: действие международного договора РФ может быть приостановлено Президентом РФ в случаях, требующих принятия безотлагательных мер, с незамедлительным информированием Совета Федерации и Государственной Думы и внесением в Государственную Думу проекта соответствующего федерального закона.

В феврале 2023 г. был принят не только закон о приостановлении действия соглашения, но и закон о его денонсации. В результате соглашение с Латвией прекратило действие с 1 января 2024 года. При денонсации Россия действовала согласно ст. 31 договора: любое Договаривающееся Государство может прекратить действие соглашения, направив по дипломатическим каналам письменное уведомление о прекращении действия не позднее чем за 6 месяцев до окончания любого календарного года после истечения 5 лет с даты вступления соглашения в силу. Такое правило характерно для соглашений, основанных на Модельной налоговой конвенции ОЭСР и/или Модельной налоговой конвенции ООН, а вот правил приостановления действия договоров в них нет, что, впрочем, является «ахиллесовой пятой» и международных договоров в целом. Преобладающей реакцией на латвийскую инициативу было неприятие экспертами самой правовой модели приостановления действия договора, в котором нет правил приостановления. Тем более, что и причина была озвучена Латвией политическая, мало относящаяся к данному договору непосредственно.

На этом примере была апробирована правовая модель приостановления действия налоговых соглашений, реализованная впоследствии в Указе Президента РФ от 8 августа 2023 г. № 585 «О приостановлении Российской Федерацией действия отдельных положений международных договоров Российской Федерации по вопросам налогообложения» (далее – Указ № 585). Было приостановлено действие 38 налоговых соглашений России, «исходя из необходимости принятия безотлагательных мер в связи с совершением рядом иностранных государств недружественных действий в отношении РФ, ее граждан и юридических лиц». Приостановление затронуло статьи, в которых содержатся правила разграничения налоговых юрисдикций в отношении конкретных видов доходов, однако оно не коснулось правил определения терминов, разрешения коллизий налогового резидентства, информационного обмена, взаимосогласительных процедур, устранения международного двойного налогообложения.

Отсутствие в соглашениях об избежании двойного налогообложения порядка приостановления действия (при наличии правил о денонсации) не является безусловным основанием считать таковое неправомерным. Это мнение мы высказывали, опираясь на принцип *in plus stat minus*, который считал уместным применять Э. Х. де Аречага, однако, – и это важно, – приостановление не должно быть запрещено договором и не может быть несовместимо с его объектом и целью. Что касается частичного приостановления, возможность которого также ставится под сомнение, то содержание и структура налоговых конвенций, основанных на модельных налоговых конвенциях ОЭСР и/или ООН, допускает (при соблюдении определенных условий) делимость договорных положений по критерию вида дохода, на который распространяются дистрибутивные правила.

Республика Беларусь также отдала предпочтение модели частичного приостановления действия налоговых договоров. С 1 июня 2024 года начало применяться предусмотренное п. 2 постановления Совета Министров Республики Беларусь от 7 марта 2024 года № 164 «О вопросах налогообложения» (далее – Постановление № 164) приостановление исполнения (до 31 декабря 2026 г.) статей 27 международных договоров, которые регулируют налогообложение дивидендов, процентов и доходов от отчуждения имущества. Согласно положениям пункта 2 Постановления № 164 с 1 апреля 2024 г. по 31 декабря 2026 г. установлена ставка налога на доходы иностранных организаций, не осуществляющих деятельность в Республике Беларусь через постоянное представительство, в размере 25 процентов по доходам, указанным в подп. 1.4 п. 1 статьи 189 Налогового кодекса Республики Беларусь (это – дивиденды и приравненные к ним доходы), при возникновении обязательств по уплате данного налога в отношении иностранных организаций, местом нахождения которых является государство, включенное в перечень иностранных государств, совершающих недружественные действия в отношении белорусских юридических и (или) физических лиц, определенный постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 6 апреля 2022 года № 209.

В России в декабре 2023 года был принят Закон о приостановлении действия отдельных положений международных договоров Российской Федерации по вопросам налогообложения. А немногим менее месяца ранее – закон, направленный на смягчение последствий приостановления действия налоговых соглашений. Так, ст. 310 НК РФ была дополнена п. 3 согласно которому при выплате налоговым агентом видов доходов, которые облагались налогом в России по пониженным ставкам согласно международным налоговым договорам РФ до дня принятия Указа № 585,

иностранным организациям, расположенным на территориях иностранных государств, действие отдельных положений международных налоговых договоров РФ с которыми приостановлено Указом № 585, исчисление и удержание суммы налога с таких доходов производятся по соответствующим пониженным ставкам. Таким образом, законодателем была реализована необычная конструкция, при которой величина налоговой ставки определяется приостановленными положениями международных налоговых договоров России. Правила НК РФ, направленные на смягчение последствий приостановления соглашений, применяются по 31 декабря 2025 года включительно в отношении доходов, выплаченных с 8 августа 2023 года.

Неоднородное отношение к последствиям приостановления действия международных налоговых договоров России продемонстрировала не только правовая доктрина, но и реакция иностранных государств: применение положений СИДН (Финляндия); позиция о неправомерности приостановления договора в одностороннем порядке (Великобритания); отложенное решение (Греция, Польша, Румыния), «зеркальный» эффект, взаимное приостановление (США, Франция, Чехия). Начало «зеркального» приостановления СИДН с Россией в иностранных государствах неидентично: Франция – с 8 августа 2023 года, Чехия – с 11 августа 2023 года, США – с 16 августа 2024 года и т.д.

В условиях кардинальных изменений системы налоговых соглашений очевидна необходимость в адаптации физических и юридических лиц к изменению правил налогообложения доходов по трансграничным операциям. Решение состоит не в спасении системы подоходного налогообложения XX века от проблем XXI века, а в реализации возможностей, которые предоставляет реальность. Среди новых явлений в российской политике – переориентация на государства-партнеры, инвентаризация международных обязательств – с приостановлением или отказом от договоров, которые уже не соответствуют экономическим интересам страны. Так, 8 июня 2023 г. было заключено соглашение с Султанатом Оман, 7 мая 2024 г. Россия подписала налоговый договор с Абхазией, а 17 мая 2024 г. – с Малайзией. Подписанием последнего договора заканчивается история правопреемства Российской Федерации в соглашениях об избежании двойного налогообложения, заключенных СССР.

ОГРАНИЧЕНИЯ И НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ В СДЕЛКАХ, СОВЕРШАЕМЫХ ФИЗИЧЕСКИМИ ЛИЦАМИ С ЦИФРОВЫМИ АКТИВАМИ

Н. В. Хашковский

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, 220030, г. Минск, Беларусь, khashkovsky.nv@gmail.com*

Статья посвящена правовым ограничениям и особенностям налогообложения при совершении физическими лицами сделок с цифровыми знаками (токенами). Кратко рассмотрена правовая природа криптовалюты, описаны налоговые обязательства, возникающие при ее обращении. Статья акцентирует внимание на налоговых последствиях за нарушение криптовалютного законодательства.

Ключевые слова: налогообложение; подоходный налог; цифровой знак; токен; криптовалюта; сделки; ограничения.

RESTRICTIONS AND TAXATION IN TRANSACTIONS BY INDIVIDUALS WITH DIGITAL ASSETS

N. V. Khashkovsky

*Belarusian State University,
Leningradskaya st. 8, 220030, Minsk, Belarus, khashkovsky.nv@gmail.com*

The article is dedicated to the legal restrictions and taxation specifics in transactions involving digital tokens (cryptocurrencies) conducted by individuals. It briefly examines the legal nature of cryptocurrency and describes the tax obligations arising from its circulation. The article highlights the tax consequences of violating cryptocurrency legislation.

Keywords: taxation; income tax; token; digital token; cryptocurrency; transactions; restrictions.

С распространением цифровых активов и криптовалютных технологий вопросы правового регулирования сделок с криптовалютой становятся всё более актуальными. Для физических лиц, осуществляющих операции с криптовалютами, существует необходимость учитывать как правовые ограничения, так и налоговые обязательства, возникающие при совершении сделок с виртуальными активами.

В Республике Беларусь курс на регулирование цифровых активов был взят в 2017 г., когда на Национальном правовом интернет-портале был опубликован основной нормативный правовой акт рассматриваемого направления – Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет № 8), который впервые признал цифровой знак (токен) объектом правоотношений, внес изменения в функционирование «белорусской кремниевой долины», закрепил основную терминологию, установил порядок обращения криптовалюты, а также предоставил налоговые льготы участникам отношений, связанных с применением современных технологий.

Белорусский законодатель под криптовалютой понимает биткоин или иной цифровой знак (токен), который используется в международном обороте в качестве универсального средства обмена. В то же время, прямо не определяя, но через правомочия физических лиц обмен токенов допускает только на иные токены, а обмен на товары, работы, услуги запрещен. На этом основании также не допускается использовать криптовалюту в качестве средства платежа. Так, токеном нельзя оплатить покупку в магазине или выплатить заработную плату (вознаграждение) работнику. Физические лица, кроме обмена, вправе майнить (получать токены в качестве вознаграждения за решение собственным специальным оборудованием задач в блокчейне), хранить токены, приобретать, отчуждать, дарить и завещать их. Уточняя перечисленные полномочия, следует отметить, что пользующиеся в последнее время популярностью проекты, предусматривающие эйрдроп – бесплатную раздачу токенов в рамках маркетинговых акций или для поддержки новых проектов – по правовой природе относятся к дарению и законодательно разрешены.

Необходимо учитывать, что Декретом № 8 льготы и преференции участникам отношений, связанных с применением современных технологий, предоставлены только до 1 января 2023 г., поэтому в течение 2024 г. в интересах налогообложения доходов от операций с криптовалютой необходимо также учитывать положения отдельных нормативных правовых актов, регулирующих отношения, складывающиеся по поводу обращения криптовалюты. Так, Указом Президента Республики Беларусь от 28.03.2023 № 80 «Об отдельных вопросах налогообложения» продлено до 1 января 2025 г. положение о непризнании объектом налогообложения подоходным налогом с физических лиц их доходов от деятельности по майнингу, приобретению (в том числе в порядке дарения), отчуждению токенов за белорусские рубли, иностранную валюту, электронные деньги и (или) путём обмена на иные токены, а сами токены не декларируются. Предположительно, регулирование в виде отдельного акта введено по причине того, что дальнейшей пролонгации льгот и преферен-

ций не состоится, в связи с чем ГУ «Администрация Парка высоких технологий (ПВТ)» поручено до 1 июля 2024 г. разработать концепцию развития сферы токенов, включая вопросы налогообложения операций (деятельности) с их использованием, что уже отражено в проекте Закона Республики Беларусь «Об изменении законов» (в том числе Налогового кодекса), опубликованном на Национальном правовом интернет-портале. Так, проектом предусматривается, что любой вид дохода от операций с криптовалютой, переведённый по курсу Национального банка, признаётся объектом налогообложения подоходным налогом по ставке 13%, налоговая база определяется с учётом затрат, произведённых в процессе приобретения (получения) криптовалюты, например комиссии криптобиржи, размер газа (комиссия сети блокчейна) и т.д., вычеты по подоходному налогу не применяются, а информацию о получении такого дохода необходимо будет вносить в декларацию и предоставлять в налоговые органы. Не облагаются налогом, например, «национальная криптовалюта», доходы от майнинга, обмена токенами, а также дарения от физических лиц.

В части дарения следует отметить, что в настоящее время налоговым законодательством не урегулирована возможность получения дохода в виде криптовалюты в порядке дарения, а также не представляется возможным установить все обязательные элементы налогообложения, в связи с чем не приходится говорить об обложении безвозмездно переданных токенов, например, в процессе эйдропа. Учитывая грядущие изменения, с 2025 г. подоходным налогом будут облагаться доходы, полученные физическими лицами от юридических лиц в виде дарения криптовалюты (например, эйдроп), а также доходы, полученные в порядке дарения от физических лиц в сумме, превышающей размер дохода, освобождаемого от подоходного налога (в настоящее время он составляет 10 431,00 руб., с 2025 г. – 11 516,00 руб.).

Учитывая усиление контроля в данной сфере, при совершении операций с криптовалютой необходимо учитывать три основных ограничения. Первое ограничение связано с тем, что криптодеятельность физических лиц является самостоятельной, что не допускает привлекать к ней иных физических лиц или содействовать им в совершении, исполнении сделок (операций) с токенами. Первое ограничение носит несамостоятельный характер и применяется в совокупности со вторым ограничением – запрет на осуществления предпринимательской криптодеятельности. На предпринимательскую деятельность указывает, во-первых, систематический характер сделок (отчуждение криптовалюты неопределённому кругу лиц в течение календарного года), во-вторых, цель – получение прибыли в результате торговли криптовалютой. Например, дея-

тельность «серых» (незаконных, нелегальных, теневых) криптообменников, которая организуется группой физических лиц с или без регистрации юридического лица, или посредническая деятельность: приём фиатных денежных средств от покупателя, приобретение за них криптовалюты у продавца, передача криптовалюты покупателю.

Третье ограничение связано с обязательным соблюдением требований, установленных действующим с 20 сентября 2024 г. Указом Президента Республики Беларусь от 17 сентября 2024 г. № 367 «Об обращении цифровых знаков (токенов)» (далее – Указ № 367), который определил, что физические лица имеют право приобретать криптовалюту за фиатные деньги исключительно у операторов криптоплатформ, операторов обмена криптовалют, иных резидентов ПВТ, осуществляющих такой вид деятельности, а также отчуждать криптовалюту только таким резидентам.

Так, если в действиях физического лица присутствуют нарушения первого и второго ограничений одновременно или только третьего ограничения, то деятельность является незаконной и запрещена к осуществлению на территории Республики Беларусь. Доходы от неё облагаются подоходным налогом с физических лиц по ставке в 26%, а налоговая база определяется без учёта затрат.

Таким образом, апробация криптовалюты на территории Республики Беларусь находится на завершающей стадии, а законодательство идёт в сторону ужесточения контроля за сделками с цифровыми активами с целью снижения числа киберпреступлений, мошеннических криптоплатформ и нелегальных криптообменников. Доходы физических лиц, полученные в качестве вознаграждения за майнинг, от роста цены монеты, от реализации за цену, большую покупной, от разницы при неравномерном обмене, от получения в качестве дара, наследства, не облагаются подоходным налогом. В то же время сделки (операции) в виде купли-продажи, совершённые в нарушение требований Декрета № 8 и Указа № 367, являются незаконными и запрещаются, а доходы физических лиц от такой деятельности облагаются подоходным налогом по повышенной ставке.

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ИСТОЧНИКОВ ТРАНСПОРТНОГО ПРАВА КАК ФАКТОРА СТАБИЛИЗАЦИИ ТРАНСПОРТНОЙ ПОЛИТИКИ

О. А. Хотько

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Беларусь, o.a.khatsko@gmail.com*

В статье предложена классификация актов транспортного законодательства, основываясь на понимании транспортной политики и потребности ее реализации с учетом системного правового обеспечения. Сделаны выводы, что вопросы безопасности подлежат отражению в постановке целей правового регулирования транспортной деятельности. Поднят вопрос повышенной роли обеспечения интересов всех участников транспортной деятельности. Обосновано, что системно сложившееся законодательство в данной сфере взаимосвязано с позиции трех измерений: национального, наднационального и международного, что в конечном итоге направлено на стабилизацию транспортной политики.

Ключевые слова: система источников; транспортное право; транспортное законодательство; Союзное государство; Евразийский экономический союз; интеграция; гармонизация законодательства; безопасность; качество.

ON THE ISSUE OF FORMING A SYSTEM OF SOURCES OF TRANSPORT LAW AS A FACTOR OF STABILIZATION OF TRANSPORT POLICY

O. A. Khotsko

*Belarusian State University, leningradskaya st. 8 220030,
Minsk Belarus, o.a.khatsko@gmail.com*

The article proposes a classification of acts of transport legislation, based on an understanding of transport policy and the need for its implementation, taking into account systemic legal support. It is concluded that safety issues must be reflected in setting the goals of legal regulation of transport activities. The issue of the increased role of ensuring the interests of all participants in transport activities is raised. It is substantiated that systemically established legislation in this area is interconnected from the perspective of three dimensions: national, supranational and international, which is ultimately aimed at stabilizing transport policy.

Keywords: system of sources; transport law; transport legislation; Union State; Eurasian Economic Union; integration; harmonization of legislation; safety; quality.

Процесс транспортной деятельности, осуществляемый непрерывно, постоянно видоизменяется, и в условиях таких трансформаций право должно своевременно закладывать основы развития вышеуказанной деятельности. В белорусской правовой науке не проводились исследования, посвященного системе источников транспортного права на современном этапе. Важным вопросом является проведение анализа законодательства, и на этой основе – выяснить, сформирована ли такая система или находится в стадии формирования. В российской юридической науке ученые обращаются к данной проблематике с позиции потребности кодификации транспортного права. Так, В. С. Белых отмечает, что именно сейчас в эпоху цифровой трансформации «назрела необходимость перестройки существующего транспортного законодательства» [1, с. 103], при этом, как справедливо он подчеркивает, «большое количество нормативных актов в какой-либо сфере, в том числе и в транспортной, не является признаком успешности правового регулирования» [1, с. 103]. Цифровизация в данной сфере деятельности проявляется весьма отчетливо, однако рано пока говорить, что требуется конкретная перестройка законодательства. Соответственно, целью данной статьи выступает обозначение классификации источников транспортного права Республики Беларусь с учетом комплексности при регулировании транспортных правоотношений.

В качестве одного из важнейших вопросов можно выделить поиск правовых механизмов, применяемых к обеспечению транспортных правоотношений на законодательном уровне. Проблема заключается в том, что существует множество точек зрения ученых на сущность категории «транспортное право», и выделять в качестве самостоятельной отрасли право исследователи не торопятся в связи с отсутствием критериев признания правового образования отраслью права, обозначая его как «совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения, которые возникают в связи с организацией и функционированием транспортных организаций, отношения между транспортными организациями и их клиентурой, пользующейся транспортными средствами, а также между транспортными организациями как одного, так и разных видов транспорта» [2, с. 42]. Авторы подчеркивают и такой факт, что единство правоотношений в транспортном праве весьма неоднозначно и до устоявшегося (или преобладающего) мнения еще далеко. Действительно, транспортная сфера любого общества в настоящее время весьма динамична в свете внедрения новых видов транспорта, не всегда оперативно получающих эффективное правовое регулирование. В то же время нельзя оставлять в стороне вопрос стройной системы источников, что будет

способствовать и развитию научных взглядов, глубокому познанию действительности, уточнению предмета регулирования в исследуемой области отношений.

Обратим внимание, что в правовой науке не определено, что следует понимать под транспортной политикой, при этом некоторая несбалансированность правовых решений может быть как раз обусловлена нечетким определением концептуальных направлений реализации данной политики. Транспортную политику следует рассматривать как одну из форм выражения функции государства по формированию целей, задач и направлений деятельности, закреплению организационно-правовых и иных мер, направленных на выполнение поставленных целей для обеспечения эффективной и безопасной транспортной деятельности и удовлетворения потребностей всех субъектов транспортных услуг. Транспортная политика может и должна быть реализована с учетом конституционных положений, поскольку ценности, которые определены и получили легитимное нормативное закрепление в Конституции Республики Беларусь, основаны на общечеловеческих ценностях, «вырабатываются в процессе исторического развития общества и государства, самоопределения нации» [3, с. 9]. В Послании Конституционного Суда Республики Беларусь Президенту Республики Беларусь и Палатам Национального собрания Республики Беларусь «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь» от 5 марта 2024 г. отмечается о том, что нормотворческая деятельность осуществляется на основе принципов и норм Конституции по правовому обеспечению использования инновационных технологий, цифровизации государственного управления, включая «создание сложных интегрированных систем с элементами искусственного интеллекта в сферах транспорта, промышленности, социального обслуживания, здравоохранения и иных» [4].

Учеными подчеркивается, что «важно избирать правильные пути проведения государственной политики» [5, с. 62], базирующейся на правовых началах, учитывая приоритетную роль права и его функции, «каждая из которых образует собственный фактор влияния на процесс стабилизации, а именно: регулятивный, идеологический, функциональный, ориентирующий» [5, с. 62].

Соответственно, системный подход к изучению источников, регулирующих правоотношения в транспортной сфере, позволит показать масштабность такой обширной области и комплекс складывающихся в данной области отношений, продемонстрировав тем самым стратегическую важность для государства процесса транспортной деятельности. Стоит отметить, что систему источников энергетического права в бело-

русской юридической науке исследовал В. С. Каменков, отмечая значение кодификации энергетического законодательства [6].

Безусловно, следует заметить, что полный анализ источников в данной сфере требует отдельного глубокого и детального анализа, но уже имеющийся массив актов позволяет сформулировать тезис о том, что основанием внедрения развития законодательства в данной сфере является норма Конституции, согласно которой граждане имеют право свободно передвигаться в пределах государства, покидать Республику Беларусь и возвращаться обратно (ст. 30), а также норма о регулировании государством экономической деятельности в интересах человека и общества (ст. 13), норма о том, что каждый должен проявлять социальную ответственность, вносить посильный вклад в развитие общества и государства (ст. 21) и другие нормы. Соответственно, именно Конституция является источником, направленным на продвижение основополагающих постулатов и идей развития в сфере транспортных правоотношений.

Важнейшее значение в системе источников принадлежит программным документам, определяющим существенные направления деятельности и выступающие основой развития законодательства в данной сфере. К ним относятся: Государственная программа «Транспортный комплекс» на 2021-2025 годы, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 23 марта 2021 г. № 165; Стратегия инновационного развития транспортного комплекса Республики Беларусь до 2030 года, утвержденная приказом Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь от 25 февраля 2015 г. № 57-Ц; Концепция обеспечения безопасности дорожного движения, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 23 мая 2023 г. № 329 и другие.

Особый блок актов составляют непосредственно акты транспортного законодательства, а именно консолидирующий основные положения транспортной деятельности Закон Республики Беларусь от 5 мая 1998 г. № 140-З «Об основах транспортной деятельности», Указ Президента Республики Беларусь от 12 марта 2020 г. № 92 «О стимулировании использования электромобилей», законодательство в отношении всех используемых видов транспорта (автомобильного, железнодорожного, воздушного, водного, городского электрического и метрополитена). Особое внимание стоит обратить на Указ Президента Республики Беларусь от 25 января 2024 г. № 32 «Об автомобильных пассажирских перевозках», который разработан в целях обеспечения безопасности автомобильных перевозок, устранения нарушений транспортного законодательства и создания условий для добросовестной конкуренции. Нормы данного акта уже подчеркивают широкое внедрение цифровой платформы «Реестр ав-

томобильных перевозок пассажиров» в рамках государственного информационного ресурса, где отражается деятельность перевозчиков в нерегулярном сообщении и ряд иных сведений в электронном доступе.

Кроме того, современное транспортное законодательство охватывает и новые виды транспорта, такие как беспилотные летательные аппараты, что регулируется подписан Указом Президента Республики Беларусь от 25 сентября 2023 г. № 297 «О государственном учете и эксплуатации гражданских беспилотных летательных аппаратов», Постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 28 декабря 2023 года № 972 «О вопросах государственного учета и эксплуатации гражданских беспилотных летательных аппаратов» и иными актами. При этом, не имеется нормативных правовых актов в области беспилотного автомобильного транспорта.

Стоит назвать акты иных отраслей законодательства, имеющее непосредственную взаимосвязь с процессами перевозки, а именно гражданского, налогового, экологического, административного, уголовного и иных отраслей. Имущественные отношения, направленные на оказание услуг по перевозке, и регулируемые гражданским законодательством занимают особое место в системе источников транспортного права, но и нормы по обеспечению экологической безопасности при осуществлении транспортной деятельности, получающие развитие в актах права Евразийского экономического союза, также играют существенную роль в данной сфере.

Наднациональные акты, содержащие нормы, направленные на принятие унифицированного законодательства функционирования транспортного рынка, создание объединенного транспортного рынка, и осуществление мер по развитию согласованной транспортной политики Союзного государства, а также функционирования общего транспортного рынка Евразийского экономического союза подробно проанализированы автором в публикациях [7–12]. Думается обоснованным в перспективе изучение актов права других интеграционных организаций, в частности, Шанхайской организации сотрудничества в рамках полноценного участия Республики Беларусь с 3 июля 2024 г., затрагивающих транспортную деятельность. Международные акты, касающиеся деятельности всех видов транспорта, также составляют весомую нишу в системе источников, поскольку Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства.

В заключение стоит отметить, что множество еще вопросов в области действия источников транспортного права предстоит исследовать, обратив внимание и на кодификацию норм, устранение пробелов право-

вого регулирования, поскольку цели регулирования должны занимать одно из ведущих мест среди норм транспортного права. Ряд проблемных вопросов в области реализации транспортной политики в современных социально-экономических условиях еще нуждается в уточнении как в актах национального, так и наднационального права. Состояние экономики и обеспечения безопасности личности, общества, государства учитывается при регулировании транспортных отношений, при этом назрела необходимость исследовать сущность развития транспортного законодательства с точки зрения его междисциплинарности и внедрения инноваций (цифровой трансформации и иных новшеств технологий) в транспортной отрасли при отражении публично-правового характера транспортных правоотношений. Публично-правовой характер транспортного права обусловлен устойчивостью экономики и обеспечения безопасности на национальном и межгосударственном уровнях.

Для развития транспортно-правовой науки необходимым является изучение актов правового и технического регулирования, что способствует обеспечению эффективности принимаемых мер при реализации транспортной политики с учетом геополитических и геоэкономических тенденций современности.

Библиографические ссылки

1. *Белых В. С.* Проблемы кодификации транспортного права. М. : Проспект, 2023. С. 98–120.
2. *Морозов С. Ю.* Проблема понятия транспортного права // Актуальные проблемы транспортного права ; под ред. А. В. Габова, С. Ю. Морозова. М. : Проспект, 2023. С. 24–43.
3. Конституция Республики Беларусь : научно-практ. комментарий / Г. А. Василевич [и др.] ; под общ. ред. П. П. Миклашевича, О. И. Чуприс, Г. А. Василевича. Минск : Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. 2024. 544 с.
4. О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь : Послание Конституц. Суда Респ. Беларусь Президенту Респ. Беларусь, Палате представителей Нац. Собрания Респ. Беларусь, Совету Респ. Нац. Собрания Респ. Беларусь [Электронный ресурс] : Решение Конст. Суда Респ. Беларусь, 5 марта 2024 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
5. *Краева Н. В., Краева Е. В.* Право как фактор влияния на формирование и стабилизацию политического режима // Админ. право и процесс. 2024. № 6. С. 61–62.
6. *Каменков В. С.* Энергетическое право и система его источников // Проблемы гражданского права и процесса : сб. научн. ст. / УО «Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы»; ред. И. Э. Мартыненко [и др.]. Гродно : ГрГУ им. Я. Купалы, 2017. С. 74–85.
7. *Хотько О. А.* Проблемы правового регулирования эксплуатации интеллектуальных транспортных систем (на примере законодательства Республики Беларусь,

Союзного государства и права Евразийского экономического союза) / // Цифровые технологии и право: сб. науч. тр. II Междунар. науч. конф., Казань, 22 сентября 2023 г. : в 6 т. / Казан. инновац. ун-т; под ред. Е.А. Громовой [и др.]. Казань, Изд-во «Познание». 2023. Т. 6. № 9. С. 369–376.

8. *Хотько О. А.* Развитие транспортного законодательства в Союзном государстве, Евразийском экономическом союзе и правовых основ государственного управления в транспортной сфере в Республике Беларусь / О.А. Хотько // Актуальные проблемы науки административного, финансового и международного права [Электронный ресурс] : материалы II науч. круглого стола, Минск, 10 апр. 2024 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: А. В. Шидловский (гл. ред.), В. С. Михайловский, Н. М. Шевко. Минск : БГУ, 2024. С. 133–140.

9. *Хотько О. А.* Современные подходы к формированию согласованной политики в сфере транспорта в условиях углубления интеграционных процессов в Союзном государстве // Право и бизнес. 2023. № 4. С. 40–43.

10. *Хотько О. А.* Стратегические задачи правового обеспечения транспортной деятельности в условиях изменения геополитических и технологических процессов // Белорусское правосудие: исторический опыт и современность: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Верхов. Суда Респ. Беларусь, Минск, 15 февр. 2023 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол. : Л. Л. Голубева (гл. ред.), С. А. Калинин, О. Н. Романова. Минск : БГУ. С. 505–529.

11. *Хотько О. А.* Правовые принципы транспортной деятельности в Евразийском экономическом союзе в контексте развития торгово-экономического сотрудничества // Коммерческое право. 2024. № 1. С. 27–37.

12. *Хотько О. А.* Правовое регулирование транспортной деятельности как фактор формирования объединенной транспортной политики Союзного государства в контексте обеспечения национальной и региональной безопасности // Юстиция Беларуси. 2023. № 12. С. 27–33.

РИСКИ, СВЯЗАННЫЕ С УПРАВЛЕНИЕМ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ: ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

Н. М. Шевко

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, 220030, г. Минск, Беларусь, ms.shevko@inbox.ru*

Пристальное внимание к потенциальным недостаткам, связанным с использованием технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ), обусловлено тем, что они способны вызвать риски и вред. С одной стороны, эффективное управление ИИ будет способствовать смягчению рисков. С другой стороны, управление ИИ уже представляет существенную проблему, в разрешении которой заинтересованы: государственные организации и правительства; частный сектор и общество.

Ключевые слова: искусственный интеллект; управление искусственным интеллектом; дискриминация; угроза правам человека; технология «дипфейк».

RISKS IN MANAGING ARTIFICIAL INTELLIGENCE: A VIEW FROM THE OUTSIDE

N. M. Shevko

*Belarusian State University, Leningradskaya st. 8, 220030
Minsk, Belarus, ms.shevko@inbox.ru*

The focus on potential downsides associated with the use of artificial intelligence (hereinafter referred to as AI) is due to the fact that they can cause risks and harm. On the one hand, effective governance of AI will help mitigate the risks. On the other hand, governance of AI already represents a significant challenge in the resolution of which: public organizations and governments; the private sector and society are interested.

Keywords: artificial intelligence; artificial intelligence governance; discrimination; human rights threat; deepfake technology.

Как верно отмечает Генеральный Секретарь Организации Объединенных Наций (далее ООН) Антониу Гутерриш: «Если мы хотим использовать преимущества искусственного интеллекта и устранить риски, мы все должны работать вместе — правительства, промышленность, академические круги и гражданское общество — над разработкой структур и систем, которые обеспечивают ответственные инновации...» [1]. Стоит согласиться с тем, что искусственный интеллект (далее ИИ) и другие пе-

редовые технологии обладают значительным потенциалом для поддержки инклюзивности, сокращения неравенства, спасения Целей устойчивого развития (ЦУР) и укрепления деятельности системы ООН [2]. Однако использование положительного влияния ИИ требует пристального внимания к его потенциальным недостаткам, в том числе путем защиты конфиденциальности данных, смягчения предубеждений и обеспечения прозрачных процессов принятия решений. В связи с этим, особо важно использовать возможности ИИ, одновременно устраняя риски и вред, которые составляют его темную сторону.

Так, группа FutureTech из Массачусетского технологического института (MIT) в сотрудничестве с другими экспертами составила базу данных, включающую более 700 потенциальных рисков, классифицированных по причинам возникновения и разделенных на семь основных типов [3]. При этом важно отметить, что основные опасения от использования технологий ИИ связаны с безопасностью, предвзятостью и дискриминацией, а также вопросами конфиденциальности. Среди основных рисков, способных дать сбой и нанести вред человечеству особого внимания заслуживают следующие:

1. ИИ становится разумным, что приведет к тому, что ИИ достигнет разумности и будет способен воспринимать эмоции или ощущения, а также приобретет субъективный опыт, включая удовольствие и боль. В сложившейся ситуации, разумный ИИ может столкнуться с жестоким обращением или пострадать, если не будут реализованы его права. В этом случае перед учеными и регулирующими органами может встать вопрос: «Заслуживают ли системы ИИ аналогичного к себе отношения, как к людям, животным или окружающей среде?».

2. ИИ может преследовать цели, противоречащие интересам человека, что потенциально может привести к тому, что неправильно настроенный ИИ выйдет из-под контроля и причинит серьезный вред человеку и обществу. Данную проблему обычно называют проблемой «черного ящика» ИИ, которая связана с тем, что решения, принимаемые ИИ, больше не могут или только частично могут быть отслежены людьми. Стоит согласиться с Bernd W. Wirtz, Jan C. Weyerer, Ines Kehl которые указывают на то, что потеря контроля над ИИ или неправильное использование ИИ, в частности, в чувствительных областях применения, таких как правовая система, армия, политические коммуникации, транспорт, гражданская оборона или ядерная энергетика могут представлять серьезную угрозу правам человека, общественной безопасности и порядку, а также легитимности предоставления государственных услуг, тем самым препятствуя созданию общественной ценности с помощью ИИ [4], что представляется одной из доминирующих проблем в управлении ИИ.

3. ИИ может лишить людей свободы воли, что, с одной стороны, приведет к снижению уровня критического мышления и навыков решения проблем у людей. С другой стороны, широкое внедрение ИИ для выполнения человеческих задач приведет к значительному сокращению рабочих мест и растущему чувству беспомощности среди населения.

4. Возникновение неадекватной привязанности к ИИ, а именно, переоценивание способностей ИИ и занижение собственных способностей. Как результат, возникновение чрезмерной зависимости от технологий ИИ, изолированность от человеческих отношений, развитие эмоциональной зависимости и росту доверия к возможностям ИИ.

5. Технология «дипфейк» может облегчить искажение реальности и привести к распространению пропаганды или дезинформации, а также к манипулированию общественным мнением. В результате может увеличиться число сложных фишинговых схем, использующих созданные ИИ изображения, видео и аудиосообщения [4].

Таким образом, негативное влияние вышеуказанных рисков и их последствия требуют эффективного управления, что, по мнению автора, позволит не только смягчить эти риски, но и выработать широкое понимание управления ИИ, основанное на международно-правовом подходе. Более того, управление ИИ особо нуждается в дальнейших исследованиях в силу того, что управление ИИ уже представляет фундаментальную проблему в разрешении которой заинтересованы как государственные организации и правительства, так и частный сектор.

Библиографические ссылки

1. Secretary-General's message for Third Artificial Intelligence for Good Summit [Electronic resource] // URL: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/statement/2019-05-28/secretary-generals-message-for-third-artificial-intelligence-for-good-summit> (date of access: 24.10.2024).

2. Artificial Intelligence [Electronic resource] // URL: <https://unsceb.org/topics/artificial-intelligence> (date of access: 24.10.2024).

3. What are the risks from Artificial Intelligence? [Electronic resource] // URL: <https://airisk.mit.edu/> (date of access: 24.10.2024).

4. Bernd W. Wirtz, Jan C. Weyerer, Ines Kehl Governance of artificial intelligence: A risk and guideline-based integrative framework [Electronic resource] / URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0740624X22000181> (date of access: 24.10.2024).